

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

НЕКРАСОВА Анна Вячеславовна
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ГРЕХИ / ДОБРОДЕТЕЛИ»
В ДУХОВНОЙ ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Валерий Вячеславович Волков

Тверь 2021

Оглавление	
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Реконструкция лексико-семантического поля как лингвистический инструмент исследования духовной прозы	13
1.1. Лексико-семантическое поле. Методы и приемы его реконструкции	13
1.1.1. Аспекты исследования лексико-семантического поля «Грехи / Добродетели»	19
1.2. Духовная проза как объект лингвистического исследования. Духовная проза Н.В. Гоголя	22
1.2.1. «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя как произведения духовной прозы	29
1.2.2. Жанровое многообразие духовной прозы Н.В. Гоголя.....	32
Выводы	43
ГЛАВА 2. Состав и структура ядерной части лексико-семантического поля «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя.....	45
2.1. Общая характеристика состава лексико-семантического поля «Грехи / добродетели»	45
2.1.1. Состав ЛСП «Грехи / добродетели» в святоотеческой традиции....	46
2.2.3. Своеобразие семантики лексем грех, добродетель в русском языковом сознании на материале ассоциативного эксперимента.....	86
2.2.4. Своеобразие семантики лексем грех, добродетель в святоотеческой традиции и в словарях, отражающих реальности религиозного (христианского, православного) сознания.....	99
Выводы	118
ГЛАВА 3. Своеобразие семантики лексем грех, добродетель в духовной прозе Н.В. Гоголя	122
3.1. Узуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем в составе поля «Грехи / добродетели» в «ВМ» и «РБЛ».....	122
3.1.1. Поле «Грех / добродетель»	125

3.1.2. Поле «Чревоугодие / воздержание»	130
3.1.3. Поле «Блуд / целомудрие»	140
3.1.4. Поле «Сребролюбие / нестяжание»	145
3.1.5. Поле «Гнев / кротость»	148
3.1.6. Поле «Печаль / надежда»	154
3.1.7. Поле «Уныние / трезвение»	161
3.1.8. Поле «Тщеславие / смирение»	167
3.1.9. Поле «Гордость / любовь»	175
3.2. Особенности языковой личности Н.В. Гоголя	182
Выводы	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	192
Словари и словарные издания	205
Источники	211
Список условных сокращений	212
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	213
Лексемы ЛСП «Грехи / добродетели», встречающиеся в гоголевских выписках из святых отцов Церкви	213
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	214
Сводные таблицы по результатам проведения свободного ассоциативного эксперимента	214
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	229
Прямые наименования дескрипторных лексем, входящих в состав ЛСП «Грехи / добродетели», в духовной прозе Н.В. Гоголя	229

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в результате активно протекающих процессов глобализации и либерализации в российском пространстве происходит смещение акцентов в сторону «обмирщения» культуры. Стремление привести к общему стандарту отношение к различным явлениям социальной и духовной сфер жизни приводит к постепенной десакрализации таких понятий, как «грех», «добродетель». В список современных добродетелей, по результатам социологических исследований фонда «Общественное мнение» и Всероссийского центра изучения общественного мнения [Московские современные добродетели], вошли качества человека, нацеленного на самореализацию, на достижение успеха (изначально добродетель не низводится до уровня средства). В то же время поведение, должное истолковываться как греховное, признается нормальным, закономерным.

Согласно одному из стратегических направлений Национальных проектов в России на 2019–2024 годы, в сфере образования в приоритете воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций [Указ Президента Российской Федерации]. Внесение имени Бога в текст новой Конституции РФ может свидетельствовать о некотором сдвиге в общественном сознании в сторону необходимости духовного развития, во всяком случае, речь идет о наличии «духовного голода».

Возможность реализации поставленной цели состоит в «обретении» нормы, эталона, которое видится в обращении к истокам, к основам, изложенным в Священном Писании и отраженным в христианских догматических, аскетических учениях, в духовных произведениях литературы как источнике, приближающем к постижению истины. Национальное духовно-религиозное возрождение России, ее будущее видится в освоении классической литературы духовного реализма.

В этом смысле представляется продуктивным и перспективным исследование духовной прозы русских писателей, в языковом отношении центрирующей на прочитываемых в христианском контексте лексико-семантических полях (далее – ЛСП) типа «Грех» и «Добродетель» и отражающей взаимодействие русской литературы с православной традицией (М.М. Дунаев, А.М. Любомудров).

Лексико-семантическое поле «Грехи / добродетели» представляет собой совокупность лексических единиц, которые репрезентируют *грехи* и *добродетели* и связанные с ними явления. Полевая структура как принцип организации той или иной лексической группировки, выступающей в качестве лексико-семантической «доминанты» отдельного произведения либо творчества автора в целом, отражает фрагменты индивидуальной художественной картины мира.

Изучение духовной прозы Н.В. Гоголя позволяет расширить содержательное представление о творчестве писателя, который видел и оценивал окружающее в свете Божественного присутствия, в контексте православного мировоззрения.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется: 1) возрастающим интересом науки к традиционным, коренящимся в православии ценностям, на которых основывается духовная составляющая современной России; 2) необходимостью углубленного прочтения христиански ориентированных произведений русской классической литературы; 3) необходимостью поиска и определения лингвистических технологий для исследования произведений духовной прозы; 4) отсутствием исследований, специально посвященных реконструкции лексико-семантического поля «Грехи / добродетели» и функционированию единиц этого поля в духовной прозе Н.В. Гоголя.

Объект исследования – духовная проза Н.В. Гоголя, отражающая взгляды позднего Гоголя на место христианской составляющей в российской жизни.

Предмет исследования – функционирование в текстах Гоголя лексических единиц, составляющих ЛСП «Грехи / добродетели».

Гипотеза работы состоит в предположении, что определение состава и структуры ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя, детальная характеристика языковой и контекстуальной семантики составляющих это поле единиц на основе сопоставления святоотеческих и секулярных прочтений позволит установить соотношение церковно-религиозных (сакрально-христианских) и секулярных (этических) компонентов в картине мира Н.В. Гоголя, охарактеризовать особенности его языковой личности как православного христианина, своеобразие взглядов позднего Гоголя на место христианских ценностей в менталитете россиян.

Цель исследования – определить состав и структуру ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя, охарактеризовать семантические особенности лексем, составляющих данное поле, и выявить на этой лингвистической основе своеобразие языковой личности и мирозерцания Гоголя как православного христианина.

Поставленная цель предполагает решение ряда конкретных **задач**:

1. Уточнить содержание понятия «лексико-семантическое поле», определить методы и приемы его лингвистической реконструкции в применении к исследованию духовной прозы писателя как инструмента ее изучения.

2. Уточнить содержание и объем понятия «духовная проза», определить особенности духовной прозы Н.В. Гоголя, раскрыть ее жанровое своеобразие.

3. Определить объем и состав ЛСП «Грехи / добродетели» и дать его общую характеристику в секулярной сфере на основании данных толковых

словарей и на материале, полученном в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента.

4. Определить объем и состав ЛСП «Грехи / добродетели» и дать его общую характеристику в церковно-религиозной сфере на материале святоотеческой литературы и духовной прозы Н.В. Гоголя.

5. Выявить, систематизировать и интерпретировать узловые и контекстуальные сакрально-религиозные (христианские) и секулярные значения и смыслы лексем, составляющих ЛСП «Грехи / добродетели», реконструируемого на материале духовной прозы Гоголя.

6. На основе реконструкции ЛСП «Грехи / добродетели» выявить особенности языковой личности Гоголя как православного христианина.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы:

– по лингвистической русистике, теории языка, лингвоконцептологии, психолингвистике (С.Г. Воркачев, А.А. Залевская, В.Г. Зусман, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, В.В. Волков, Н.М. Иванова, Л.Г. Бабенко, В.П. Москвин, В.П. Даниленко и др.), в том числе рассматривающие концепт «Грех» и концептосферу духовной прозы Н.В. Гоголя в целом (В.В. Сайгин, Ю.В. Коренева, А.Н. Клочан, Н.О. Косицына, Е.А. Семухина, Н.Н. Исаченко и др.);

– по филологической герменевтике (Г.И. Богин, Н.Ф. Крюкова, Л.Я. Куркина, С.А. Гончаров, Л.В. Карасев);

– по теории жанров, теории литературы (М.М. Бахтин, В.И. Постовалова, Е.В. Гладкова, С.А. Гончаров, Е.И. Анненкова, Д.Г. Демидов, И.А. Виноградов, И.А. Казанцева, С.Ю. Николаева, И.А. Есаулов, А.А. Безруков, В.А. Котельников, В.Н. Аношкина, И.С. Леонов, Ж.М. Шеффер);

– по русской религиозной философии и богословию (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, В.А. Котельников,

Г.В. Флоровский, Н.И. Бердяев, А.А. Уминский, И.А. Ильин, А.Ч. Козаржевский), по истории русской православной церкви (Б.Г. Литвак, Н.С. Гордиенко);

– по философии культуры и философии языка (К.Н. Леонтьев, А.П. Давыдов, С.А. Никольский, В.П. Филимонов, Дж.Э. Вейз мл., В.В. Колесов, А.Х. Гольденберг).

Материалом исследования являются тексты духовной прозы Н.В. Гоголя (33 разножанровых текста из книги «Выбранные места из переписки с друзьями», шестичастный текст «Размышлений о Божественной Литургии»), данные современных толковых, энциклопедических, этимологических словарей и словарей синонимов русского языка, данные святоотеческой литературы, 633 словоупотребления лексических единиц, принадлежащих исследуемому ЛСП, в произведениях духовной прозы Н.В. Гоголя; 2902 ассоциативные единицы, полученные в ходе проведения ассоциативного эксперимента.

Методы исследования: описательный метод, включающий приемы наблюдения, интерпретации и сопоставления лексических единиц; словообразовательный анализ, лексико-семантический и лексико-стилистический анализ, компонентный и контекстуальный анализ семантики, жанрово-тематический и прагмалингвистический анализ текста; приемы статистической оценки данных, свободный ассоциативный эксперимент.

Научная новизна исследования определяется тем, что в настоящее время в отечественном языкознании нет отдельных исследований, посвященных системному описанию лексических единиц, актуализирующих ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя. В данной работе конститuentы ЛСП «Грехи / добродетели» являются предметом детального рассмотрения на стыке антропоцентрического, теоцентрического и лексико-семантического системно-функционального подходов с учетом жанрово-тематической специфики духовной прозы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Складывающееся из двух взаимосвязанных макрокомпонентов лексико-семантическое поле «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя является семантически биполярным (секулярно-сакральным), для выявления секулярных и специфически христианских значений и смыслов необходимо обращение к источникам двойного рода: мирским и церковно-религиозным.

2. Духовная проза Н.В. Гоголя фундируется его христианским мирозерцанием. Жанровая автохарактеристика «Выбранных мест из переписки друзьями» (переписка) побуждает относить произведение к духовной публицистике, опирающейся на традиции проповеди и исповеди, где через семантическую доминанту «Грех» передается несовершенство мира, боль от его греховности, через доминанту «Добродетель» – стремление побудить читателей к личному духовному восхождению как основе добродетельного домостроительства общества и государства. «Размышления о Божественной Литургии» близки учительной, миссионерской литературе с теми же семантическими доминантами.

3. Дескрипторные лексемы *грех* и *добродетель* изначально именуют религиозные концепты, которые в светской этике десакрализуются до представления о нарушении / соблюдении норм общежития. Основные отличия секулярного состава ЛСП «Грехи / добродетели» в сопоставлении с церковно-религиозным: 1) отсутствие христианских лексем, дефинирующих грехи / добродетели (*нестяжание, трезвение*), их замена квазисинонимами (ср.: *жадность* вместо *сребролюбие, обжорство* вместо *чревоугодие*); 2) аксиологическая двойственность именованных грехов / добродетелей (ср.: *добродетель, печаль, гордость*); 3) секулярное сужение семантики (ср.: *любовь, смирение, блуд*); 4) стилистическая маркированность церковнославянизмов (ср.: *сребролюбие, воздержание, нестяжание, тщеславие, целомудрие, блуд*).

4. Церковно-религиозная составляющая семантики лексем в ЛСП «Грехи / добродетели» фундируется христианской антропологией: человек – образ и подобие Божие, из чего следует, что грех есть «поломка», «ошибка», «заблуждение», отступление от Божьего замысла о человеке. *Добродетель*, уже по своей внутренней форме (от *добро* и *деяти* ‘делать’) – это деятельное добро, искоряющее страсти и помогающее побороть рабство греху. Бинарная схема ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя соотносится с древней схемой подразделения страстей (греховных навыков) и обратного пути (добродетелей), разработанной христианскими богословами и монахами, включает 16 соотносительных (двухчастных) микрополей.

5. Контекстуальная семантика лексем, составляющих ядро ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Гоголя, существенно отличается от секулярной. Ключевые лексемы с высокочастотными корневыми морфемами *-грех-*, *-горд-*, *-люб-*, *-держ-*, *-слав-*, *-год-*, *-гнев-* в духовной прозе Гоголя выражают преимущественно церковно-религиозные значения и контекстуальные смыслы.

6. Главная особенность языковой личности Н.В. Гоголя, выявившаяся в результате анализа ЛСП «Грехи / добродетели», – доминантность христианской семантики при относительной периферийности секулярной. Количество словоупотреблений лексем данного поля в церковно-религиозных значениях и смыслах составляет 392 (61,9 % от общего числа), в секулярных значениях и смыслах – 127 (20,1 %), семантически диффузные словоупотребления – 114 (18,0 %). Статистически и семантически выделена лексема *любовь*, именующая главную христианскую добродетель, ключевой контекстуальный смысл которой, по Гоголю, «любовь к Богу». В ней основание духовно-нравственного здоровья России и россиян.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в разработку методики реконструкции и интерпретации религиозных ЛСП, углублением научных представлений о применении теории ЛСП к

исследованию духовной прозы, уточнением и конкретизацией понятий, отражающих жанровую специфику произведений духовного содержания. Работа углубляет теоретическую и практическую базу исследований в области лексической и стилистической семантики. Результаты, полученные в исследовании, могут быть использованы для дальнейшей разработки проблем понимания и интерпретации текстов духовной прозы.

Теоретическая основа работы – теолингвистическая трактовка таких «сверхценностей» (бытийных ценностей, «метапотребностей»), которые характеризуются противоположными свойствами *греха* и *добродетели*, составляют основу личности и поведения людей.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в лекционных курсах по лексикологии и лексикографии, в спецкурсах по стилистике, в практике преподавания русского языка и литературы. Результаты работы могут быть полезными при составлении словаря языка Н.В. Гоголя.

Апробация результатов исследования на разных этапах его разработки осуществлена в виде докладов и сообщений на конференциях и семинарах всероссийского и международного уровня: «Русская словесность и вопросы нравственного воспитания студентов» (Санкт-Петербург, СПГУТД, 2012, 2019); «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, ЯГПУ, 2016, 2018, 2019, 2020); «Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы» (Казань, КФУ, 2018); «Тенденции развития современной отечественной филологии» (Тверь, ТвГУ, 2019). Материалы исследования отражены в 16 статьях общим объемом 6,44 п.л., в том числе в 5 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях ВАК Российской Федерации. Диссертационное исследование прошло обсуждение на заседании кафедры русского языка Тверского государственного университета.

Структура. Диссертационное исследование включает введение, три главы, заключение, список литературы (215 позиций), список условных сокращений, три приложения.

ГЛАВА 1. Реконструкция лексико-семантического поля как лингвистический инструмент исследования духовной прозы

1.1. Лексико-семантическое поле. Методы и приемы его реконструкции

Все более активное вхождение в круг исследовательских интересов русистики художественной литературы духовного реализма [Волков, 2017] и, шире, духовной прозы в целом [Леонов, 2010] – частное проявление последовательного расширения антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, в том числе в проекции на предмет нашего специального исследовательского интереса – таких лексико-семантических полей прозы Н.В. Гоголя, как «Смирение», «Грех», «Добродетель» и др.

Антропоцентрический, «человекомерный» подход к анализу языковых / речевых (текстовых) явлений основывается на двояком представлении: «...с одной стороны, язык фиксирует, *что* и *как* видит человек, с другой стороны, языковая картина определяет “направленность взгляда”, направленность внимания и восприятия» [Волков, 2013, с. 31]. Следовательно, антропоцентрическая реконструкция лексико-семантических структур языка в целом либо отдельного словесного произведения, с одной стороны, носит лингвоперсонологическую направленность, позволяя выявить существенные особенности отдельной языковой личности (конкретного автора) либо «коллективные» особенности языковой личности русского человека как интегрального антропофеномена.

С другой стороны, реконструкция лексико-семантического поля ведет к выявлению существенных особенностей устройства системы языка как «надличностного» объекта, который определенным образом моделирует, «программирует» восприятие и понимание мира. На базе этих основополагающих антропоцентрических представлений складываются социокультурологическое, этнолингвистическое, системно-функциональное

и другие направления исследования. В новом ракурсе предстает и функционально-когнитивный подход к исследованию языковых и текстуальных лексико-семантических полей, реконструкция которых оказывается одним из инструментов антропоцентрической русистики.

Изучение устройства не только языка (в «традиционной» лингвистике), но и языкового сознания в психолингвистике, языковой личности в лингвоперсонологии основывается на полевом представлении об этих явлениях. В работах последних лет полевой подход активно применяется к исследованию речи писателей, поэтов. Например, В.Б. Тюрина «Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова [Тюрин, 2013], Т.Н. Куренковой «Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова» [Куренкова, 2008], О.Ю. Ткаченко «Лексико-семантическое поле моральной оценки и этическая структура художественного мира Ф.М. Достоевского» [Ткаченко, 2011], Е.В. Плахиной «Лексико-семантическое поле «Космос» в лирике В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова» [Плахина, 2004] и др. полевая структура как принцип организации той или иной лексической группировки, выступающей в качестве лексико-семантической «доминанты» отдельного произведения либо творчества автора в целом [Волков, Волкова, 2014], отражает фрагменты индивидуальной художественной картины мира, элементы универсального мыслительного содержания, этическую структуру текста, формирует его идейно-тематическое содержание.

Актуальность указанного направления исследований побуждает сделать некоторые методологические замечания относительно существа понятия «лексико-семантическое поле», методов и приемов его лингвистической реконструкции.

Семантическое поле в целом и лексико-семантическое поле в частности реконструируются на основе метода компонентного анализа и определяются

как «ряд парадигматически связанных слов и их отдельных значений, имеющих в своем составе общий (интегральный) семантический признак и различающихся по крайней мере по одному дифференциальному признаку» [БЭС, 1998, с. 234]. В определенных условиях интегральные семантические признаки могут быть дифференциальными, чем объясняется иерархическая связь семантических полей в лексике.

В широком смысле семантическое поле – это «частичка («кусочек») действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы (например, *семантическое поле радости*)» [Ахманова, 2010, с. 334]. В узком смысле под семантическим полем понимается «совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений (например, к *полю времени* относятся слова *час, продолжительность, скоро* и пр.)» [Там же, с. 334].

Границы семантического поля зависят, с одной стороны, от ограничений, устанавливаемых исследователем, с другой стороны, от различной реальной протяженности и проницаемости поля в конкретном языке или в отдельном тексте. Неопределенность границ поля – онтологическое, сущностное свойство поля, обусловленное его избыточностью и парадоксом точности» [Караулов, 1976, с. 217–218].

Помимо отсутствия четких границ, континуальности, специфичности в разных языках, современные лингвисты, занимающиеся исследованием лексико-семантических полей, выделяют также такие отличительные свойства поля как незамкнутость и взаимодействие с другими полями, взаимная аттракция единиц лексико-семантических групп лексико-семантического поля, наличие лагун, асимметричность построения, связь всех его элементов, отсюда самостоятельность в лексико-семантической системе (целостность и принципиальная выделимость, автономность

[Там же, с. 32–33; Набирухина, 1990, с. 70; Кузнецов, 2005; Куренкова, 2008, с. 6; Потапова, 2012], самоорганизация, динамичность, гибкость с классифицирующей функцией и др. [Кезина, 2010].

В любом семантическом поле выделяются центр и периферия, первичные и вторичные функции языковых / речевых единиц, составляющих упорядоченный набор, в их семантике различаются общепринятое и индивидуальное, житейские представления и данные научного анализа [Денисов, 1980, с. 127]. Как языковая структура семантическое поле упорядочивается системой внутренних, подчиненных общему (инвариантному) содержанию оппозиций.

Ассоциативные, понятийные и семантические поля – как разновидности полевых структур языка / речи – основаны на разных принципах и отражают различные свойства общенародного / индивидуального лексикона. «Ассоциативное поле, будучи онтологически отражением структур мысли, может рассматриваться как характеристика индивидуума, среднего носителя языка, воспринимающего действительность. Понятийное же поле тяготеет к тому, чтобы быть непосредственным отражением, характеристикой самой действительности. Семантическое поле стремится соединить обе указанные характеристики» [Караулов, 1976, с. 176].

Эскизная модель лексико-семантического поля, как любого идеографического («тезаурусного») явления, словарного или квазисловарного, может выглядеть следующим образом: 1) заголовочная единица – дескриптор (слово или словосочетание); 2) «тело» поля – набор языковых / речевых единиц, согласующихся с дескриптором в интегральной семе / семах; 3) сеть семантических отношений, связывающих каждую из единиц поля с дескриптором и/или друг с другом [Волков, 2013а, с. 128–133].

Дескриптор – нормализованное слово или словосочетание, выбранное из группы синонимичных или близких по значению слов и выступающее в

качестве заголовочной единицы поля. Применительно к лингвоперсонологии или к задачам исследования конкретного словесного произведения дескриптором может быть любое полнозначное или неполнозначное слово или словосочетание. Выбор имени поля должен удовлетворять следующим параметрам: однозначности, полноте охвата лексики, наличествующей в «теле» поля, необходимому уровню абстрактности – конкретности. Необходимым условием построения поля является семантическая связь всех слов, входящих в состав поля, с именем поля.

В данной работе дескрипторные лексемы именуют концепты как промежуточные звенья между явлениями и словами, как посредники между словами и экстралингвистической действительностью [Кубрякова, 1996, с. 90–92].

При интерпретации поля с опорой на концепцию лексикона человека требуется интегративный, комплексный, подход к слову и тексту, который учитывает «неразрывную взаимосвязь между телом, сознанием и культурой» [Залевская, 2005, с. 488]. Так, например, активно и разнообразно в современной русистике осуществляется реконструкция на материале языковых данных ценностных понятий духовной культуры, в том числе на основе осмысления взаимосвязей Православия и русской литературы [Волков, 2017; Казанцева, 2011].

В силу дискретности наличествующих в тексте языковых средств понимание текста затруднено. Из всех возможных смыслов, возникающих при восприятии определенной языковой структуры, всегда имеют в виду только некоторые из них, актуальные для автора художественного произведения и акцентированные в тексте определенным образом. Доминантный личностный смысл репрезентируется лексемами ассоциативно и логически связанного ряда концептов (а не выявляется из интегративного значения фиксирующих его лексем), что обусловлено сложностью смыслов, являющихся следствием амбивалентности эмоций, континуальности

смыслов, ассоциативности мышления и наличия определенной общности концептуальных систем автора и реципиента [Залевская, 2005, с. 391–393].

Выступая в качестве своеобразных маркеров глубинной семантической значимости, семантическая доминанта (отдельная языковая единица со значимым в контексте целого смыслом) и/или поле таких единиц (упорядоченная совокупность таких языковых единиц) служат средствами выражения идейного и эмоционального содержания литературного произведения, позволяют продуктивно интерпретировать текст [Волков, Волкова, 2014, с. 279–280].

Как объект лингвистического исследования особый интерес представляет духовная проза русских писателей, в языковом отношении центрирующаяся на прочитываемых в христианском контексте лексико-семантических полях типа «Грех» и «Добродетель». С момента образования русского государства до наших дней именно Православие стимулировало онтологическую и аксиологическую проблематику в творчестве наиболее значимых русских писателей. Отсюда актуальность исследований в области взаимодействия русской литературы с православной традицией (см., например, фундаментальные работы: [Любомудров, 2003; Дунаев, 2003–2004]).

В последние годы предпринимаются активные попытки прочтения в контексте православного мировоззрения творчества Н.В. Гоголя, который, в частности, мыслил свою книгу «ВМ» своеобразным «мостиком» от духовных произведений к секуляризованному читателю, что подробно рассматривается в работе С. Томачинского [Томачинский, 2009, с. 51]. Сходная позиция – в работе Л.В. Щегловой: «Их (Чаадаева и Гоголя – А. Н.) духовный поиск оказался во многом реакцией на секуляризм, распространившийся в России, т.е. обмирщение христианской жизни, которая стала искать другие пути, помимо и вне церкви [Щеглова]. Реконструкция религиозных лексико-семантических полей в духовной прозе Н.В. Гоголя, по нашему убеждению,

может послужить надежной объективной лингвистической опорой дальнейшей интерпретации его произведений в ключе православной традиции.

1.1.1. Аспекты исследования лексико-семантического поля

«Грехи / Добродетели»

В исследовании ЛСП «Грехи / добродетели» применительно к изучению духовной прозы Н.В. Гоголя важным представляется вопрос соотнесенности «автор – текст – читатель» в рамках антропоцентрического подхода к изучению текста. Тексты Гоголя интерпретируются в аспектах их порождения (позиция автора), восприятия (позиция читателя) и воздействия на читателя. При этом внутри антропоцентрического подхода художественный текст осмысливается в свете когнитивной парадигмы как выражающий «знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [Бабенко, 2009, с. 24].

Вопрос о составе и структуре ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Гоголя решается: 1) с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов; 2) с секулярной и церковно-религиозной точек зрения; 3) в языковом и речевом воплощении.

1. Реконструкция ЛСП «Грехи / добродетели» с учетом лингвистических (1) и экстралингвистических (2) параметров анализа текстов (см. Рис. 1):

(1) определение и выявление жанровых, стилевых, грамматических, лексических, синтаксических и морфологических особенностей в ходе контекстного, текстового и интерпретативного анализа (Т → Я);

(2) время написания произведений ($Д \rightarrow Т$); идеология и климат эпохи ($Д \rightarrow Т$); среда, личности, которым адресованы произведения ($Т \rightarrow Ч$); взаимоотношения автора и адресатов ($А \Leftrightarrow Ч$); намерения автора ($А \rightarrow Ч$).

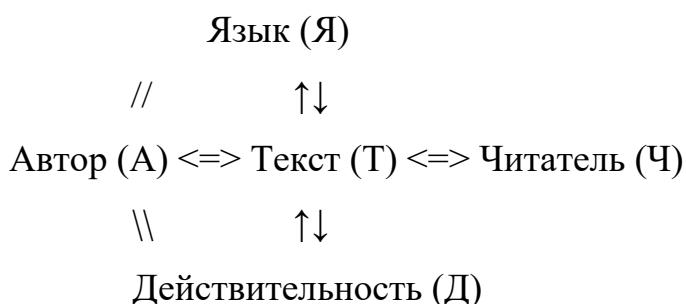

Рис. 1

2. Реконструкция ЛСП «Грехи / добродетели» с секулярной (3) и церковно-религиозной точек зрения (4):

(3) С точки зрения обыденного сознания, некое нарушение законов, предписаний, как правило, носит, юридический, правовой, нравственный характер. Такое несоблюдение норм «человеческого общежития» чаще называют преступлением, правонарушением, проступком, нежели грехом. Определение перечней грехов и добродетелей, понимаемых с позиции секулярной как нарушение / соблюдение правовых, этических, нравственных норм, принятых в обществе, вызывает трудности, поскольку ограничить такие списки до более или менее минимального, конечного числа не представляется возможным в силу субъективности оценки. В самом деле, что, с точки зрения «неверующего человека», считать правильным / неправильным, соответствующим / несоответствующим норме?

Наличие нейтральных и стилистически окрашенных синонимов и антонимов к ряду слов, принадлежащих церковно-религиозной сфере, не предполагает возможности построения в секулярном контексте иного ряда лексем, более или менее соотносимого, «синхронизированного», с таковым в его сакральном смысле. В выявлении особенностей лексем в секулярном срезе интерес представляют толкования лексических единиц, образующих

перечень грехов и добродетелей в церковно-религиозном их понимании, в словарях кодифицированного русского литературного языка, в Словаре В.И. Даля, в интерпретации носителей современного русского языка (с частичным сопоставлением с данными РАС Ю.Н. Караулова).

(4) В церковно-религиозной традиции те же нарушения мыслятся в ином свете, в свете непослушания Богу, неисполнения человеком своего назначения на земле, отступления от предписанного при сохранении неразрывной связи человека с Богом, с памятованием о святой Его воле, с ощущением вины вследствие всего происходящего вокруг. Грех прежде всего религиозное слово, определяющее все мыслимое и совершаемое человеком с точки зрения Божественного присутствия в мире. В сакрально-религиозном контексте ориентация на Завет Бога, данного человеку, отраженный в заповедях, является определяющей. «Поверка» собственных поступков, поведения на предмет соответствия поведению истинного христианина может опираться на перечень грехов и добродетелей.

3. Реконструкция ЛСП «Грехи / добродетели» с учетом языковых (5) и речевых (6) данных:

(5) Язык как готовая система грамматических правил, набор лексических единиц, закрепленных языковой практикой и отраженных в различных словарях и справочниках, составляет общенациональное, картину мира говорящего на нем народа. Узуальные (из лат. *usus* ‘правило, норма’), общепринятые, социально нормативные значения, которые представлены в кодифицированном литературном языке и отражены в толковых словарях.

(6) Речь, напротив, индивидуальна, ситуативна, линейна. Контекстуальное или окказиональное (из лат. *occasionalis* ‘случайный’) значения и смыслы выходят за пределы нормативно-привычного, обусловлены личностным опытом, проявляются в специфических контекстах. На основе контент-анализа наиболее репрезентативных фрагментов духовной прозы Н.В. Гоголя рассматриваются контекстуальные

значения и смыслы обозначенных лексем, в которых совмещаются сакрально-религиозные и секулярные компоненты.

Значения и смыслы сущ. *грех* и сущ. *добродетель* в духовной прозе Н.В. Гоголя приобретают дополнительные истолкования. В попытке писателя-христианина найти ответы на мучительные, «непосильные» вопросы русской жизни, обрести решение практическим, а не отвлеченным путем, средствами нравственно-религиозного перевоспитания личности видится возможность дополнить представление о явлениях, обозначенных существительными *грех* и *добродетель*, обнаружить индивидуально-авторские контекстуальные смыслы, то есть выявить своеобразие семантики лексем, составляющих исследуемое поле, определить особенности языковой личности Н.В. Гоголя.

1.2. Духовная проза как объект лингвистического исследования.

Духовная проза Н.В. Гоголя

В современной России важным становится вопрос взаимодействия Церкви, общества и государства. К сожалению, мировоззренческая парадигма общества потребления сформировала отношение людей к Церкви как к бюро по оказанию духовных услуг, как к «комбинату по производству благодати». Отсутствие постоянной «оглядки» на Бога Отца становится одной из причин десакрализации понятий из области праведного и неправедного, изживанию представления о нарушении чего-либо как о грехе, подмене истинных ценностей ложными.

Путь духовно-религиозного возрождения современной России обуславливает филологическую и дидактическую целесообразность возобновления духовной традиции средствами художественной литературы, в текстах которой отражаются традиционные духовные ценности [Волков, Гладилина, Скаковская, 2017], предопределяет актуальность исследований в

области взаимодействия русской литературы с православной аскетической традицией.

Проблемы поиска путей «возвращения литературы в храм» нашли свое отражение в таком литературном явлении как духовный реализм, в рамках изучения которого обсуждаются аксиологические и онтологические проблемы. «Классическая литература духовного реализма – это литература, за которой будущее, связанное с российским национальным духовно-религиозным возрождением»; источник, приближающий к постижению истины [Волков, Волкова, 2017, с. 151].

Духовный реализм разные исследователи также называют литературой художественного реализма, православной художественной литературой, духовной прозой, религиозной художественной литературой, христианской прозой, приходской прозой. Под духовным реализмом понимается художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире; художественное освоение духовной реальности, то есть реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека [Любомудров, 2003, с. 6, 38].

В исследовательской литературе есть попытки приблизиться к пониманию этого явления, и в последние годы появляются работы авторов, задачей которых становится изучение произведений современных православных писателей [Гладкова, 2006; Леонов, 2010, 2011; Лау, 2011; Пращерук, 2015; Нерубенко, 2016]. Так, духовную прозу определяют как особое явление русской словесности, возникшее на пересечении церковной и светской литературы и синтезирующее духовный опыт и достижения литературного развития. К духовной прозе причисляют пласт художественных произведений церковно-религиозной тематики, которые написаны православными священнослужителями и светскими верующими писателями.

Задачей художественной литературы духовного реализма является рассказ о событиях и явлениях, соприкасающихся с присутствием божественного в жизни, но где не предполагается прямого воздействия на читателя. Такие произведения становятся «посредниками между современным миром и верой» [Нерубенко, 2016, с. 89]. Это романы, повести, рассказы, художественные очерки духовного содержания, такие как: «Лето Господне» и «Пути небесные» И.С. Шмелева, «Преподобный Сергей Радонежский» Б. Зайцева, «Несвятые святые» архим. Тихона (Шевкунова), рассказы Н. Павловой, А. Сегеня, М. Сараджишвили, В. Щербинина и др., где духовная реальность превосходит художественный вымысел.

Справедливо отмечается, что в произведениях духовного содержания основополагающими являются диалог с читателем, стремление автора открыть читателю мир Православия, прозрение небесного мира за миром земным и описание их взаимопроникновения и взаимосвязей, поиск Бога и пути к Нему как вертикальное восхождения от дольного мира к горнему, не поиск идеала, а его утверждение.

Однако жанровое многообразие произведений духовной литературы, профессиональный и социальный статус авторов текстов, круг читателей, которым они адресованы, а также само наличие нескольких понятий, оказывающихся в одном случае синонимами, а в другом неоправданно широкими или узкими терминами, например, «христианская проза» и «православная проза», свидетельствуют о том, что еще не вполне внесена ясность в их разграничении.

В связи с этим возникает необходимость уточнить содержание и объем этого понятия. Духовная проза – это родовое понятие, соотносящееся с целым рядом разножанровых текстов, для авторов которых характерны следующие особенности: 1) христианское мирозерцание; 2) следование православной традиции; 3) объяснение смысла жизни по христианскому вероучению; 4) многообразие духовного опыта в христианском сознании;

- 5) целостность миропонимания, основанного на теоцентризме;
- б) устремленность к обожению.

Под обожением (любовью, стяжанием Духа Святого) понимается вхождение в такое состояние, когда подобие Бога, омраченное в грехопадении, восстанавливается в жизни человека Христом Иисусом Господом нашим [Семь смертных грехов]. Обожение (греч. *θέωσις*) – это основная для богословия святости концепция, согласно которой человек может проникаться Божественными энергиями и соединяться с Богом. В естество человека, сотворенного для богообщения и богопознания, вложено стремление к Богу [Догматическое богословие, 2014, с. 52–53].

Способ существования человека может входить в противоречие с его природным логосом действием первородного греха. Это противоречие преодолевается в воплощении Бога Слова благодаря взаимопроникновению (греч. *περιχώρησις*) Божественной и человеческой природ во Христе. Конечным моментом этого движения за Христом и является обожение [Живов, 1994, с. 70–71]. «Только через духовное озарение, – учит прп. Максим Исповедник, – человеческий ум получает способность распознавать энергии Логоса, сокрытые и потаенные под чувственными покровами тварного мира» [Догматическое богословие, 2014, с. 256].

Термин Логос (греч. *λόγος*), в силу его полисемантичности, трудно переводим. Первоначально он обозначал мысль, адекватно выраженную в слове и поэтому неотделимую от него. Согласно Иоанну, Логос есть не нечто тварное, подчиненное Богу, но сам Бог и Творец, воплотившийся в человеке как божественная личность. Так, в ветхозаветные времена посредниками между Богом и людьми были люди же (пророки, в частности, Моисей), а при Новом Завете таким посредником выступает Логос [Козаржевский, 2018, с. 116–118].

Для писателей, разделяющих позиции духовного реализма, характерно представление о единстве горнего и дольного миров, восприятие православия

как системы во всей полноте составляющих частей вероучения (целостность миропонимания, основанного на теоцентризме); сама религиозность проявляется здесь не во внимании к Священному писанию, а в особом взгляде на мир [Казанцева, 2011, с. 19–21]. Немаловажен факт сосредоточения мировоззрения православных авторов на этическом, сакральном и институционально-иерархическом аспектах следования православной традиции [Леонов, 2010, с. 91]; «вовлечение в орбиту христианского сознания всего многообразия духовного опыта» [Гладкова, 2006, с. 129–136]. Характерными чертами духовной прозы являются «иконизация», или символизация изображаемого мира [Гладкова, 2006, с. 138–139], иерархичность в интерпретации Бога, мира и человека [Казанцева, 2011].

К духовной прозе применительно к поздним произведениям Гоголя мы относим церковную литературу, церковную публицистику, учительную литературу.

Под церковной прозой мы понимаем собственно духовную прозу. К церковной литературе мы относим религиозные тексты, т.е. христианское Священное Писание; богослужебные книги; творения святых отцов и учителей Церкви, например, богословские сочинения свт. Василия Великого, поучения свт. Игнатия (Брянчанинова) и др.

Церковная литература, по мнению В.А. Воропаева, имеет целью объяснение смысла жизни по христианскому вероучению; при этом писатель, помимо того, что сам должен быть христианином и иметь благословение на труды от священника, обязан соблюдать предшествующую традицию церковной литературы и быть верующим в Промысел Божий [Воропаев, 1999, с. 44–45].

Публицистика в России, являясь почти единственным и главным проявлением частной общественно-политической инициативы, имеет особенное значение. Всегда субъективная, она идет вперед осторожной науки

и исходит не столько из исследования прошлого, сколько из идеала будущего. Публицистические произведения предназначены не для обучения, а для поучения, не для сообщения знаний, а для воздействия на общественное мнение с сообщением ему определенного выражения и модификацией его. В область публицистики входят только насущные вопросы, имеющие решающее значение в направлении текущей жизни.

Духовную истину, основополагающие идеи Церкви, переработав и преломив их сквозь призму видения мира секуляризованным читателем, удобно транслировать средствами публицистики, берущей своей исходной точкой запросы современности. Русская публицистическая литература восходит к «Слову о Законе и Благодати» Иллариона и обличительным произведениям Максима Грека.

Популярными жанрами церковно-светской (православной) публицистики являются статьи, очерки, эссе, мемуарные заметки, воспоминания, публицистическая проповедь. К церковной публицистике относятся многие произведения современных авторов, таких как архим. Спиридон (Кисляков), прот. А.Ю. Ткачев, прот. В.А. Чаплин и др. Публицистическими по преимуществу являются «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя.

Учительная литература получила свое распространение на Руси после принятия христианства и представлена в XI – начале XVIII вв. дидактическими жанрами ораторской прозы, поучений (гомилий), нравоучительных бесед, притч, экзегез (толкований текстов Священного Писания). Большинство произведений, относящихся к учительной литературе, носит название «Слово». «Русская литература XIX в. носила учительский характер, писатели хотели быть учителями жизни, призывали к улучшению жизни» [Бердяев, 2016, с. 95].

Метод разъяснения языка и символики Литургии с педагогическо-дидактической точки зрения [Lilienfeld, 1971] в «Размышлениях о

Божественной Литургии» Н.В. Гоголя сближает этот текст с учительными текстами.

Связь личности с трансцендентальным началом в русской литературе прослеживается прежде всего с позиции православия, где тело и душа подлежат обожению. Именно православие стимулировало онтологическую и аксиологическую проблематику в творчестве русских писателей; в нем, по словам Н.А. Бердяева, «сильнее всего была выражена эсхатологическая сторона христианства» [Бердяев, 2016, с. 152]; «Миссия России – быть носителем и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. «Русские» определяются «православием» <...>. Православие оказалось русской верой» [Там же, с. 13]. «Самое дыхание православной церкви, – пишет И.А. Ильин, – обеспечило нам признание личного начала» [Ильин, 2017, с. 82–83].

Проблема религиозного призвания России обнаружилась в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. Обращаясь чаще всего к христианству в целом, Гоголь все-таки считает, что «необъятный кругозор христианства» виднее, доступнее православию [Анненкова, 1995, с. 35–37]. Кроме того, как отмечает Л.В. Щеглова, представления Гоголя о специфике православия близки позиции И.В. Киреевского о русском существовании как особом типе христианской аскезы: «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд» [Щеглова].

Принципиально важно, что православием называют не столько определенное учение (*ὀρθοδοξία* – «прямое мнение», «правильное учение», «правоверие»), сколько образ жизни, позволяющий индивиду сохранять целостность внутреннего мира (*ὀρθοπραξία* – «правильное действие», «правильное поведение», этическое и литургическое) [Там же].

Исходя из этих замечаний, под духовной прозой мы понимаем прежде всего православные произведения. Православным произведением называется такое, идея которого включает в себя необходимость воцерковления для спасения [Любомудров, 2003, с. 1920]. В воцерковленном творчестве мир и человек осмысляются в соотнесенности с Церковью. Церковь, в свою очередь, есть общество людей, православно верующих в Иисуса Христа [Православный молитвослов, 2015, с. 87].

В современном мире феномен духовной прозы требует нового подхода к ее исследованию. Для нас представляется актуальным лингвистическое исследование взаимодействия русской литературы с православием посредством реконструкции текстового лексико-семантического поля «Грехи / добродетели» на материале духовной прозы Н.В. Гоголя.

Изучение духовной прозы Н.В. Гоголя представляется важным в том смысле, что это позволяет расширить содержательное представление о творчестве писателя в контексте православного мировоззрения: Н.В. Гоголь видел и оценивал окружающее в свете Божественного присутствия. Такая церковная позиция у писателя сознательно обозначена в его поздних произведениях «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847 г.) (далее «ВМ») и «Размышления о Божественной Литургии» (1857 г. – цензурованная рукопись; 1889 г. – подлинная) (далее «РБЛ»).

1.2.1. «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя как произведения духовной прозы

Миросозерцание Гоголя, присущее христианину, связывается прежде всего с его воспитанием и образованием в духе приятия, впитывания православия, с его участием в таинствах Православной Церкви, с его воцерковленностью.

В уяснении религиозности Н.В. Гоголя, в изучении мотивов создания им произведений духовной прозы вопрос о воцерковленности писателя, об участии его в таинствах Православной Церкви имеет первостепенное значение. Однако этот вопрос, по мнению И.А. Виноградова, в исследовательской литературе не освещен должным образом.

Между тем, в связи с возрастающим интересом современного читателя к произведениям духовной прозы, в последние десятилетия появились работы, представляющие путь Гоголя как путь подвижника, «инока в миру» [Воропаев, 1993, 1996, 2000, 2000а, 2003, 2010, 2013; Мочульский, 1994; Манн, 1998, 2004; Гиппиус, Зеньковский, 1994; Золотусский, 2005; Лотман, 1988; Роговер, 2013; Виноградов, 2000; Вересаев, 2017; Терц, 2009; Дунаев, 2003–2004; Есаулов, 1995; Томачинский, 2009; Монахова, 2009, 2009а; Богданова, 2009].

Соединение светского и духовного в сознании писателя определяет, с одной стороны, идейное и художественное своеобразие «ВМ» и «РБЛ», с другой стороны, диктует выбор жанровых форм, необходимых для осуществления тех задач, которые ставит перед собой Гоголь.

Органично вошедшие в историко-культурный контекст, когда интерес к духовной сфере жизни нарастал [Анненкова, 1991, с. 90], «ВМ» стали закономерным итогом всего предшествующего развития писателя, ядром гоголевского мирозерцания в ощущении глубокой внутренней неправды современности [Гоголь, 2009, т. 6, с. 440]. Гоголь писал, что адресовал свою книгу преимущественно людям неверующим, тем, которые не ходят в церковь. Через «светскую проповедь» он стремился обратить оторвавшееся от Церкви общество на истинный путь, на борьбу с подменой истинных ценностей, новым, навязанным европейскими модами, секуляризованным образом жизни, «рабством греху», ибо спасение души, по Гоголю, возможно только в Единой Вселенской Апостольской Церкви.

Следует признать, что в «ВМ» обнаруживается христианское мирозерцание писателя и верность православным традициям, проявляющиеся:

- во внутреннем осмыслении, личном опыте:

1) подчеркивается роль соборности, стих из Книги Судей израилевых («и вышли все сыны Израилевы, и собралось все общество, как один человек...») (гл. 20, ст. 1)) переменяется на формулу «Вся Россия – один человек» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 193, 204, 614];

2) прочитывается осознание общей греховности, испытывание «боли» от происходящего вокруг, ощущение личной ответственности за грехи людей;

- во внешнем, обрядовом воплощении:

1) публичное покаяние («Как говеющий перед исповедью, которую готовится отдать Богу, просит прощенья у своего брата, так я прошу у него прощенья, и как никто в такую минуту не посмеет не простить своего брата, так и он не должен посметь не простить меня» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 9]).

Нити к «РБЛ», как и к «ВМ», тянутся от «келейных» выписок Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви, Кормчей книги и служебных Миней, от тех близких к традиции святоотеческой литературы духовно-нравственных сочинений, произведений собственно духовной прозы Гоголя («Правила жития в мире» и «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии»), которые были им написаны для друзей [Воропаев, 1999, с. 42, 44–45].

«РБЛ» представляют собой описание церковной службы с подробным объяснением смысла, значения и содержания всех действий, совершаемых в ходе ее. Если Божественная Литургия, общее дело Бога и народа Божьего (*λετουργία* греч. «общее дело»), напоминает в совершаемых таинствах о том, что Бог служит своим ученикам, а наше служение состоит в служении своему

ближнему и нелицемерном исполнении заповедей Божиих, то идея писателя – *оживить* в людях христианскую веру, *подвигнуть* их жить по-христиански. Однако отмечается, что гоголевское сочинение, не преследуя научных задач, уступало в этом отношении многим исследованиям и пособиям по курсу богослужения или литургики и было «продуктом не столько ума, сколько сердечной веры» [Воропаев, 1999; Нефедов, 2010, с. 85].

Божественная Литургия, по Гоголю, позволяет человеку идти вперед, становиться лучше, совершеннее, укрепиться в любви, этой «связи общества, сокровенной пружине всего стройно движущегося, пище, жизни всего».

1.2.2. Жанровое многообразие духовной прозы Н.В. Гоголя

Вопрос жанровой принадлежности текста, в частности, речевого жанра «речь внутритекстового автора», при толковании и интерпретации произведения заслуживает особого внимания. В этом смысле речевой жанр играет роль орудия индивидуации, т.е. позволяет расслышать голос автора и определяет «идейно-художественную сторону значащих переживаний читателя или слушателя» [Богин, 1997, с. 12–23].

В рамках филологической герменевтики «речевой жанр – это исторически сложившийся вид произведений речи, имеющий форму, порожденную задачами представления действительных и альтернативных миров в речевых произведениях, возникающих в типичных для данного народа ситуациях общения в соответствии с их назначением в личной и общественной жизни представителей этого народа» [Там же, с. 12].

Выявлению жанрообразующих признаков способствуют: 1) обращение к заголовкам произведений как к основанию для авторской самохарактеристики жанра; 2) определение способов проявления авторства в тексте; 3) определение адресата, которому посвящен текст; 4) анализ

особенностей речи внутритекстового автора (интертекстуальность; информативность и частотность слов в произведении; использование распространенного в ту или иную эпоху жанра и др.).

В «ВМ» и «РБЛ» Гоголь активно использует приемы светской и духовной литературы. Необходимость обращаться к разной аудитории обуславливает поиск наиболее удобных способов транслировать отношение автора к различным предметам духовной и социальной жизни России.

В «ВМ» и «РБЛ» как произведениях духовной прозы представлены разнообразные жанровые формы. Эти жанры есть отголосок заимствований автором уже имеющихся в литературе способов изложения. Но это и тот сплав различных и разнородных форм, который в сочетании с гоголевской задачей объединить секулярное и сакральное приобретает особый вид и особое звучание.

Жанровое многообразие «ВМ»

В исследовательской литературе, содержащей отзывы о «последней книге Гоголя», указывается на необходимость изучения особого эпистолярного жанра русской духовной прозы. И.Д. Моисеев пишет: «Сам факт того, что «ВМ» не прошли незаметно мимо русских пастырей, о многом говорит, ибо неизвестно, чтобы произведения светских писателей доселе обращали на себя серьезное внимание духовенства. Подобных произведений не дала русская литература ни до, ни после Гоголя, несмотря на неизмеримость затронутых ею тем. Скорее в русской литературе мы обнаружили книги, во многом схожие с «ВМ», – это многочисленные сборники писем духовных лиц, неизменно выходившие в России в течение почти двух столетий» [Моисеев, 1994, с. 228–229].

В духовной литературе очевидно сходство «ВМ» с «Письмами к друзьям своим о Святой Горе Афонской» иеросхим. Сергия (Святогорца). Исследователи (В.А. Воропаев, В.В. Томачинский, И.Д. Моисеев) упоминают

также популярные письма свт. Тихона Задонского и митр. Филарета Московского, свтг. Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова), письма оптинских старцев. М.В. Птиченко указывает на собрания морально-аскетических поучений о путях нравственного самосовершенствования: «Лествицу» прп. Иоанна Синайского, «О подражании Христу» Фомы Кемпийского.

В светской литературе наиболее известным примером похожей переписки считаются «Философические письма» П.Я. Чаадаева, датированные 1828–1830 гг.; в церковно-светской литературе подобного рода произведением является переписка царя Ивана Грозного с князем Курбским.

Эпистолярная форма – лишь внешняя оболочка, дающая возможность непосредственного обращения к читателю, позволяющая «поучать, полемизируя с предполагаемым читательским мнением» [Птиченко, 1994, с. 312].

Жанр письма, ставшего основой «ВМ», предполагает известную долю исповедальности, может сближаться с монологической записью в дневнике и вместе с тем, будучи адресован другому человеку, рассчитан на диалог. Потенциал монологического слова, побуждающего к общению, диалогу, и использует, актуализирует Гоголь [Анненкова, 2008, с. 11]. Кроме того, жанровая автохарактеристика «ВМ» («переписка») дает основание определить эпистолярный жанр как родовое понятие.

Вместе с тем, автор «ВМ», следуя исповедальным и проповедническим традициям в русской литературе, характеризует свою книгу прежде всего как «исповедь» и «проповедь». Однако наличие широкого круга потенциальных адресатов (собратьев по перу, современников и представителей будущего поколения, духовных лиц, самого Гоголя) не могло не разрушать границы исповедального жанра, существенно их раздвигало.

Признавая жанровое многообразие «ВМ», исследователи вслед за писателем устанавливают, что жанрами этого произведения Н.В. Гоголя,

которые определяют его структурно-стилевую организацию и ее внутреннюю логику [Гончаров, 1992, с. 143], являются проповедь и исповедь.

В узком смысле для проповеди как речи, несущей религиозный характер, наставления, разъясняющего основы истинной веры и благочестивой жизни, характерны, по свт. Григорию Двоеслову, содержательные пределы от высоты созерцания до сострадания ко всем. Основная идея христианской проповеди во все времена и при всех обстоятельствах жизни состоит в заботе о спасении людей. Предметом содержания христианской проповеди не должны быть неуместные речи, направленные к улучшению внешнего быта. В выборе темы проповеднику предоставляется полная свобода, поскольку при наличии необходимого такта и благоразумия жизнь сама подскажет ему содержание для своих поучений.

Как проповедь книга Гоголя ориентирована на апостольские послания (ап. Павла) и послания святоотеческие (свт. Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского). Для апостолов определяющим был призыв людей к покаянию как необходимому средству унаследовать уготованное им Господом спасение. Ап. Павел главным пунктом всей христианской проповеди называет распятого за нас и Своей смертью искупившего нас Христа. Проповедник, мыслью простираясь в самые разнообразные сферы человеческой жизни, неуклонно держится этого средоточного пункта, не теряя с ним связи.

Гоголевская проповедь в «ВМ» представляет собой проповедь публицистическую. В отличие от трех других (омилии, слова из церковного года, катехизического поучения), где источником служит Слово Божие, в такой проповеди проповедник направляет свое учительное слово против пороков, недостатков и заблуждений, наблюдаемых в современном ему обществе. Болези века, животрепещущие вопросы современности, становящиеся предметом публицистической проповеди, требуют от автора сильного, обличительного слова. Задача проповедника – возводить жизнь до

высоты Божественного Закона, вернуть сбившихся с пути на путь, который они потеряли.

Стиль писателя формировался не только «подпиткой» книжными и живыми истоками нравственной проповеди. В «ВМ» была вынесена часть переписки Гоголя, для которой вообще характерен учительный, проповеднический пафос. Таким образом, в жанровом отношении форма проповеди частного послания явилась определяющей для произведения.

Своеобразие гоголевской проповеди заключено «и в личном исповедальном начале, и в построении проповеди на содержании чужой исповеди» [Птиченко, 1994, с. 313]. И письма, и художественная проза Гоголя отличаются особой исповедальностью. Эта сторона «ВМ» для самого Гоголя была существенной. Свою книгу он называл «исповедью человека, который провел несколько лет “внутри себя”» [Воропаев, 2010, с. 298].

В Церкви Исповедь – это Таинство покаяния (как изменения сознания *μετάνοια*), заключающееся в признании, искреннем раскаянии в грехах перед Господом и намерении изменить свою жизнь в соответствии со Священным Писанием. Свт. Игнатий (Брянчанинов) «исповедью» называл «горячее покаяние сердца, жажду очищения, которая происходит от ощущения святости, вторым крещением» и учил: «Если наши святые отцы произнесли такое определение: хотящий отсечь страсти плачем отсекает их, и хотящий стяжать добродетели плачем стяжавает их, – то из сего явствует, что не плачущий ежедневно ни страстей не отсекает, ни добродетелей не совершает, хотя и думает, обманываемый самомнением, совершать их» [Брянчанинов, 2018, с. 589].

В литературе исповедь представляет собой тип повествования, предполагающий: 1) полную откровенность рассказчика, вступающего с читателем в предельно доверительные отношения; 2) отсутствие события покаяния как необязательного элемента повествования (здесь рассказчик делится с читателем внутренними переживаниями, сомнениями,

ретроспектива собственной жизни дает ему возможность определить свое место во времени и в вечности. Отсутствие мотива раскаяния допускает в «исповедающемся» самолюбование, самовосхваление, автор смакует низменные стороны души, представляет недостатки в виде достоинств); 3) значение и фактор адресата (если в Церкви исповеди поначалу были публичными, то позднее они стали тайными, через посредство священника. Литературная исповедь адресована большому кругу читателей).

Жанры проповеди и исповеди в «ВМ» особым образом сочетаются с элементами других жанров: утопии, антиутопии, публицистического очерка, литературно-критической статьи, автокомментария [Анненкова, 2008, с. 18–19], лекций по самообразованию [Мочульский, 1994, с. 457], патриархальной идиллии [Бердяев, 2016, с. 97], литературного завещания, писем, трактатов, сборников, хождений [Томачинский, 2009, с. 133–141].

Исследователи отмечают, что Гоголь, следуя традициям литературного слова, с одной стороны, от них отстывает, разрушая жанровые ожидания, что с Гоголем русская поэзия вступает на путь христианизации литературы» [Золотусский, 2010а, с. 326], в то время как в гуманизме XX века «все более утрачивается христианское начало» [Золотусский, 2010, с. 342]. С другой стороны, в отступлении от жанровых канонов видятся дополнительные возможности для автора выразить самое сокровенное, достучаться до читателя, поскольку Гоголь поднял борьбу против того, утвердившегося на Западе и распространившегося уже в России *секуляризма*, который составляет главную болезнь современности» [Гиппиус, Зеньковский, 1994, с. 337, 304].

Жанровое определение «РБЛ»

Определению жанровой принадлежности «РБЛ», в отличие от «ВМ», практически не посвящено исследовательских работ. «РБЛ» относят к духовной прозе, к произведениям христианского жанра (В.А. Воропаев, И.А. Виноградов, Е.И. Анненкова, Ю.В. Манн, Э.Г. Вардошвили).

Действительно, произведение посвящено самому главному событию в жизни христианина – Божественной Литургии.

Наряду с другими подобными «РБЛ» текстами (А.Н. Муравьев «О Литургии», 1836 г.; И.И. Дмитревский «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Литургию...», известное издание 1828 г., и др.), которые послужили автору практическим руководством для создания духовного произведения [Аксенова, 2010, с. 109], «РБЛ» относят к числу наиболее проникновенных и духовных толкований Литургии, а таких творцов, как Гоголь, по своему значению в истории слова сопоставляют со святыми отцами в Православии [Богданова, 2009, с. 73–77].

Авторская жанровая характеристика «размышления» побуждает обратиться к внутренней форме этого слова. Приставка *раз-* у В.И. Даля означает: 1) окончание действия; 2) деление, особление, разноту; 3) уничтожение, переделку снова; 4) сильную, высшую степень действия или состояния [Даль, 1882, т. 4, с. 8]. Здесь, по-видимому, имеет место значение «деление, анализ», «распространение действия на всю поверхность, увеличение охвата». Корень *мышл-* / *мыс(ль)* в словаре Ф. Шимкевича – это представление какого-н. предмета в уме, мнение [Корнеслов, т. 1, с. 151]. Суффиксальное образование *-е-ниѣ-* дает значение процессуальности или результата действия, описываемого мотивирующим словом – глаголом *размышлять*.

Размышлять и *размыслить* – «обдумывать, рассудить и обсудить внимательно, разбирать, соображать или думать над чем-н., углубляться во что-н. умом, мыслью» [Даль, 1882, т. 4, с. 35]. Таким образом, *размышление* – это мыслительный и умственный процесс, в ходе которого автор данного процесса и, в конечном итоге, продукта этого размышления толкует что-либо, делится мнением о чем-либо, высказывает мысли по поводу чего-либо, производит разбор чего-либо.

Объектом размышления Н.В. Гоголя является Божественная Литургия. Литургией называется последование священнослужения, в котором совершается таинство святой евхаристии; обедня. Божественной она именуется, с одной стороны, как исходящая от Бога; с другой стороны, как высокая, превосходная, прекрасная, несравнимая, недостижимая [Даль, 1880, т. 1, с. 109; Даль, 1881, т. 2, с. 260]. Автор умом, мыслью углубляется в Божественную Литургию, внимательно рассуждает о ней, делится своим душевным и духовным опытом проживания таинства и его влияния на свое состояние.

Писатель не ограничивается лишь толкованием Божественной Литургии, какое находит отражение, например, в изъяснении на Литургию И.И. Дмитриевского [Дмитриевский, 2010], А. Уминского [Уминский, 2017], свщм. Серафима (Звездинского) [Звездинский, 2016], святого Николая Кавасилы [Кавасила, 2017], священноисповедника Сергия Правдолюбова [Правдолюбов, 2017] и др. В тексте «РБЛ», помимо многочисленных свидетельств о субъективных переживаниях автора, наличествуют элементы, указывающие на интенциональность произведения.

Шестичастные по структуре, «Размышления о Божественной Литургии» отличаются от обыкновенных толкований и изъяснений на Божественную Литургию других авторов. Кроме традиционных для подобных толкований частей (Проскомидия, Литургия оглашенных, Литургия верных), в гоголевском тексте имеются Предисловие, Вступление и Заключение.

В Предисловии Гоголь обозначает свои цель и намерение как автора книги «показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 349].

Во Вступлении и в Заключении Гоголь разъясняет значение и смысл Божественной Литургии и ее действие над душою для нас, для человечества как напоминание о великом подвиге любви, для нас совершившемся.

В соответствии с целью, заявленной автором «РБЛ» в Предисловии, прочитывается принадлежность текста к жанру учительной литературы, а само по себе толкование, представляющее собой выявление смысла чего-либо и разъяснение этого смысла заинтересованным лицам и отражающее определенную точку зрения, в гоголевском тексте напоминает инструкцию.

В «РБЛ» содержится руководство, устанавливающее порядок совершения Литургии, указывается целевая аудитория, предлагаются способы восприятия и постижения предмета Литургии. Автор берет на себя роль наставника для людей только начинающих входить в православную веру. Он уверен, что материал, отобранный им для разъяснений, необходим и достаточен для формального уяснения последовательности действий совершаемой службы. Глубокое внутреннее значение Таинства человек может постичь лишь «скрыто», при содействии Святого Духа, в ходе внимательного следования каждому слову Литургии, не созерцания ее, но проживания.

Хотя писатель обозначает конкретного адресата своей книги (люди неверующие или только начинающие входить в веру, молодого возраста), «РБЛ» по существу являются незримой проповедью для каждого из нас. Это актуализировано в тексте, главным образом в Заключении, средствами языка: для всякого, в каком бы ни было звании, от царя до последнего нищего, где бы ни было [Гоголь, 2009, т. 6, с. 394–395].

Нацеленность содержания книги на «усредненного» адресата, человека светского, не обладающего духовными познаниями, а также факт того, что у Гоголя отсутствовал духовный сан и что он оставался писателем светским, определила некоторое упрощение характера текста от строго богословского к более простому, адаптированному для нужд мирянина.

Так, в тексте «РБЛ»: 1) всякий раз используется русский перевод молитв, а не церковнославянского текста, как это принято в богослужении; 2) в рукописи зачеркнута целая страница, где, по-видимому, изъяснение слишком подробное, не так необходимое новоначальным (например, описание одежды священников в древней Церкви [Гоголь, 2009, т. 6, с. 692]); 3) видовые названия заменяются родовым (*одежды* вместо *стихарь, орарь* и *поручи*) и опускание употребления специфических названий (*стихарь священника* вместо его вида – *подризника*); 4) из желания придать возвышенный характер описанию процесса используется возвышенная лексика без учета ее смысла, в не характерном для нее значении (*воздевать* вместо *одевать*; *повергается* вместо *делает поклон*); 5) появляются гоголевские наименования предметов, возникших на ассоциативном сходстве (*двуплечный* и *одноплечный орарь*; *боковой жертвенник* – находящийся слева от престола (трапезы), который называется в церкви *предложением*; *занавес* вместо *завеса*, как в церковнославянском тексте; *тесная дверь* вместо *диаконская*), и авторские аналогии (например, для описания Святой Троицы); б) содержатся ошибки и огрехи (например, формальные: нарушена очередность действий и ролей священника и диакона; грамматические: нарушено падежное управление, усвоена неверная форма двойственного числа на церковнославянском).

Присутствие внутритекстового автора обнаруживается на стилевом и лексическом уровне. В гоголевском тексте явления, связанные с таинством евхаристии, комментируются на основании источников-толкований (изъяснения на Литургию И.И. Дмитриевского и других сочинений, на которые указывает Гоголь в Предисловии): подробное описание распростираания антими́нса, значение хлеба и вина в древней церкви, раздача Святого Хлеба в Восточной Церкви, образ Церкви как корабля, носящегося поверх волн и бросающего якорь на небесах, и др.

Гоголь приводит собственные определения некоторых понятий, необходимых для понимания сути главной службы (*антиминс, Дух, антифоны, аллилуйя*). Писатель комментирует переводы с греческого и еврейского (*аллилуйя, елей*). Помимо гоголевских толкований некоторых понятий из богослужения, в тексте «РБЛ» делаются отступления для пояснения древних церковных обычаев у римлян; обстоятельно разъясняются Заповеди блаженств и молитва Отче Наш; делаются ссылки на учения святых отцов Церкви (свт. Иоанна Златоуста; прп. Иоанна Лествичника, свт. Германа Константинопольского и др.). Гоголь делится с читателем опытом проживания прикровенной речи – притч (о сеятеле, о Священном семени), Литургии (минута Причастия, значение молитвы).

Авторское субъективное восприятие Божественной Литургии просматривается на нескольких уровнях: 1) эмотивном («слезно»); 2) когнитивном, связывающем душевный и духовный опыт («и сохранив миг отдохновения, больше похожим на выговариванье»); 3) визуальном («твердой стопой»); 4) аудиовизуальном («содрогаюсь с сего возвещения»); 5) духовном («горя любовным пламенем к Нему»).

Таким образом, «РБЛ» не просто «незримая» проповедь, наставление новоначальным, это телесный, душевный и духовный опыт проживания таинства, касающийся каждого человека. Объяснить, выразить с помощью слова предметы духовной области невероятно сложно, если не невозможно.

Основные результаты главы 1 опубликованы в следующих работах:

1. Некрасова А.В. Реконструкция текстового лексико-семантического поля как метод изучения духовной прозы / А.В. Некрасова // Вестник Тверского государственного университета. Тверь: Твер. гос. ун-т. – 2017. – № .3. Серия: Филология. – С. 86–91.

2. Некрасова А.В. Духовная проза Н.В. Гоголя как объект лингвистического исследования / А.В. Некрасова // Человек в

информационном пространстве: сб. науч. ст. / под общ. ред. Т.П. Курановой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 68–72.

3. Некрасова А.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя как произведение духовной прозы / А.В. Некрасова // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т. 1. – 200 с. – С. 113–116.

Выводы

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы.

Лексико-семантическое поле, рассматриваемое в русле антропоцентрического, человекомерного подхода, представляет собой фрагмент действительности, выделенный в человеческом опыте с помощью совокупности слов и выражений, покрывающих определенную область значений. Реконструкция ЛСП «Грех / добродетели» является надежным лингвистическим инструментом анализа духовной прозы Н.В. Гоголя, интерпретации текстов, выявлению языковой картины мира писателя.

Реконструкцию лексико-семантического поля позволяет произвести применение совокупности методов: описательного метода, жанрово-тематического анализа, лексико-семантического и лексико-стилистического анализа, метода компонентного анализа, контекстуального анализа, дискурс-анализа, прагмалингвистического анализа, словообразовательного анализа, метода анализа словарных дефиниций, метода комплексного анализа этимологии и внутренней формы слова, количественно-статистического метода и метода свободного ассоциативного эксперимента.

К произведениям духовной прозы Гоголя относят «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной Литургии». Духовной прозой называется родовое понятие, соотносимое с текстами

разных жанров: церковной литературой, церковной публицистикой, учительной литературой. Для авторов произведений, причисляемых к духовной прозе, характерно следование православной традиции, христианское мирозерцание, целостность миропонимания, основанного на теоцентризме, устремленность к обожению.

Определение жанровой принадлежности текстов «ВМ» и «РБЛ» осуществляется, исходя из жанровой автохарактеристики («переписка», «размышление»), т.е. родовыми понятиями являются эпистолярный жанр и жанр толкования соответственно. И «ВМ», и «РБЛ», поскольку сочетают в себе признаки самых разных жанров, считаются совершенно оригинальными сочинениями, содержащими духовный назидательный посыл. Авторское указание на фрагментарность содержания обоих произведений («выбранные места» в заголовке «ВМ»; «простые и доступные объяснения, выбранные из Отцов и Учителей» в «Предисловии» к «РБЛ») свидетельствуют о том, что для Гоголя на материале исследуемых текстов принципиально важным является показать читателю самое существенное, сущностное с позиции носителя христианской культуры.

ГЛАВА 2. Состав и структура ядерной части лексико-семантического поля «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя

2.1. Общая характеристика состава лексико-семантического поля «Грехи / добродетели»

В собраниях учителей, духовных наставников, истинных подвижников, ревнителей православной веры, содержится, помимо толкования и разъяснения понятий, отражающих явления духовной жизни, указание на содержание существа греха и добродетели. Отцы церкви всегда стремились выделить среди прочих основной грех и главную добродетель, из которых истекают остальные.

В связи с этим основой для выявления структуры поля «Грехи / добродетели» целесообразно считать перечень страстей (греховных навыков) и добродетелей, их подразделение по происхождению и развитию [Подразделение страстей по генезису (происхождению и развитию)]. Основания для выявления конечного списка компонентов поля определяются в следующем параграфе диссертации.

Общее представление обо всех компонентах значения лексических единиц, входящих в состав поля, формируется с учетом этимологических данных, данных современных толковых словарей, отражающих реалии кодифицированного русского литературного языка, результатов свободного ассоциативного эксперимента и отображающих секулярное сознание, данных церковных словарей и контекстуальных реализаций слов, которые являются отражением гоголевской картины мира.

Компоненты поля условно обозначим буквами (Г – грех, Д – добродетель), их особенности толкования – цифрами. Таким образом, чревоугодие – первый греховный навык в цепи страстей получает следующие условные обозначения: Г1.1. – этимология слова *чревоугодие*, Г1.2. – значение слова *чревоугодие* в кодифицированном русском языке, Г1.3. –

значения и смыслы по результатам свободного ассоциативного эксперимента; Г1.4. – значение слова *чревоугодие* в церковных словарях и в святоотеческих трудах, Г1.5. – значения и смыслы слова *чревоугодие* в текстах духовной прозы Н.В. Гоголя (где буквенное обозначение – родовое обозначение греха в имени поля; первая цифра – место греховного навыка в цепи страстей; вторая цифра соответствует выявляемым значениям и смыслам на основании различных источников: 1 – этимологические данные; 2 – кодифицированный современный русский литературный язык; 3 – результаты свободного ассоциативного эксперимента; 4 – церковные словари и святоотеческие труды; 5 – тексты духовной прозы Н.В. Гоголя).

2.1.1. Состав ЛСП «Грехи / добродетели» в святоотеческой традиции

Представление о человеческих грехах и добродетелях реализуется по-разному в толковых словарях и специальной богословской литературе. В связи с вариативностью классификаций и задачей реконструкции лексико-семантического поля «Грехи / добродетели» в целом и на основании текстов духовной прозы Н.В. Гоголя возникает необходимость определить основания для составления конечного списка компонентов, составляющих исследуемое поле.

В словарях православной церковной культуры к смертным грехам, то есть особо тяжким, которые, будучи нераскаянными, могут привести к вечной гибели, относят тщеславие, зависть, гнев, уныние, чревоугодие, блуд, жадность. Упоминаются также лень, пьянство и кощунство [Скляревская, 2008, с. 363]. В статье «Добродетели» в Православном богословском словаре указывается на то, что религиозный источник христианской нравственности и христианская цель общества внутренне и существенно объединяют между собою 4 главных добродетели древней

этики (мудрость, мужество, воздержание и справедливость) и 3 богословских (веру, надежду и любовь) [ППБЭС, 1992, т. 1, с. 749.].

Последнее отсылает к традиции, принятой в западном христианстве, где добродетели подразделяются на кардинальные (мужество, умеренность, справедливость, благоразумие) и теологические (вера, надежда, любовь). Позднее, в результате влияния идей восточнохристианских авторов, там сформировался список добродетелей: *castitas* целомудрие, *temperantia* умеренность, *caritas* любовь, *industria* усердие, *patientia* терпение, *humanitas* доброта, *humilitas* смирение. Эти добродетели считаются противоположностями семи главным грехам. Число семь среди главных грехов укрепилось в католической традиции, в западном христианстве. По Григорию I Великому, в перечень таких грехов входят: *superbia* гордыня, *invidia* зависть, *ira* гнев, *acedia* лень, *avaritia* алчность, *gula* чревоугодие, *luxuria* блуд. Однако четко соотнести два этих списка не представляется возможным.

В восточной христианской аскетике, в монашеской среде, принята восьмеричная схема учения о грехах, где, по Евагрию Понтийскому, имеется следующий перечень: *γαστριμαργία* чревоугодие, *πορνεία* блуд, *φιλαργυρία* сребролюбие, *φλυσις* скорбь, *ὀργή* гнев, *ἀκηδία* уныние, *κενοδοξία* тщеславие, *ὑπερηφάνεια* высокомерие. Из них чревоугодие и блуд «плотские» грехи, а сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость – «душевные».

Автором списка «Восемь главных страстей с их подразделениями и отраслями» является еп. свт. Игнатий (Брянчанинов). Прп. Иоанн Лествичник в «Лествице» также предлагает перечень из восьми главных страстей, очистившись от которых человек может восстановить образ Божий в себе. По учению прп. Лествичника, от чревообъедения спасает пост, от блуда – целомудрие, гнев побеждается кротостью, сребролюбие – беспристрастием, печаль не по Богу врачуетея страхом Божиим, уныние – молитвой, тщеславие

истребляется укоренением себя перед Богом, гордость – смирением [Лествичник, 2013].

Прп. Ефрем Сирийский, говоря о восьми страстных помыслах и путях борьбы с ними (чревоугодие – воздержание; блуд – божественная любовь и влечение к будущему; сребролюбие – сострадательность к бедным; гнев – добросердечие и любовь ко всем; мирская печаль – духовная радость; уныние – терпение, твердость и благодарность пред Богом; тщеславие – тайное делание добродетелей и постоянная молитва с сердечным сокрушением; гордость – неосуждение), добродетели и страсти подразделяет на душевные и телесные. К добродетелям душевным относятся благоразумие, целомудрие, надежда, любовь, смирение, кротость; к телесным – воздержание, нестяжательность. Страсти душевные суть гнев, печаль, тщеславие, гордость, уныние, сребролюбие. Телесными страстями принято называть чревоугодие и блуд [Сирийский].

Анализ состава и структуры ЛСП «Грехи / добродетели» на базе устоявшейся в церковно-религиозной сфере, зафиксированной в церковно-религиозных словарных дефинициях, репрезентации *грехов* и *добродетелей* в виде 7 смертных грехов и 7 христианских добродетелей показывает, что такое поле асимметрично. Если смирение противостоит тщеславию (тщеславие определяется как гордость, которой противостоит любовь, и даже гордыня), кротость – гневу, воздержание – чревоугодию, целомудрие – прелюбодеянию, то не совсем ясным остается вопрос, как соотносятся остальные: вера, надежда, любовь и жадность, зависть, уныние. При этом гордость считается, по словарным толкованиям, главным из грехов, смирение – главной из добродетелей, гордыня является корнем всякого зла.

Выделение восьми главных греховных страстей, восьми смертных грехов, как это принято называть в восточной христианской традиции, соотносится с догматами православной аскетики (аскетизм – напряженное усилие человека в стяжании благодати Святого Духа как залога спасения и

Царства Небесного). Поэтому вопрос о составе и структуре лексико-семантического поля «Грехи / добродетели» не может решаться без опоры на святоотеческую традицию, с которой Н.В. Гоголь был, безусловно, знаком. В то же время реконструкция исследуемого поля на материале гоголевских текстов духовного содержания показывает своеобразие его состава.

В аскетике предлагается схема развития греха, где различают прилог (помысл, искушение человека греховным образом), сочетание (внимание), сосложение (услаждение, согласие), пленение (желание), решение (реализовать помысл), дело (исполнение). Страсти, приведенные в исполнение, называют грехами.

Выделяют восемь страстей и восемь способов борьбы с ними, добродетелей. К греховным навыкам относятся следующие: чревоугодие ‘грех сластолюбия’, блуд ‘грех плотского желания’, сребролюбие ‘грех обладания’, гнев ‘грех раздражения’, печаль ‘грех скорби’, уныние ‘грех опустошения’, тщеславие ‘грех пристрастия к напрасной славе’, гордость ‘грех самолюбия’.

Страстям противостоят: воздержание ‘добродетель подавления влечений’, целомудрие ‘добродетель непорочности, духовной чистоты’, нестяжание ‘добродетель бескорыстия, отложения земных попечений’, кротость ‘добродетель ревности по Богу, незлобивости’, надежда ‘добродетель ожидания блага’, трезвение ‘добродетель бодрствования души’, смирение ‘добродетель покорности’, любовь ‘добродетель обожения’.

Обратный путь чревоугодию – воздержание, блуду – целомудрие, сребролюбию – нестяжание, гневу – кротость, печали (греховной скорби от внешнего источника) – надежда, унынию (чувству опустошения от внутреннего состояния) – трезвение, тщеславию – смирение, гордости – любовь. Условная схема может выглядеть так (Рис. 2):

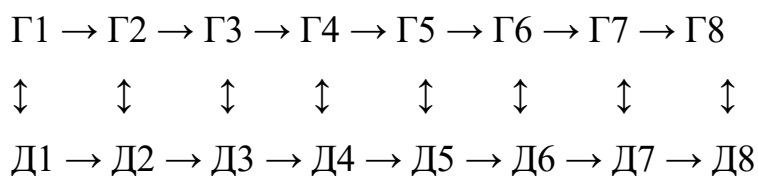

Рис. 2

В соответствии с такими оппозициями, зависть здесь представляется как вид сребролюбия (т.е. страсть к обладанию), вера есть форма любви (к Богу, к ближним, к людям в целом). В религиозных предписаниях, отраженных в Заповедях блаженства, путь к спасению, в частности, от гордости указывается через веру.

2.1.2. Состав ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя

Известно, что Н.В. Гоголь читал сочинения свт. Василия Великого, свт. Григория Нисского, прп. Ефрема Сирина, свт. Иоанна Златоуста, прп. Максима Исповедника, прп. Иоанна Дамаскина, прп. Серафима Саровского. Читал Гоголь и труды своих современников: свт. Филарета; митр. Московского и Коломенского, Задонского затворника Георгия; еп. Костромского и Галичского Владимира (Алявдина); еп. Полтавского Гedeона (Вишневского); прот. Стефана Сабинина и др.

Гоголь делал выписки из некоторых сочинений, которые вышли под названием «Выписки из творений Святых Отцов и Учителей Церкви» в девятом томе 17-томного собрания сочинений. Эти выписки касаются главным образом догматов Церкви и церковных преданий, Правил Святых Соборов. В ряде записей объясняются порядок и значение Литургии и ее значение в жизни христианина. Кроме того, сюда включены некоторые размышления о Боге Сыне и Святом Духе, а также пояснения и определения, касающиеся существа различных грехов и добродетелей.

Сведения, полученные в ходе контекстуального анализа лексических средств в составе выписок, задают некий вектор для понимания и интерпретации текстов духовного содержания Н.В. Гоголя, поскольку Гоголь опирался на этот материал, именно он являлся наиболее значимым для писателя. Данные об авторах, у которых лексемы поля «Грехи / добродетели» встречаются, отражены в Таблице 1 Приложения 1 диссертационного исследования.

Наличие практически всех исследуемых лексем поля, за исключением слов *чревоугодие* и *нестяжание*, в материале выписок: 1) свидетельствует об актуальности для автора «ВМ», «РБЛ» и др. произведений собственно духовной прозы явлений, объективированных рассматриваемыми лексическими средствами; 2) позволяет выявить исходные данные, которые послужили писателю материалом к созданию текстов; 3) позволяет сделать предположение о тех аспектах предмета размышлений, на которые Гоголь обратил свое внимание.

К собственно духовной прозе Н.В. Гоголя вслед за некоторыми исследователями мы относим следующие произведения писателя: «О гневе и безгневию», «Правила жития в мире», «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии» («О гневе», «О боязни, мнительности и неуверенности в себе», «Об унынии»), «О благодарности», а также некоторые главы из «ВМ» («Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве», «Христианин идет вперед», «Светлое Воскресенье»). Материалом для этих текстов прямо или косвенно послужили выписки Гоголя из произведений религиозного содержания. Наличие первоисточника (например, «Лествица» прп. Иоанна Лествичника; Евангелие от Матфея) для таких текстов очевидно.

Язык гоголевских текстов собственно духовной прозы выходит за пределы монашеского употребления, в нем чувствуется некоторая переработка Гоголем представленного материала в соответствии с

намерениями автора адресовать произведения широкому кругу читателей [Гоголь, т. 6, с. 664–666]. Эти тексты носят, по замечаниям самого писателя, характер правил и наставлений, хотя подобного рода правила и наставления на каждый день должны быть у каждого христианина оформлены в виде выписок и тетрадей и служить руководством к деятельности: «Немедленно после молитвы, когда воздвигнется хотя на время дух, перечитать все правила и наставления в жизни, какие есть у нас выписаны и какие должны быть у всякого, перечитать журнал свой, все записанные там грустные и тяжелые минуты» [Там же, с. 310].

Проповеднический посыл духовных произведений был не чужд стилю Гоголя, имел вполне обоснованные причины быть основным мотивом для написания текстов, поддерживал писателя в духовной жизни. В 1844 г. Гоголь писал Н.М. Языкову: «Где-то [в книге одного святого] я начитал, что советы всегда нужно давать и никак не следует останавливаться тем, что сам не готов. Потому что, давая советы другим, делается стыдно самому, когда увидишь, что все это следует прежде обратить к себе, и кончится тем, что наконец придет в ум исправиться самому советщику» [Там же, с. 666]. Кроме того, автор текстов чувствовал личную ответственность за все происходящее в мире не только как христианин, но и как человек, наделенный даром слова: «Способность создания есть способность великая, если только она оживотворена благословеньем высшим Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело» [Там же, с. 672].

По всей вероятности, опора Гоголя на тексты Писания и святоотеческих сочинений, приметы которой прослеживаются еще в раннем периоде творчества писателя, указывает на христоцентричность его произведений и в то же время является тем фактором, который, ввиду реминисцентности текстов, делает единым весь творческий путь Гоголя: произведения раннего и позднего периода написания, корреспонденция,

выписки из святых отцов Церкви и из Священного Писания должны читаться не обособленно, а в совокупности всех составляющих. «ВМ» и «РБЛ» – закономерный результат сложного духовного поиска Гоголя, который состоялся не без помощи читателя.

Схема соотношения лексем в ЛСП «Грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя выглядит так (Рис. 3):

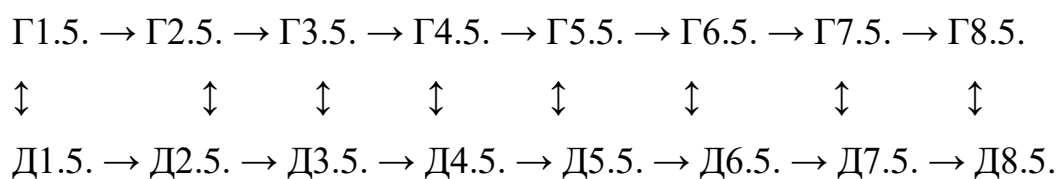

Рис. 3

2.2. Семантика дескрипторных лексем грех, добродетель

В данном разделе рассматривается происхождение слов, входящих в состав ЛСП «Грехи / добродетели»; их семантика в кодифицированном литературном языке как отображении секулярного сознания; своеобразие семантики данных лексем в святоотеческой традиции и в словарях, отражающих реальности религиозного (христианского, православного сознания).

2.2.1. Этимологические данные

Данные этимологических словарей (Фасмер, Черных, ЭССЯ, ЭССРЯ, ЭСРЯ, ОСРЯ, Горяев и др.) позволяют выяснить природу происхождения слов (старославянское или общеславянское); уточнить, есть ли соответствия праславянских форм в индоевропейских языках; выявить мотивирующие признаки; проследить развитие значений в различных сферах употребления

(от секулярного к религиозному; от религиозного к секулярному; сохранение исконно религиозного или секулярного значения и др.).

Грех (Г) / Добродетель (Д)

Этимологические словари ([Черных, 2001, т. 1, с. 216; ЭССЯ, 1980, вып. 7, с. 114–115; и др.]) фиксируют для *грех* мотивирующие признаки ‘ошибка’, ‘заблуждение’, ‘путаница’, ‘кривой / косо́й’, ‘промахиваться’, ‘провиниться’. Версия с **grěchъ – *grěti* ‘горение, жжение (совести)’, как смутное ощущение жжения, боли от неправоты, разлада с самим собой и с окружающими, отдаления от Бога, появляется позднее, в христианстве.

Старославянское по происхождению сущ. *добродетель* представляет собой кальку с др.-греч. *ἀγαθοποιῖα* ‘добрые дела’ (*ἀγαθοποιέω* – букв. ‘творить добро, хорошо поступать’, из *ἀγαθόν* ‘благо, добро; хорошие качества, достоинства; благодеяние, польза’ [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 16]) или *κἀλοποιέω* (букв. ‘творить добро’ [Там же, с. 868]), сформированную сложением с суффиксацией: *добр-о + де-яти + -тель*. Праславянские реконструируемые формы **dobrъ* ‘хороший, добрый, отзывчивый’ и **dě(ja)ti* ‘ставить, класть, делать’ [Черных, 1999, т. 1, с. 258; ЭССЯ, 1977, вып. 4, с. 230; ЭССЯ, 1978, вып. 5, с. 46] дают следующие мотивирующие признаки: ‘услуга / благодеяние’, ‘доблесть / храбрость / мужество’, ‘нравственное совершенство’, ‘делать / говорить соответствующее / безупречно’, ‘творить добро’.

Чревоугодие (Г1.1.) / воздержание (Д1.1.)

Данные этимологических словарей позволяют считать, что семантический этимон современных русских слов с корнем *год-* (далее **goditi* с и.-е. соответствием **ghadh-*) – аксиологически позитивное качество; «старшее значение» общеславянского **godъ* было «удобное, подходящее время, момент > договариваться, достигать соглашения, делать разумно,

впазд» [ЭССЯ, 1979, вып. 6, с. 191; Черных, 2001, т. 1, с. 198–199]. Старшее значение праславянской реконструируемой формы **červo* ‘нечто относящееся к животу’, ‘нечто отделенное, выделившееся или выделенное из живота’ [Черных, 2001, т. 2, с. 392–393]. В отличие от **br'uxo*, **červo* типичный продукт славянского словообразования, не имеющий полных достоверных соответствий в др. и.-е. языках [ЭССЯ, 1977, вып. 4, с. 82–83].

Старославянское по происхождению сущ. *чревоугодие* представляет собой кальку с др.-греч. *γαστριμαρυία* ‘прожорливость, обжорство, чревоугодие’ (*γαστήρ* – ‘желудок, живот, потребность в пище, пища, материнская утроба’ [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 314]; *μαρυάω* ‘неистовствовать, быть в ярости; страстно желать’ [Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1053]), сформированную сложением с суффиксацией: *чрев-о* + *у-годи(ти)* + *-иј-е*.

Сущ. *воздержание* является калькой с греч. *ἐυ-κράτεια* ‘умеренность, выдержка’, образовано префиксально-суффиксальным способом: *воз-* + *держ(а)(ти)* + *-ниј-* + *-е*. Приставка *воз* - (ст.-сл. предлог *въз* *ἀντί*) родственна лит. *už-* «за» и лтш. *uz*; этот предлог тождествен и.-е. **ud* «вверх» [Фасмер, 1996, т. 1, с. 333; Седакова, 2008, с. 88].

Данные этимологических словарей показывают, что гл. *держать* в этимологическом отношении трудное слово, поскольку сопоставления считаются ненадежными. В связи с этим его семантический этимон, сводящийся к формулам «взяв что-л., ухватившись за что-л., не выпускать из рук; иметь в руках»; «удерживать, не отпускать»; «иметь у себя, при себе»; «быть, служить опорой чему-л.»; «хранить, сохранять», в различных контекстах обрастает разнообразными конкретизирующими значениями и смыслами, ставящими лексемы с корневой морфемой *держ-* на грань между расходящейся полисемией и омонимией.

С одной стороны, о.-с. **dbržati* восходит к **dbrz-jati* (напр., др.-инд. *dṛhyati* ‘быть крепким’), и.-е. корневому гнезду **dher-* ‘держать, удерживать’ и к базе **dheregh-*. С другой стороны, не исключается

образование о.-с. **dъržati* из **dъrgěti*, того же корня, что в русском *дергать* ‘тянуть, тащить к себе’, а также ‘дразнить’, ‘раздражать’, ‘сердить’ [Фасмер, 1996, т. 1, с. 503; Черных, 2001, т. 1, с. 242-244; ЭССЯ, 1978, вып. 5, с. 230–231, 221].

Предпочтительной оказывается первая реконструкция, т.к.: 1) в последнем случае имеет место полная корневая омонимия, признание которой расходится со значением и употреблением *dъržati* ‘овладевать’, ‘крепко брать’, с указанием на прямую связь с понятиями силы, начала действия; 2) в святоотеческой литературе под *воздержанием* понимается «умерщвление тела даже до самых естественных ощущений и пожеланий», «совершенное отречение от собственных желаний», а не раздражение и возбуждение, как во втором случае [ЭССЯ, 1978, вып. 5, с. 231; По творениям святителя Василия Великого, 2017, с. 91, 93].

Блуд (Г2.1.) / целомудрие (Д2.1.)

Данные этимологических словарей, фиксирующих для слова *блуд* мотивирующие признаки ‘блуждание’, ‘ошибка’, ‘заблуждение’, ‘смятение’, ‘помешательство’, ‘беспутство, распутство’, позволяют говорить о трактовании *блуда* в широком и узком смыслах. В частности, отмечается, что старшее значение общеславянского **blōdъ* «смятение», «блуждание», «заблуждение» [Черных, 2001, т. 1, с. 96]. В широком смысле *блуд* соотносится с греческим *πλάνη(ά)ή* «блуждание, скитание»; «отклонение, отступление»; «заблуждение, ошибка, обман зрения»; «неопределенность, неустойчивость»; «обольщение»; «обман» [Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1322]. Старославянские значения, по-видимому, более поздние, – «распутство, разврат» [Черных, 2001, т. 1, с. 96; ЭССЯ, 1975, вып. 2, с. 125–126], соотносящиеся с греческими *πορνεία* «продажная любовь, проституция»; *μοιχεία* «совращение чужой жены, прелюбодеяние»; *άσωτία* «распутный образ

жизни, распущенность, мотовство» [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 256; Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1105, 1357].

Русское слово *целомудрие*, образованное путем сложения основ *целый* и *мудрый*, заимствовано из старославянского, и вероятно, является калькой греческого *σωφροσύνη* «благоразумие, рассудительность, здравый смысл»; «сдержанность, воздержность, уравновешенность, умеренность, скромность»; «целомудрие» [Фасмер, 1987, т. 4, с. 297; Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1598; Назаренко, 2016, с. 175]. Сравним также: *σώ-φρων* «обладающий здравым смыслом»; «почтительный, благочестивый»; «скромный; чистый, непорочный» [Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1598].

Праславянские **сѣль*, **сѣльъ* восходят к индоевропейским **kail-o-*, **kail-u-* «целый», «цельный», «невредимый», «здоровый» [ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 507]. Общеславянская основа прилагательного *мудрый* – **mōdrъ*, **mōdrъjъ* восходит к индоевропейским **mendh-*: **mondh-* «ощущать ментальное возбуждение, прилагать умственные усилия» с расширителем *-r-*, где исходным значением было «быть бодрым, деятельным», «проявлять любознательность» [ЭССРЯ, 2010, т. 1, с. 541; Черных, 2001, т. 1, с. 547].

Эти данные и фиксируемые для прилагательных *целый* и *мудрый* мотивирующие признаки (*целый* – ‘исцеление’, ‘здоровье’, ‘целиком’, ‘непечатый’, ‘неповрежденный’, ‘невредимый’, ‘нетронутый’, ‘крепкий» [Фасмер, 1987, т. 4, с. 297; Черных, 2001, т. 2, с. 365]; *мудрый* – ‘бодрый, гордый, задорный’, ‘живой’, ‘ловкий’, ‘деятельный’, ‘проворный»; ‘разумный’, ‘умный»; ‘благочестивый’, ‘усердный, ревностный» [Фасмер, 1986, т. 2, с. 670; Черных, 2001, т. 1, с. 547]) показывают, что слово *целомудрие* включает в себе значение некой собранности воедино, целостности ума, сердца, телесных проявлений.

Сребролюбие (ГЗ.1.) / нестяжание (ДЗ.1.)

Сущ. *сребролюбие* является калькой с греческого *φιλαργυρία* [Синайский, 2017, с. 32; Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1726], т.е. привязанность, страсть ко всему блестящему, красивому, принадлежит области церковнославянского языка. Слово *серебро*, с одной стороны, восходит к праслав. **sьrebro* [Фасмер, 1987, т. 3 с. 606; ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 317; Черных, 1999, т. 2, с. 156]. С другой стороны, о.-с. **sьrebro* рассматривается как издавна видоизмененное, вследствие частого употребления, и.-е. **k'ryhro-*, лежащего в основе др.-инд. *śubhrá-* «красивый, светлый, блестящий», синдо-меот. *Σιβρίαλα* «серебряная река» и ликийск. *Σίβρος ἀργύρεος ποταμός* «Сибр – серебряная река» [ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 317]. В русском языке сущ. *сребро*, *серебро* известно с XI в., русское слово *серебро* отмечается с 1771 г. [Там же, с. 317].

В этимологических словарях [Фасмер, 1987, т. 4, с. 139-140; Черных, 1999, т. 2, с. 278; ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 438-439; ЭСРЯ 1949, т. 3, с. 32-33; ОСРЯ, 1880, с. 214; Горяев, 1896, с. 383] указывается, что сущ. *стяжание* церковнославянское: *стяжать* – приобретать, *стяжание* – действие, приобретение; *стяжательный* – жадный. *Стяжание* из *с-тягивать*, *стянуть(ся)* > *тянуть* > *тяг-а* восходит к о.-с. **teǵь / *teǵa* от и.-е. **ten-gh-* «тянуть», «натягивать», «растягивать».

Значение корня *тя-г-* из основного развивалось следующим образом: 1) тянуть, протягивать, растягивать; 2) вязать (стягивать); 3) бороться, требовать (тягаться, тяжба, сутяга, ис-таж-а-ти); 4) страдать; 5) работать (потужник = помощник); 6) приобретать (стяжать); 7) быть тяжелым; 8) быть тягостным; 9) тужить, тосковать [Горяев, 1896, с. 383; ЭСРЯ, 1949, т. 3, с. 32–33].

Помимо значения «приобретать» (греч. *κτήσις* «приобретение», «владение, обладание», «имущество, достояние»), у глаг. *стяжать* наличествует негативный оттенок, ср. разг. *тянуть* «красть, тащить, брать

незаметно, понемногу» [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 989; ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 438–439].

Гнев (Г4.1.) / кротость (Д4.1.)

Этимологические словари ([Фасмер, 1986, т. 1, с. 420; Черных, 1999, т.1, с. 194; ЭССЯ, 1979, вып. 6, с. 168–171, 180–181; ЭССРЯ, 2010, т. 1, с. 180; Корнеслов, 1842, ч. 1, с. 45; ЭСРЯ, 1910, т. 1, с. 133; Горяев, 1896, с. 70 и др.]) фиксируют такие мотивирующие признаки, как: ‘гниль’, ‘гной’, ‘негодование, злоба’, ‘распря’, ‘сердить(ся)’, ‘оскорблять’, ‘раздражать(ся)’, ‘обижаться’, ‘вспыльчивый’, ‘горячий»; ‘болезненный’, ‘хилый’, ‘мрачный’, ‘враждебный»; ‘грешный, порочный’, ‘нелюбимый»; ‘давить, жать, мять’, ‘бить, колотить’, ‘душить’, ‘терзать’, ‘подавлять, угнетать, притеснять, мучить»; ‘множество, масса, уйма»; ‘двигаю, гну’.

Относительно происхождения *гнев* нет единого мнения, существует несколько версий. Первая из них связана с родством с *гнить*, где развитие значений, вследствие суффиксации –vo- и вокализма о (**gnoi-vo-s* – гнѣ-въ; о.-с. **gněvъ* связано с **gniti*: **gnojь* > *gnoi-* > **gně-* + -v(ь)), происходило следующим образом: гниль – гной – яд – гнев [Фасмер, 1986, т. 1, с. 420]; гниение – гниль – гной – яд – злоба – гнев [Крылов]; гной, нарыв – порченная кровь, яд – гнев [ЭСРЯ, 1910, т. 1, с. 133]. Указывается, что старшим значением является «состояние больного, покрытого струпами, гноящимися ранами» («гной»); более поздним – «ярость» [Черных, 1999, т. 1, с. 194].

Согласно второй версии, связанной с морфологическими изменениями, *гневать(ся)* восходит к *давить* и объясняется тем, что: 1) и.-е. **gneu* этимологически соответствует праславянскому **gnoviti*, производному от **gneu* путем огласовки; 2) **gnevati* является дуративом **gnoviti*, его -е-степенью; 3) болгарские примеры, соответствующие праславянскому корню **gnoviti*, семантически обособлены [ЭССЯ, 1979, вып. 6, с. 168–169, 180–181; ЭССРЯ, 2010, т. 1, с. 180]. Кроме того, состоятельность данной версии

подтверждается наличием остатков этимологического значения из первоначального «давить» в сербохорватском («множество, масса»), полабском («железы в сале, мясе»), русском (выражение «гнев душит») языках [ЭССЯ, 1979, вып. 6, с. 169–170].

В соответствии с третьей версией, *гневать(ся)* связано с *гнуть, двигать*. Разделяющие ее ссылаются на содержание устарелого чешского выражения “*hněv těl nebeských*” (движение небесных тел), где *hněv* восходит к чешскому корню *hnu-* (двигаю), а само понятие *гнев* объясняется движением души по преимуществу: *hnu* = ст.-сл. *гънѣ* из **гъб-нѣ*; *гън-ѣ-въ* > *гнѣвъ* [Горяев, 1896, с. 70; Корнеслов, 1842, ч. 1, с. 45].

Все три версии последовательно отражают развитие значений от собственно секулярного к церковно-религиозному (гной – ярость – праведный гнев). Сущ. *гнев*, по-видимому, изначально связано с секулярной сферой, далее – с религиозной.

Кротить > *кротость*, соотносительный с *кроткий*, является славянским продолжением праслав. **krotiti* «усмирять, укрощать», которое восходит к неназальному и.-е. **kret-* / **kert-* «крутить, скручивать» (кастрировать отражающим способом – перевязыванием семенников) [ЭССЯ, 1987, вып. 13, с. 18–19]. Изначально с глаг. *кротить* связывалось физическое укрощение, усмирение, т.е. «делать коротким нрав», например, др.-рус., рус.-цслав. *кротити* «укрощать, заставлять животное повиноваться воле человека» (XIV–XVI вв.), «смирять, успокаивать, утихомиривать (непокорного человека)» (XI–XVII вв.) и рус. диал. *кротить рыбу, тюленя, нерпу и т.д.* «оглушать ударом палки (кротила)». Начиная с XI в., наряду с указанными значениями, появляется значение «покорный, незлобивый» в церковно-религиозном смысле [Там же, с. 18–19].

Этимологические словари [Фасмер, 1986, т. 2, с. 383–384; ЭССЯ, 1987, вып. 13, с. 17–19; ЭССРЯ, 2010, т. 1, с. 443; ЭСРЯ, 1910, т. 1, с. 392; ОСРЯ, 1880, с. 97; Горяев, 1896, с. 170] фиксируют для *кротить, кроткий*,

кротость следующие мотивирующие признаки: ‘успокаивать, усмирять, утихомиривать, унимать’, ‘укрощать, делать домашним из дикого’, ‘оскопить, холостить, кастрировать’, ‘крутить, скручивать’, ‘оглушать’; ‘ручной, прирученный, домашний’, ‘тихий, покорный, послушный, смиренный, смиренный, незлобивый’, ‘спокойный, мирный’, ‘медленный, медлительный, вялый’, ‘мелкий, маленький’, ‘смелый’, ‘скромный, воздержный’, ‘слабый, недостаточно развитый’, ‘крепкий, крутой, тугой’; ‘незлобивость, покорность’. Таким образом, прослеживается движение значений от физического (телесного) укрощения к укрощению нрава.

Печаль (Г5.1.) / надежда (Д5.1.)

Употребление лексемы *печаль* изначально связывается с секулярной сферой; далее – с религиозной. Данные этимологических словарей позволяют считать, что семантический этимон современных русских слов с корнем *пек-/печ-* – «чувство заботы, попечения, беспокойства»; отмечается, что «старшим значением» общеславянского **rečal'* было «то, что жжет» [Фасмер, 1987, т.3, с. 254; Черных, 1999, т. 2, с. 28; ЭСРЯ, 1914, т. 2, с. 53; ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 127].

Церковнославянское по происхождению, сущ. *надежда* соотносится изначально с секулярной сферой, позднее – с церковно-религиозной. Как чаяние, ожидание, отвага, дерзание надежда, наряду с верой и любовью, является одной из главных христианских добродетелей [ПЦСС, 1993, с. 329; Суворин, 1899, с. 424; Алексеев, 1818, ч. 3, с. 424; Скляревская, 2008, с. 236]. Данные этимологических словарей показывают, что праслав. **nadedja* образовано путем сложения *na-* и редуцированной презентной основы **dedj-* глагола **dĕ(ja)ti* и продолжает и.-е. **dhĕ-* ‘ставить, класть’, ‘делать’, ‘основывать’. Конкретное значение **nadĕvati (se)* ‘надевать’, ‘накладывать’ первично по отношению к более абстрактному значению **nadĕjati se* ‘надеяться, возлагать надежду’, ‘рассчитывать’ [ЭССЯ, 1977, вып. 4, с. 229–

230; Черных, 1999, т. 1, с. 247; Дворецкий, 1958, т. 2, с. 295, 325; ЭССЯ, 1994, вып. 21, с. 235-236; ЭССЯ, 1995, вып. 22, с. 8; Дворецкий, 1958, т. 1, с. 517; Фасмер, 1987, т. 3, с. 37].

Уныние (Гб.1.) / трезвение (Дб.1.)

Значения русского глаг. *ныть / уныть* складывались из ст.-слав. *ныти / уныти* 'быть / стать вялым, безжизненным, унылым' [Суворин, 1899, с. 886], на русской почве развившем значение 'болеть' (ср. др.-рус. *навь*), и др.-рус. *ныти / уныти* '(о)печалиться', 'омрачиться': 1) тосковать, выражая свои переживания тягучими стонами и жалобами; 2) болеть, не переставая, упорно, длительно, тупо [Черных, 1999, т. 1, с. 582]. И.-е. корнями, к гнезду которых возводится группа общеславянских корней, считаются **nāi-* / **nāi-* / **nī* 'мучить' [ЭССЯ, 1999, вып. 26, с. 67]. Мотивирующий признак 'мучить', наряду с другими мотивирующими признаками ('томиться, страдать, тосковать чахнуть, слабеть', 'утомить', 'туловище', 'смерть', 'мертвец, мертвый, труп', 'голод'), указывает на наличие страдания, связанного с телом (от боли сердца, желудка, от тяжелой болезни), с душой (от тоски).

В этимологических словарях прилагательному *трезвый* дается такое определение: «не пьяный», «не хмельной», «рассуждающий и поступающий здраво, разумно, без хмеля в голове»; «воздержный в употреблении пищи и особенно спиртных / горячительных напитков» [Черных, 1999, т. 2, с. 260; ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 428; Корнеслов, 1842, ч. 2, с. 91]. Отмечается, что этимология слова остается неясной. Современный облик слова *трезвый* (вм. *терезвый*) сложился благодаря влиянию церковнославянского варианта, ср.: др.-рус. *терезвъ, терезвый* (1280-е гг.) и ст.-сл. и (с XI в.) др.-рус. книжн. *трѣзвъ, трѣзвыи, трѣзвъство* при *трѣзъство* и др. Сущ. *трезвость* появилось позднее, с 1704 г. [Черных, 1999, т. 2, с. 260; Фасмер, 1987, т. 4, с. 46; ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 428].

Индоевропейским корнем является **ter-* (**tor-*; **tr-*) с расширителем -*g'h* [Черных, 1999, т. 2, с. 260]. О.-с. **terzvъ*, которое первоначально значило «только что вышедший из состояния опьянения», «страдающий от похмелья», дает основания для предположения, что корень **terz-* тот же, что в о.-с. **terzati* «мучить кого-л.», «причинять душевные страдания» [Черных, 1999, т. 2, с. 231; ЭССРЯ, 2010, т. 2, с. 428]. Однако, как нам представляется, такая версия непродуктивна, поскольку затрудняет выявление мотивирующих признаков для сущ. *трезвение*. Для лексем *унывать* и *трезвиться* маловероятны сходные мотивирующие признаки, такие как ‘мучить’, ‘приносить страдания’.

Вероятнее здесь мотивирование формы *тверёзый* (то же, что «терёзвый», «трезвый») прилагательным *твёрдый* «крепкий», «сохраняющий форму при внешнем воздействии», «не поддающийся давлению», рассматриваемом в непрямом значении [Черных, 1999, т. 2, с. 231].

Слово *трезвение* по происхождению является церковнославянским. Оно означает воздержание в широком смысле: от увлечений, пристрастий, любых склонностей, излишеств; руководство в суждениях и действиях здравым смыслом, правильными понятиями и взглядами на вещи; обладание своими страстями; бодрствование, бдение; умеренность во всем [ПЦСС, 1993, с. 729–730; Дмитриев, 2003, с. 861; Алексеев, 1819, ч. 5, с. 29; СЦСЯ, 2010, с. 168]. Отсюда *трезвение* нередко синонимично существительным, называющим такие добродетели, как воздержание, целомудрие, крепость, смирение.

Тщеславие (Г7.1.) / смирение (Д7.1.)

Существительное *тщеславие* представляет собой «имя сложное из тщи́й и слава» [Алексеев, 1819, ч. 5, с. 43]. Этимологические словари ([Фасмер, 1987, т. 4, с. 130; Черных, 1999, т. 2, с. 274; и др.]) фиксируют для *тще* мотивирующие признаки ‘напрасно’, ‘зря’: др.-рус. тьщъ ‘пустой’,

‘напрасный’, ‘суетный’. В русский язык слово вошло, вероятно, из старославянского: о.-с. **тъщъ*, **тъщъьь* ‘пустой’, (на рус. почве) ‘худощавый’, ‘изможденный’. Кроме того, отмечается близость со значением прил. *тощій*: тщій (тощій) κενός ‘пустой’, ‘ничем не занятый’, ‘напрасный’, ‘бесполезный’, ‘бездейственный’, ‘бессильный’; *μεταίος* ‘пустой’, ‘обманчивый’, ‘ничтожный’ [ПЦСС, 1993, с. 741].

Мотивирующие признаки для сущ. *слава* κλέος следующие: ‘честь’, ‘хвала’, ‘почет’, ‘молва’ [Фасмер, т. 3, с. 664]. Др.-рус. (с XI в.) и ст.-сл. *слава* δόξα, αἴνεσις ‘хвала’, ‘мнение’ происходят от о.-с. **slava*, и.-е. корня **k`leu* (: **k`lōi* : **k`lū*), того же, что в *слыть*, *слово*, *слух*, *слышать* с чередованием корневых гласных [Черных, 1999, т. 2, с. 173]. Первоначальное значение этого слова «имя», затем «известность, слава». В Исх. 33:18 Моисей просит у Господа показать ему славу, под которой разумеется Сын Божий [ПЦСС, 1993, с. 613].

Прилагательное *смиренный* происходит из др.-рус. *сьмѣренъ*, ст.-слав. *сьмѣренъ*, образованных от *сьмѣрити* ‘умерить, смягчить, подавить’ от *мѣра* ‘мера’; с *мир* оно сближено по народной этимологии [Фасмер, 1987, т. 3, с. 688–689], откуда, вследствие прямой корреляции смирения и мира, смиренным называют мирного, тихого, спокойного человека [Коренева, 2010, с. 560].

Гордость (Г8.1.) / любовь (Д8.1.)

Современные представления о гордости в суммарной энциклопедической характеристике – амбивалентны; *гордость* понимается как «... чрезвычайно высокая оценка человеком собственных достоинств. В зависимости от этической и культурной традиции и в зависимости от соответствия высокой самооценки реальным свойствам индивида <...> может трактоваться и как добродетель, и как порок» [Прокофьев, 2001, с. 90]. Это сравнительно новое представление: этимологические данные, далее

христианская (сакрально-религиозная) традиция понимания гордости, материалы (преимущественно секулярного) Словаря В.И. Даля, фиксирующего особенности русского языкового сознания первой половины – середины XIX века, оценивают *гордость* (и *гордыню* как словообразовательный вариант *гордости*) однозначно – как качество негативное.

Данные этимологических словарей позволяют считать, что семантический этимон современных русских слов с корнем *горд-* (прежде всего непроизводного прил. *гордый*) – аксиологически негативное личностное качество; отмечается, в частности, что «старшее значение» общеславянского **gъrdъ* было «придирчивый > высокомерный» [Черных, 2001, т. 1, с. 204], ст.-слав. *грьдь* – «заносчивый», «величественный, страшный» [ЭССЯ, 1980, вып. 7, с. 206].

Этимологические словари фиксируют мотивирующие признаки ‘уродство’, ‘безобразие’, ‘заносчивость’, ‘хвастливость’, ‘высокомерие’, ‘упрямство’, ‘величие’. Др.-рус. и рус.-цслав. соответствия и.-е. базе предполагают наличие признаков ‘высокий, важный’, ‘дивный’, ‘величественный, величавый’, ‘строгий’, ‘страшный’, в сосуществовании которых усматривается экспрессивно-инновационная природа слова [ЭССЯ, 1980, вып. 7, с. 207].

Любить > *любовь* – слова с общеславянским истоком **lubiti(se)* [ЭССЯ, 1990, вып. 15, с. 174–175], с очень обобщенным семантическим этимоном, сводящимся к формулам «переживать влечение, сильное тяготение, непреодолимую привязанность в кому-л.», «иметь склонность, пристрастие к чему-л.» [Черных, 2001, т. 1, с. 497], который в различных контекстах обрывается разнообразными конкретизирующими значениями и смыслами, – настолько различными, что они ставят лексемы *любить* > *любовь* на грань между расходящейся полисемией и омонимией. В древнегреческом задача номинации разных аспектов любви решалась за счет

разных лексем, ср.: *ἔρωσ* – наиболее общее значение «страстное желание, горячее стремление» [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 670], *φιλία* – «привязанность, дружба» [Дворецкий, т. 2, с. 1727], *ἀγάπη* – «любовь» > «братские трапезы (у христиан ранних веков)» [Дворецкий, т. 1, с. 17]. От любви как недифференцированного «страстного желания, горячего стремления» (*ἔρωσ*) четко отграничены представления о привязанности к кому-чему-л. (*φιλία*) и духовной, братской близости, как у христиан (*ἀγάπη*).

Этимологические словари ([Черных, 1999, т. 1, с. 497–498; ЭССЯ, 1990, вып. 17, с. 174–176; Фасмер, 1986, т. 1, с. 544 и др.]) фиксируют такие мотивирующие признаки, как: ‘нравиться’, ‘благоволить’, ‘симпатизировать’, ‘желать’, ‘целовать’, ‘предпочитать’, ‘восхвалять’, ‘давать обет’, ‘обещать’, ‘заверять’; ‘привязанность’, ‘благосклонность’, ‘милость’, ‘пристрастие’, ‘склонность’, ‘страсть’, ‘согласие’, ‘мир’, ‘мирный договор’.

Любовь (любы) – слово, которым называлась вечеря любви, вкушаемая христианами ранних веков по окончании освящения Даров и причастия: «*ἀγάπη* значит любовь; эта трапеза установлена для вспомоществования бедным. Перед ней мы молимся Богу, едим умеренно, как люди, которые знают, что и ночью некоторые часы надо посвящать молитве, разговариваем так, как это было бы в присутствии Божию» [Дмитриевский, 2010, с. 361]. Такая христианская трапеза, установленная Апостолами по образу, взятому из Ветхого Завета, существовала первые три века. Христианское значение любви (*ἀγάπη*, *ἀγάπαι* – агапы, братские трапезы, братолюбные угощения, т.е. трапеза любви [Дмитриевский, 2010, с. 65; Дворецкий, 1958, т. 1, с. 17]), по-видимому, калька с греческого и отмечается в XI–XVII вв. [ЭССЯ, 1990, вып. 17, с. 185].

2.2.2. Лексемы грех, добродетель в кодифицированном литературном языке как отображении секулярного сознания

В толковых филологических словарях *грех* трактуется в зависимости от объекта лексикографирования: в словарях церковно-славянского языка, отражающих феномены религиозного сознания, представлена церковно-славянская лексика. Словари кодифицированного литературного языка отражают феномены секулярного сознания, и в них преимущественно общеупотребительная лексика кодифицированного литературного языка. Несмотря на то, что такое противопоставление условно, поскольку и в тех и в других словарях есть слова общеупотребительные и лексика с сакрально-религиозным содержанием, лексическое наполнение рассматриваемых понятий в некоторых случаях совершенно разное.

Связано это с тем, что сфера употребления большинства лексем, входящих в ЛСП «Грехи / добродетели», ограничена. Тот факт, что сами лексеммы и их толкование, за некоторым исключением (*трезвение*), встречаются в словарных статьях нецерковных словарей, говорит о: 1) секуляризации понятий, изначально принадлежащих сакральной сфере; 2) стилистической маркированности лексических средств (толкования с пометами «книжн.», «устар.», «религ.»); 3) развитии, сохранении и закреплении за отдельными лексическими средствами обиходных (народных, разговорных) значений; 4) вторичной секуляризации; 4) употреблении в составе фразеологических единств или в качестве фразеологических единиц.

Словарь В.И. Даля, отражающий языковую ситуацию сер. XIX века, дает представление о народном ясном, прямом, коротком и изящном языке, из которого, по словам автора, вырабатывается язык обработанный и образованный, в том виде, в каком он был знаком современникам Н.В. Гоголя: «Другого равного ему источника нет, а есть только еще притоки; если же мы, в чаду обаяния, сами отсечем себе этот источник, то нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем растить и питать свой родной

язык чужими соками, как делают растения тунейдные, или прищепой на чужом корню» [Даль, 1880, т. 1, с. II]. Помимо этого, словарь Даля полезен тем, что в нем помещены слова церковные, которые сопровождаются соответствующими пометами.

Грех (Г) / Добродетель (Д)

В словаре В.И. Даля *грех* толкуется как (1) поступок, противный закону Божию; вина перед Господом; (2) вина или проступок; ошибка, погрешность (грешок); (3) беда, напасть, несчастье, бедствие (за грехи); 4) то, что грешно, греховно [Даль, 1880, т. 1, с. 402].

В современных словарях [Ожегов, 2018, с. 226; ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 621] *грех* трактуется следующим образом: 1) предосудительный поступок; 2) преступление; 3) ошибка, недостаток; 4) нарушение религиозно-нравственных предписаний (религ.); 5) разг. То же, что *грешно*; 6) перен. устар. Беда, несчастье. Значение «нарушения воли Бога» сопровождается пометой «у верующих» [Дмитриев, 2003, с. 241].

В секулярной сфере толкование греха связывается с утратой исходного представления об обусловленности моральных норм религиозными чувствами и предписаниями, *грех* здесь понимается как нарушение делом норм человеческого общежития, как нарушение нравственных, этических, юридических норм, формируемых социумом.

Добродетелью в словаре Д.И. Даля называется (1) доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла; (2) отвл. Добро, доблесть [Даль, т. 1, с. 444].

В современных толковых словарях [Дмитриев, 2003, с. 283; Ожегов, 2018, с. 263; ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 726] *добродетель* трактуется следующим образом: 1) положительное нравственное качество или поведение человека, высокая нравственность, отсутствие греха и порока; 2) противоп. устар. Доброе дело, благодеяние.

Чревоугодие (Г1.2.) / воздержание (Д1.2.)

В словаре В.И. Даля *годиться* и *годный* размещены в теле словарной статьи «Год» [Даль, 1880, т. 1, с. 375]. Вокабула *годный* толкуется посредством неупорядоченного ряда синонимов, которые представляется возможным разделить – в соответствии с «векторами взаимодействий субъекта» – на две группы: 1) группа «Я сам» (внутреннее состояние человека *годного*, результирующее в характерные внешние проявления): «хороший, путный, дельный, ладный, пригодный»; 2) группа «Я и другие» (отношение человека *годного* к другим людям, результирующее в специфические особенности взаимодействия с окружающими): «идущий к делу или в дело».

Эти две группы соотносятся с деревом значений производного глагола *годиться*: (1) «Я сам»: «быть пристойным, приличным»; (2) «Я и другие»: «быть годным, полезным, идти к делу» [Там же, с. 375].

В Словаре Даля группа (3) «Я и Бог» в толкованиях прил. *годный* и его производных, в силу секулярной ориентированности словаря, не представлена.

Чревоугодие в Словаре Даля толкуется как обжорство, рабство чреву, пресыщенье, объеденье, жизнь для еды [Даль, 1882, т. 4, с. 608].

Сходным образом сущ. *чревоугодие* трактуется как «пристрастие к вкусной, обильной пище, обжорство, угождение чреву» в современных словарях [Ожегов, 2018, с. 1327; ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 1291; БТСРЯ, 2000, с. 1483], что соотносится с группой толкований «Я сам».

Выводы: 1) во-первых, в современных толкованиях, как и в Словаре Даля, не представлена группа (3) «Я и Бог»; 2) в связи с этим, во-вторых, имеет место аксиологическое смещение исключительно в секулярную область бытия.

Русские лексемы с корневой морфемой *держ-*, в зависимости от специфики номинируемых субъект-субъектных или субъект-объектных

отношений, довольно многозначны и выражают разнообразные смыслы. Особые сложности представляет задача выделения сакрально-религиозной компоненты воздержания. Так, толкование *воздержания* в Словаре В.И. Даля как действия по знач. гл. *воздерживать(ся)*, т.е. «удерживать нравственную силою, останавливать, не давая волю, отклонять от чего-л., не позволять, не допускать; укрощать себя самого, не давать себе воли, ограничивать себя, не предаваться чему-л. в излишестве; быть удерживаемому; не предаваться излишествам пищи, мирских или чувственных отрад; хранить трезвость» [Даль, 1880, т. 1, с. 230], может соотноситься с группой (3) «Я и Бог», поскольку предполагает наличие соотносимой с добродетелью воздержания добродетели духовной трезвости.

Толкование лексемы *держать* соотносится лишь с группой (2) «Я и другие» («Я и другое»), ср.: «взяв или ухватив, не выпускать, сжимать в руках; содержать, иметь, хранить; торговать чем-л.; удерживать, не допускать; соблюдать; исполнять; направлять; издерживать [Там же, с. 442].

То же фиксируется в современных толковых словарях, где *воздержание* трактуется как «отказ от всякого рода излишеств; умеренность в пище, питье, чувственных удовольствиях; ограничение себя в чем-л.» [Ожегов, 2018, с. 149; ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 337; БТСРЯ, 2000, с. 143] и соотносится с группой «Я сам». Толкования глагола *держать* соотносятся с группой (2) «Я и другие» / «Я и другое», ср.: «взяв в руки (в зубы, в рот), не давать выпасть, вырваться; хватать, препятствовать движению; служить опорой чему-н., поддерживать, сохранять в определенном положении; заставляя находиться или оставлять в каком-н. месте, состоянии; иметь у себя, в своем хозяйстве» [Ожегов, 2018, с. 250–251].

Блуд (Г2.2.) / целомудрие (Д2.2.)

На двоякий смысл слова *блуд* указывается в Словаре В.И. Даля. В народном смысле под *блудом* понимается «уклонение от прямого пути» в

прямом и переносном значении; в церковном смысле *блуд* толкуется как «незаконное, безбрачное сожитие», «любодейство» [Даль, 1880, т. 1, с. 101].

За глаголами *блуждать*, *блудить*, в зависимости от видовой пары и стилистической принадлежности, закрепились разные смыслы. *Блуждать* – «колобродить, скитаться, шататься»; «бродить или ездить, сбившись с дороги и не опознаваясь в местности, сбиться с пути, блукать, плутать, путать (в прямом и переносном смысле)». *Блудить* – «прокудить, колобродить, проказить, шалить, портить что-л. из шалости, скрытно поедать съестное или причинять иной убыток, шkodить (нар.)»; «любодействовать (церк.)»; «отпадать от истинной веры, впадать в раскол или в ересь» [Там же, с. 101].

Данные толкования представляется возможным разделить в соответствии с представленными выше векторами на три группы: 1) группа «Я сам» (отклонение от прямого пути); 2) группа «Я и другие» (незаконное, безбрачное сожитие, любодейство); 3) группа «Я и Бог» (отпадение от веры, впадение в раскол, ересь; нравственное блуждание).

Отмечаем: в Словаре Даля, несмотря на секулярную его направленность, представлены все группы, в том числе группа (3) «Я и Бог». Толкования глаголов *блудить*, *блуждать* и его производных носят этически осуждающий характер (мотив отступления от нормы, нарушения ее, отсутствие физических и нравственных ориентиров) и стилистически маркированы (*колобродить*, *шататься*, *шkodить*, *блукать*, *любодействовать* и т. д.).

В современных словарях под *блудом* понимается «половое распутство» [Ожегов, 2018, с. 91; ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 157], «распутство, разврат» [3, с. 85], которые можно соотнести с группой (2) «Я и другие» (нарушение норм общественной морали в области сексуальных отношений; отсутствие скромности и стыдливости).

Глагол *блудить* соотносится со следующими группами:

1. Группа толкований «Я сам» фиксирует значение скитания в поисках дороги или без цели, ср.: «блуждать, бродить» [Ожегов, 2018, с. 91], «плутать» [БТСРЯ, 2000, с. 85];

2. Группа толкований «Я и другие» указывает на более узкие значения рассматриваемого глагола, связанные с нарушением нравственных норм, ср.: «заниматься блудом, распутничать» [Там же, с. 85]; «проказничать, шалить» [ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 157]; «воровать, таскать что-либо съестное (о животных, преимущественно о кошке)» [БТСРЯ, 2000, с. 85].

Взятое из евангельской притчи выражение «блудный сын» в современных словарях претерпевает процесс секуляризации, далее на основе вторичного переноса профанируется, ср.: *блудный сын* – устаревшее «о сыне, вышедшем из повиновения родителям, порвавшим с родительским домом», и переносное шутливое «о члене какого-нибудь коллектива, не подчиняющемся его воле, действующем по-своему» [ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 157].

Выводы: в отличие от Словаря Даля, в современных толкованиях, во-первых, фиксируется только узкое, более позднее значение глагола блудить, отражающее взаимоотношения с другими, тогда как мотив потери пути, ощущение нарушения правил и норм, связанное с оценкой человеком своих моральных и духовных качеств, отсутствуют. Во-вторых, в современных толкованиях не представлена группа (3) «Я и Бог». Переосмысливается в направлении секуляризации содержание библейского выражения, служащего образом грехопадения человека.

В Словаре Д.И. Даля русские лексемы *целомудрие* / *целомудренный* толкуются достаточно узко, в зависимости от того, на что направлено внимание субъекта: *целомудрие* есть «целость и здравость ума, полное обладание своим разумом, благоразумие»; *целомудренность* – «добродетель, плотская чистота»; *целомудренный* – «сохранивший себя в девственной или в брачной чистоте, непорочный» [Даль, 1882, т. 4, с. 595]. Эти толкования

соотносятся лишь с группой (1) «Я сам»: хранение своего ума и тела в чистоте и целостности.

В современных толковых словарях *целомудрие* толкуется в узком смысле, с одной стороны, как «девственность, невинность» [БТСРЯ, 2000, с. 1459] и соотносится с группой (1) «Я сам» (нетронутость половыми сношениями). С другой стороны, *целомудрие* – это «строгая нравственность, духовная чистота, непорочность» [Ожегов, 2018, с. 1307]. Второе определение предполагает соотнесение с группами (1) «Я сам», (2) «Я и другие» (выработка определенного поведения; следование правилам, принятым в обществе; наличие духовных и душевных качеств, позволяющих выполнять требования нравственности).

Отмечаем: в современных лексикографических источниках, как и в Словаре Даля, во-первых, не представлена группа (3) «Я и Бог» в силу секулярной направленности словарей и узости определений рассматриваемых слов; во-вторых, в словарях обоих типов существительное *целомудрие* толкуется через его гипероним «добродетель» [Даль, 1882, т. 4, с. 595; Ушаков, 1940, т. 4, стб. 1210], что позволяет трактовать данное слово предельно широко.

Сребролюбие (ГЗ.2.) / нестяжание (ДЗ.2.)

Толкование *сребролюбия* в словаре В.И. Даля представляется возможным соотнести с вектором (2) «Я и другие» (желание захватить чужое), ср.: «жадность к деньгам, любостяжанье, корысть, алчность к богатству» [Даль, 1882, т. 4, с. 180].

Толкования *сребролюбия* в современных словарях также можно соотнести с группой (2) «Я и другие», ср.: «жадность к деньгам» [Ожегов, 2018, с. 1132; ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 462; БТСРЯ, 2000, с. 1255], «корыстность» [ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 462], «корыстолюбие» [БТСРЯ, 2000, с. 1255].

Толкование *нестяжания* в словаре Д.И. Даля возможно соотнести с векторами (1) «Я сам», (2) «Я и другие», ср.: нестяжание – это «бескорыстие» (отсутствие стремления к личной выгоде, наживе – группа «Я сам»; бескорыстный человек делает что-то для других, не ожидая ничего взамен – группа «Я и другие»); «нелюбостяжанье» (не-попечение о богатстве и приобретении земных благ – группа «Я и другие»); «некорысть» (не-страсть к наживе, не-жадность к деньгам – группа «Я и другие»); «отсутствие сребролюбия» (не-жадность к деньгам, не-падкость на мирские богатства – группа «Я и другие») [Даль, 1881, т. 2, с. 554].

Подобным образом в современных словарях толкования нестяжания соотносятся с группами «Я сам», «Я и другие»: *нестяжание* трактуется как бескорыстие, отсутствие алчности (корыстолюбия и скупости, где корыстолюбие свидетельствует о желании захватить чужое; скупость – о страхе отдать свое), страсти к богатству [ТСРЯ, 1938, т. 2, стб. 555].

Отмечаем: в современных толковых словарях, как и в Словаре В.И. Даля, не представлена группа «Я и Бог» по причине секулярной направленности словарей. При этом в современных словарях рядом с лексемами *сребролюбие*, *нестяжание* фиксируются стилистические пометы «книжн.» (употребляющийся преимущественно в научном, деловом, публицистическом стилях), «устар.» (вышедший из употребления, из моды, не отвечающий современным требованиям, запросам). Подобное стилистическое ограничение указывает на закрепленность употребления данных слов за определенной сферой, за рамки которой оно не выходит. Наличие нейтральных, стилистически немаркированных, синонимов у слов *сребролюбие* и *нестяжание* свидетельствует о смысловом расхождении языковых средств, функционирующих в секулярном и сакрально-религиозном сферах.

Гнев (Г4.2.) / кротость (Д4.2.)

Толкования *гневать / гневить, гневаться* в Словаре Даля представляется возможным разделить в соответствии с «векторами взаимодействия субъекта» на две группы: 1) группа «Я сам» (внутреннее состояние *гневно* человека, результирующее в характерные внешние проявления): «сердиться, беситься, злиться, быть недовольным, негодовать, быть в неудовольствии»; 2) группа «Я и другие» (отношение человека *гневно* к другим людям, результирующее в специфические особенности взаимодействия с окружающими): «приводить во гнев, сердить, бесить, выводить из себя». Эти две группы хорошо соотносятся с деревом значений производного существительного *гнев*: (1) «Я сам»: «сильное чувство негодования; страстная, порывистая досада, сердце; запальчивый порыв, вспышка»; 2) «Я и другие»: «озлобление, злоба» [Даль, 1880, т. 1, с. 372].

В современных словарях также можно выделить две группы толкований *гнева*: 1) группа «Я и другие»: «чувство сильного негодования, возмущения» [Ожегов, 2018, с. 211; ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 577; БТСРЯ, 2000, с. 211], возникающее как реакция на чей-л. плохой поступок, поведение, отношение к кому-л. или чему-л.»; 2) группа «Я сам»: «состояние раздражения, озлобления, вызванное этим чувством» [Дмитриев, 2003, с. 215].

Выводы: в современных толкованиях, как и в Словаре Даля, не представлена группа (3) «Я и Бог», что может быть связано, во-первых, с секулярной направленностью словарей; во-вторых, с транслируемым в этих источниках представлением о природе гнева.

Толкования русских лексем *кроткий / кротость* в Словаре В.И. Даля соотносятся с группой (1) «Я сам», ср.: кротость – это «свойство, состояние, принадлежность кроткого»; кроткий – «тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливый, многотерпеливый» [Даль, 1881, т. 2, с. 202]. В современных словарях

толкования *кротости / кроткого* соотносятся с группами (1) «Я сам» как состояние незлобия, смирения, покорности [ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 1526]; (2) «Я и другие» как проявление особых качеств во взаимоотношении с окружающими, ср.: «незлобливый, незлобливо-покорный, смиренный, уступчивый» [БТСРЯ, 2000, с. 473; Ожегов, 2018, с. 469], «добрый, послушный, с готовностью делающий то, о чем его просят другие люди» [Дмитриев, 2003, с. 514].

Печаль (Г5.2.) / надежда (Д5.2.)

В современных толковых словарях отражается представление о печали как о явлении, имеющем источником материальную природу. Желание человека быть успешным, стремление к комфорту и появление таких возможностей вызывает привыкание к беззаботной жизни, что постепенно увеличивает разрыв между церковно-религиозным и секулярным содержанием, выражаемым этим словом.

Дефиниций, отражающих религиозное содержание этого понятия, в словарях современного кодифицированного русского языка обнаружить не удалось. Печаль трактуется здесь как: 1) чувство грусти, скорби, состояние души горечи и связанное с этим чувством подавленное, унылое, озабоченное, нерадостное, невеселое настроение [Ожегов, 2018, с. 779; Дмитриев, 2003, с. 863]; 2) то, что внушает такое чувство, является его источником [ТСРЯ, 1939, т. 3, стб. 248]; 3) забота, огорчение, беспокойство и то, что их вызывает [ТСРЯ, 1939, т. 3, стб. 248; БТСРЯ, 2000, с. 829].

Данные современных словарей русского языка показывают и процесс секуляризации понятия, однокоренного существительному *печаль*, – *печальник*; слова, которое есть в словаре В.И. Даля и еще встречается в Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова, но с пометами «устар.», «ирон.». В соответствии с христианской традицией, *печальником* назывался «попечитель», «предстатель», т.к. *печаловати* означает еще

«предстательствовать», «преклонять на милость», «заботиться, просить о ком-то»: «в древний период нашей истории московским митрополитам предоставлялось право *печаловаться* перед великим князем об опальных и несправедливо подвергшихся гневу княжескому» [ПЦСС, 1993, с. 421]. В далеком слове *печальник* – это покровитель, заступник, благодетель [Даль, 1882, т. 3, с. 108]; у Ушакова – скорбящий за других, печалующийся о них [ТСРЯ, 1938, т. 2, стб. 248].

В словаре В.И. Даля *печаль* трактуется как действие по глаг. *печалиться*, который толкуется посредством неупорядоченного ряда синонимов. Эти синонимы целесообразно разделить в соответствии с «векторами взаимодействий субъекта» на две группы: 1) группа «Я сам» (иметь внутреннее чувство переживания от неустройств, имеющих внешний характер проявления, в противоположность чувству радости, удовлетворения): «скорбеть, горевать; жалеть, тужить, огорчаться, грустить, сохнуть, плакать, болеть»; 2) группа «Я и другие» (отношение человека к другим людям, результирующее в специфические особенности взаимодействия с окружающими): «заботиться усердно, ревностно заступаться, покровительствовать, печься, брать на себя попеченье» [Даль, 1882, т. 3, с. 108].

Отметим, что в Словаре Даля группа (3) «Я и Бог» в толкованиях глаг. *печалиться* и его производных, в силу секулярной ориентированности словаря, не представлена. В современных словарях не представлены группы (2) «Я и другие» и (3) «Я и Бог».

В Словаре Даля лексема *надежда* размещена в теле словарной статьи «Надеяться» и толкуется отсылочно, с лаконичной синонимизацией, ср.: «Надеянье, надея, надеюшка, надежда, надежа “упование, состояние надеющегося; опора, прибежище, приют; отсутствие отчаяния, верящее выжидание и призывание желаемого, лучшего; вера в помощь, в пособие”» [Даль, 1881, т. 2, с. 409, 422], свидетельствующего

преимущественно о секулярном понимании надежды. В толковании глаг. *надеяться* «верить, уповать, не сомневаться, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего желания вероятным» указывается на его непосредственную связь с частицей *авось* в ее пространственно-временном и субъективно-модальном значении, то есть на стихийность (неопределенность в будущем) обозначаемого этим глаголом явления.

Ряд синонимов к прил. *надежный* целесообразно разделить в соответствии с упомянутыми выше «векторами взаимодействия субъекта»:

- 1) группа «Я сам» (отсутствие сомнения, уверенность в себе): «подающий верную надежду; верный, несомненный; прочный, твердый, крепкий» [Там же, с. 422];
- 2) группа «Я и другие» (отношение человека к другим людям, характеризующееся определенной долей ответственности; ожидание ответственности от других): «на что ли на кого можно положиться; что не обманет» [Там же, с. 422].

В современных толковых словарях толкование глаг. *надеяться* и его производных представляется возможным соотнести с двумя группами.

1. Группа толкований «Я сам» фиксирует аксиологическую двойственность представлений о надежде и морфосемантически связанных с ней лексем. Во-первых, в выражении «возлагать надежды» наличествует представление «о человеке, от которого можно ожидать успехов в какой-л. области деятельности, на каком-л. поприще» [БТСРЯ, 2000, с. 557]. Во-вторых, сложная лексема *самонадеянность* трактуется как «неоправданно завышенное мнение о себе и своих возможностях». Как синоним гордости / гордыни *самонадеянность* является этически осуждаемым качеством.

2. Группа толкований «Я и другие» фиксирует представление об «ожидании чего-н. радостного, благоприятного», соединенного «с уверенностью в возможности осуществления» [Ожегов, 2018, с. 572; БТСРЯ, 2000, с. 577; ТСРЯ, 1938, т. 2, стб. 334], расчет на кого-л. или на что-л. в

получении желаемого и доверие кому-л. в связи с этим [Дмитриев, 2003, с. 624].

Выводы: во-первых, в современных толкованиях, как и в Словаре Даля, не представлена группа (3) «Я и Бог»; во-вторых, в группе (1), в отличие от Словаря Даля, не фиксируется значение «быть надежным» (ср.: «будь надежен», в отличие от «будь надежным»), т.е. «быть уверенным, не сомневаться», что, вероятно, свидетельствует об архаизации формы. Кроме того, не отражается представление о надежде как об отсутствии отчаяния. Стяжание добродетели надежды, как стяжание иных христианских добродетелей, должно быть деятельным.

Уныние (Гб.2.) / трезвение (Дб.2.)

В Словаре В.И. Даля *уныние* толкуется как (1) пребывание в безнадежном состоянии, а также свойство по прил. унылый; (2) потеря надежды и бодрости духа («грустить безнадежно, падать духом, робеть, отчаиваться, терять всякую бодрость и надежду, не находить ни в чем утешения [Павлык, 2011, с. 513]). Это представляется возможным соотнести с группой «Я сам» (внутреннее состояние человека *унылого*, результирующее в чувство внутренней неудовлетворенности и опустошения): «унывающий, унывший; грустный, печальный, горегорький».

В современных словарях толкование *уныния* связывается с: 1) пребыванием в унылом состоянии («мрачное, подавленное состояние духа, безнадежная печаль» [ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 955; Ожегов, 2018, с. 1246; БТСРЯ, 2000, с. 1390]) и синонимизируется со словами скука, тоска, грусть (*уныние* – «гнетущая скука, тоска»; *унылый* – «грустный (о человеке); 2) впадением в уныние; 3) однообразием, скукой (*унылый* – «наводящий уныние своим однообразием, монотонностью; безрадостный, скучный, мрачный [ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 955; БТСРЯ, 2000, с. 1390]). Первую и

вторую группу представляется возможным соотнести с вектором «Я сам», третью – с вектором «Я и другие» / «Я и другое».

Выводы: в Словаре Даля и в современных толковых словарях, во-первых, не представлена группа «Я и Бог»; во-вторых, не прослеживается связь «дух – душа – тело».

Пометами «црк. стар.» лексема *трезвение* / *трезвенье* сопровождается в словаре Д. И. Даля, где толкуется как «воздержание, трезвая жизнь, пощенье» [Даль, 1882, т. 4, с. 438].

В современных толковых словарях существительное *трезвение* не встречается. Однокоренное ему *трезвость* в одном из значений приближается к тому смыслу, который содержится в сущ. *трезвение* и трактуется как: (1) состояние трезвого (перен. здорового, рассудительного) человека [Ожегов, 2018, с. 1207; БТСРЯ, 2000, с. 1341; Дмитриев, 2003, с. 1783], (2) отвл. сущ. к прил. трезвый (перен. отличающийся здоровой рассудительностью, свободный от самообмана, иллюзий) [ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 783].

Отмечаем: лексема *трезвение*, в соответствии с представлением о трезвении как прилежном наблюдении, постоянном бодрствовании над собой, строгой бдительности изначально связана с религиозной сферой. В современном русском языке слово употребляется только в церковно-религиозном контексте.

Тщеславие (Г7.2.) / смирение (Д7.2.)

Наличие двух компонентов (двух корневых морфем) побуждает к рассмотрению не только лексемы *тщеславие*, но и лексемы *слава*. Обращение к данным секулярных и церковнославянских словарей показывает, что определение славы, как она понимается в светском смысле и толкуется в современных лексикографических источниках и в Словаре Даля, абсолютно расходится с тем ее определением, которое принято в церковно-

религиозной сфере. Точнее, сопоставление упомянутых дефиниций может свидетельствовать об их диссимметрии (пониженной симметрии, или отсутствии лишь некоторых ее элементов).

В соответствии с названными выше «векторами взаимодействий субъекта» определения *славы* и *тщеславия* в словаре В.И. Даля можно разделить на две группы: 1) группа «Я сам» (стремление быть в центре внимания, желание приписать заслуги лично себе; *тщеславие* как внутреннее состояние человека *тщеславного*, результирующее в характерные внешние проявления): «жадно ищущий мирской, суетной славы; стремящийся к почету, к похвалам; требующий признания своих мнимых достоинств; делающий добро ради похвалы» [Даль, 1882, т. 4, с. 458]; 2) группа «Я и другие» (*слава* как пристрастие человека к одобрителю мнению о себе других и отношение людей к человеку как показатель значимости человека *тщеславного*): «как кто слывет, прослыл в людях; молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству; похвальная молва, общее одобрение, признание достоинства, заслуг; самые почести, хвала по ним» [Там же, с. 220].

Отмечаем: в Словаре Даля, во-первых, группа (3) «Я и Бог» в толкованиях сущ. *слава* и его производных не представлена в силу секулярной ориентированности словаря; во-вторых, толкования *славы* и *тщеславия* не дают четкого указания на причины оценки *тщеславия* (суетной славы) как «антиценности», поскольку *слава* (мирская слава) не является «ценностью».

В современных словарях *славой* называется «почетная известность как свидетельство всеобщего признания заслуг, таланта, всеобщего уважения и восхищения»; «слухи, молва»; «общепринятое мнение, репутация» [Ожегов, 2018, с. 1085]. *Тщеславие* трактуется как «кичливое, пустое высокомерие; любовь к славе, к почитанию; желание быть предметом славы, почитания» [Ожегов, 2018, с. 1221; ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 836].

Толкования *славы* и *тщеславия* в современных словарях фиксируют аксиологическую двойственность представлений о славе и тщеславии.

1. Группа толкований «Я сам» фиксирует представление о славе как о том, что получается благодаря исключительно человеческим усилиям, в чем видится аксиологический «плюс». Пристрастное отношение человека к такой славе приобретает этическое неодобрение (аксиологический «минус»).

2. В группе толкований «Я и другие» наличествует светское определение славы, где она обретается лишь благодаря одобрению деятельности человека в миру, почитанию его заслуг и таланта безотносительно к Божественному замыслу о нем.

Выводы: во-первых, в современных толкованиях, как и в Словаре Даля, не представлена группа (3) «Я и Бог»; во-вторых, в группах (1, 2) «Я сам» и «Я и другие», как и в Словаре Даля, отмечается отсутствие синонимизации лексем *слава* и *тщеславие* (прославление человеческих достоинств вне их источника является тщеславным).

Признаки ‘умерение, смягчение, подавление’ и ‘примирение’ реализуются в словаре Даля и в Словаре древнего славянского языка, где *смирение* – это (1) действие смиряющего и смирившего; (2) сердечное сознание слабостей, чувство своего недостойнства; (3) место заключения, тюрьма, темница; (4) уничтожение, мир, безопасность [Суворин, 1899, с. 772], мирное соглашение [Даль, 1882, т. 4, с. 240]. Толкования в обоих словарях практически совпадают.

В современных толковых словарях *смирение* трактуется как отсутствие гордости, готовность подчиняться чужой воле [Ожегов, 2018, с. 1097]; кротость, покорность [ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 304; БТСРЯ, 1998, с. 1218]; сознание своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия [ТСРЯ, 1940, т. 4, стб. 304].

Отмечаем: в Словаре и Даля и в современных лексикографических источниках определение смирения представляется возможным соотнести с несколькими группами.

1. Группа (1) «Я сам» фиксирует представление человека о себе как о недостойном, слабом, способном меняться, раскаиваться, которое можно рассмотреть как психологическое качество, корректируемое моральным законом, где «основанием смирения как страсти служит представление о самом себе: если оно хорошо обосновано, то делает человека благоразумным, если плохо обосновано – подавляет его», порождая в одном случае робость и пессимизм, в другом «глубочайшее уважение к себе как чувство своей внутренней ценности» [Михеева, 2001, с. 443].

2. Группа (2) «Я и другие» фиксирует представление человека о возможности нравственно обуздать другого или покориться другому.

3. Отсутствие видимой связи с обозначенными векторами, что обусловлено наличием иного содержательного наполнения (смирение как место заключения и как мирное соглашение), не соотносящегося со смирением как нравственной или духовной добродетелью.

Существенная разница значений и оттенков значений сущ. *смирение* обусловлена ситуацией диглоссии, наличием функциональных (прагматических) вариантов – русского, в дальнейшем русского литературного, и церковнославянского, сакрального, в семантическом отношении во многом являющегося греческим субстратом. *Смирение* и однокоренные ему относятся к области «общих слов», принадлежащих одновременно двум языкам – русскому мирскому и церковнославянскому сакральному [Седакова, 2008, с. 10–13].

Гордость (Г8.2.) / любовь (Д8.2.)

Материалы (преимущественно секулярного) Словаря В.И. Даля, фиксирующего особенности русского языкового сознания первой

половины – середины XIX века, оценивают *гордость* (и *гордыню* как словообразовательный вариант *гордости*) однозначно – как качество негативное.

Данные этимологических словарей позволяют считать, что семантический этимон современных русских слов с горнем *горд-* (прежде всего непроизводного прил. *гордый*) – аксиологически негативное личностное качество; отмечается, в частности, что «старшее значение» общеславянского **gъrdь* было «придирчивый > высокомерный» [Черных, 2001, т. 1, с. 204], ст.-слав. *грьдь* – «заносчивый», «величественный, страшный» [ЭССЯ, 1980, т. 7, с. 206].

В Словаре В.И. Даля лексемы *гордость*, *гордыня* размещены в теле словарной статьи «Гордый»; будучи синтаксическими дериватами, толкуются отсылочно, с лаконичной синонимизацией, ср.: «*Гордость, гордыня, горделивость* <...> качество, свойство гордого; надменность, высокомерие». Заголовочное прил. *гордый* синонимизируется с *гордынний* (< *гордыня*) и *гордостный* (< *гордость*); вокабула *гордый* толкуется посредством неупорядоченного ряда синонимов, которые представляется возможным разделить – в соответствии с названными выше «векторами взаимодействий субъекта» – на две группы: 1) группа «Я сам» (внутреннее состояние человека *гордого*, результирующее в характерные внешние проявления): «надменный, высокомерный, кичливый; надутый, высоконосый, спесивый, зазнающийся»; 2) группа «Я и другие» (отношение человека *гордого* к другим людям, результирующее в специфические особенности взаимодействия с окружающими): «кто ставит самого себя выше прочих». Эти две группы хорошо соотносятся с деревом значений производного глагола *гордиться*: (1) «Я сам»: «быть гордым, кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться <...> быть самодовольным»; (2) «Я и другие»: «хвалиться чем-л., тщеславиться; || ставить себе что-л. в заслугу, в преимущество» [Даль, 1999, т. 1, с. 378].

Отмечаем: в Словаре Даля, во-первых, группа (3) «Я и Бог» в толкованиях прил. *гордый* и его производных не представлена, – вероятно, в силу секулярной ориентированности словаря; во-вторых, все толкования (*надменность, высокомерие, кичливый* и т. д.) носят этически осуждающий характер (аксиологически негативные оценки *гордости*, гордость трактуется как «антиценность»).

В современных словарях, в отличие от Словаря Даля, различают *гордость* и *гордыню*. *Гордыня* трактуется предельно кратко, отсылочно – как «непомерная гордость» [Ожегов, 2018, с. 218], оказывается в ряду этически осуждаемых качеств (аксиологический «минус»).

Толкования *гордости* в современных словарях фиксируют аксиологическую двойственность представлений о гордости.

1. Группа толкований «Я сам» фиксирует, с одной стороны, этическое одобрение высокой позитивной самооценки субъектом самого себя (*гордость* трактуется как чувство собственного достоинства, самоуважения [Там же, с. 218], высокие моральные, профессиональные требования, которые человек предъявляет к себе и которым стремится соответствовать [Дмитриев, 2003, с. 229]); с другой стороны, этическое неодобрение высокой позитивной самооценки субъектом самого себя – при условии, что такая оценка не соответствует действительности (*гордость* трактуется как преувеличенно высокое мнение о себе [Ефремова, 2000, т. 1, с. 327]).

2. Группа толкований «Я и другие» также аксиологически двойственна: с одной стороны, *гордость* трактуется как чувство радости, глубокого удовлетворения от достигнутых кем-л. успехов, от сознания важности, значительности чьей-л. деятельности [Там же], от осознания талантов, положительных качеств, присущих кому-л. [Дмитриев, 2003, с. 229] (аксиологический «плюс»); с другой стороны, *гордость* трактуется как

пренебрежительное отношение к другим; высокомерие, надменность [Ефремова, 2000, т. 1, с. 327] (аксиологический «минус»).

Выводы: во-первых, в современных толкованиях, как и в Словаре Даля, не представлена группа (3) «Я и Бог»; во-вторых, в группах (1, 2) «Я сам» и «Я и другие», в отличие от Словаря Даля, фиксируется аксиологическая амбивалентность как позитивной самооценки субъекта гордости, так и позитивной оценки проявлений гордости субъекта во взаимодействиях с другими людьми.

Русские лексемы *любить* / *любовь* очень многозначны, в зависимости от специфики номинируемых субъект-субъектных или субъект-объектных отношений выражают разнообразные смыслы, разграничить которые затруднительно. Особые сложности представляет задача выделения сакрально-религиозной компоненты любви, что в контексте данной работы является ключевой задачей. Так, толкования *любви* в Словаре В.И. Даля соотносятся лишь с группой (2) «Я и другие», ср.: «...состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделье; охота, расположение к чему» [Даль, 1999, т. 2, с. 282]; то же видим и в современных словарях, с уточнениями, например, по основаниям любви (общность интересов или идеалов, инстинкт, половое влечение), по специфике внутреннего состояния субъекта (склонность, расположение, влечение) и др. [Дмитриев, 2003, с. 557; Ожегов, 2018, с. 506; ТСРЯ, 1938, т. 2, стб. 104].

2.2.3. Своеобразие семантики лексем грех, добродетель в русском языковом сознании на материале ассоциативного эксперимента

Материалы свободного ассоциативного эксперимента позволяют экспериментально определить семантическое поле, связи внутри него и выявить фрагменты внутреннего мира человека или социума. В «Русском

ассоциативном словаре» [РАС, 2002] наличествуют данные по семи словам-стимулам: *любовь (любить), гордость (гордиться), гнев, кроткий, печаль (печалиться), надежда (надеяться)*. Остальные одиннадцать слов-стимулов в словаре отсутствуют в связи с преимущественной принадлежностью данных слов церковно-религиозной сфере употребления. Слово *трезвый*, например, не отражает в полной мере всех значений, актуализированных в сакральной сфере. Результаты по частотным словам-реакциям, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента в феврале-марте 2021 года, не всегда являются пропорциональным отражением данных словаря Ю.Н. Караулова. Суть различий в составе респондентов, во временном отрыве, в особенностях меняющегося с течением времени мировоззрения русских людей. Сопоставление данных обоих экспериментов позволяют отметить эти особенности.

В ходе эксперимента был опрошен 91 человек в возрасте от 20 лет до 71 года (большая часть – от 31 года до 45 лет), из них: 28 мужчин, 63 женщины. Респондентам предлагалось заполнить анкету, содержащую 18 слов-стимулов (дескрипторные лексемы, в том числе имена поля – из перечня грехов и добродетелей), и назвать те ассоциации (представления), которые возникают у них относительно следующих слов: *грех, добродетель, чревоугодие, воздержание, блуд, целомудрие, сребролюбие, нестяжание, гнев, кротость, печаль, надежда, уныние, трезвение, тщеславие, смирение, гордость, любовь*. Перечень лексем, предлагаемый в опроснике, предполагает, что для испытуемых явления, обозначаемые названными словами, актуальны и значимы, что опрашиваемые основывают / стараются основывать свою жизнь на этих понятиях, мыслят, руководствуются этими категориями. Опрос проводился среди воцерковленных людей, а также людей, относящих себя к верующим православным людям, мыслящих свою жизнь в русле христианской традиции, разделяющих христианские православные ценности. Архимандрит Лазарь (Абашидзе), выражая

обеспокоенность состоянием современного мира, выражает эту идею следующим образом: «И мы не обращаем слово к неверующим язычникам современности, ибо чему можно научить человека, не признающего над этим миром Творца, не почитающего себя и ближнего творением благого Бога, считающего всю вселенную порождением случайности, а человечество – отродием хаоса и бессмыслицы, себя же – дальним сродником зверей и скотов, гадов и разных “инфузорий”? Не заслуживает критики подобная “антропология”... Нет, только к верующему человеку еще имеет смысл звать, предупреждать его о трагедии, постигающей мир сей!» [Абашидзе, 2020, с. 10–11].

Среди единичных реакций на слова-стимулы частотны развернутые определения. Респонденты в комментариях к заполняемой анкете отмечали, что краткая формулировка ассоциативной реакции затруднительна или невозможна. Содержание анкеты, включающей перечень лексем-понятий из духовной сферы, вероятно, предполагает такие особенности: церковно-религиозные понятия называют явления духовно-душевно-телесной жизни в предельно широком смысле.

Полученные в результате эксперимента 2902 реакции, слов и выражений, исходя из цели и задач данной работы, целесообразно было разделить на две группы в соответствии с их соотносительностью с сакральной и секулярной сферами употребления. Отметим, что в некоторых случаях отнесение той или иной реакции к сакральной или секулярной сфере довольно условно или спорно в силу особенностей самого эксперимента (например, отсутствия необходимого контекстуального окружения, краткость формулировки). Отнесение ответов респондентов к сакральной сфере базируется на просматриваемом в них векторе взаимодействия субъекта «Я и Бог», в том числе на наличии соотносительности реакций с определениями, размещенными в церковных словарях, возможности синонимизации с лексикой духовной сферы.

Грех (Г) / Добродетель (Д)

В сознании современных носителей русского языка сохранено / усвоено представление о *грехе* как об ошибке (7), промахе (2), и, следовательно, фиксируются ощущение отрыва от Бога (отрываться от Бога как источника жизни), отсутствие духовной работы (бездобрность, незнание). *Добродетель*, напротив, есть деятельное добро (помощь 12, милосердие 6, деятельная доброта 1, служение 1), отсюда – представление о добродетели как о навыке (1), даре (1). *Грех* как родовое понятие связывается с его видами: гордыней, стяжательством (идолопоклонством), прелюбодеянием (2), блудом (2); *добродетель* – с любовью (5), смирением (2), прощением (1). Респонденты отмечают связь *греха* со страданием (3), болезнью (2), ‘смертью’ (1), неизбежностью наказания (наказание 4, возмездие 1, воздаяние 1, расплата 1) и с необходимостью исповеди (4), раскаяния (4), прощения (2). *Грех* ассоциируется с грязью (4), *добродетель* – с чистотой (2).

В ответах на слово-стимул *грех* отражено представление об отделении божьих законов от законов государственных (нарушение закона Божьего, которое не всегда наказуемо законом, перед государством). *Грех* определяется как правонарушение, преступление против норм человеческого общежития, нарушение правил, устоев, совершение плохих поступков, неправильное поведение (лгать 1, обманывать 1, сплетничать 1, предавать 1, ругаться 1, жадничать 1 и т.п.). *Добродетелью* называются высокие моральные и нравственные качества. Кроме того, среди ответов респондентов *добродетель* – существительное мужского рода (добрый человек, опекун, спонсор, помощник, герой, деятель). Отмечается представление о *грехе* как об удовольствии (1); *добродетель* называется лицемерием (1), ассоциируется со скукой (1), комичной ситуацией (1).

По результатам эксперимента 2021 года, в отличие от результатов, размещенных в РАСе, появляются ответы-реакции на слово-стимул *грех* – болезнь (2), боль (1).

Чревоугодие (Г1.3.) / воздержание (Д1.3.)

Выражение сакральных значений в ответах типа грех (5), порок (2), плотское (1), вредит душе (1), отсутствие разума (1) как реакция на *чревоугодие*; аскетизм (4), монах (2) – ассоциации на *воздержание*. Связь элементов поля друг с другом отражена в реакциях на слова-стимулы *чревоугодие* (невоздержание 1, пост 1, словоблудие 1, алчность 1) и *воздержание* (пост 16, смирение 3, целомудрие 1).

Ответы секулярного характера представлены наиболее широко. С помощью ассоциаций на слово-стимул *чревоугодие* указывается на:

1) последствия излишнего, непомерного принятия пищи, касающиеся трансформации тела, преимущественно отрицательные – лишний вес, проблемы со здоровьем из-за переедания и т.д. (ожирение 2, болезнь 1, толстый живот 1);

2) его причины – праздность, потребительство, депрессия, стресс и переживания, скудоумие;

3) время, персоналии, с которыми ассоциируется грех чревоугодия (Гаргантюа и Пантагрюэль 2, античность 1, дореволюционная Россия 1, пиры Патрициев в Древнем Риме 1);

4) наименование продуктов питания (мясо 1, курица 1, пельмени 1, сладости 1);

5) оценку (глупость 1, отсутствие воли и контроля 1, смрад 1, мусор 1);

6) отсутствие чувства меры (объедение 5, переедание 3, объедаться 2, пресыщение 2);

7) зависимость от еды (слишком часто думать о еде 1, страсть к еде 1);

8) испытываемое удовольствие (праздник 1, кутить 1, люблю вкусно поест 1, пир 1, застолье 1, удовольствие 1, приятный грех 1);

9) части тела (живот 1, чрево 1, брюхо 1, кишки 1);

10) звукоподобие (черви 1).

Воздержание вызвало ассоциации с отказом, преодолением, контролем, сдержанностью от физиологических отпавлений исходя из прагматических целей: для собственного блага, пользы, экономии сил, средств, энергии, формирования характера, повышения собственного авторитета, уважения в глазах людей. Отражена и оценка воздержания как аксиологический минус, отклонение от “нормы” (синий чулок 1, не всегда хорошо 1, комплексы 1, редкость 1).

Блуд (Г2.3.) / целомудрие (Д2.3.)

В сакральном контексте имеется представление о *блуде* как:

1) о тяжелом, тяжком, страшном грехе (грех 6), приносящем человеку страдания, смерть души;

2) об ошибке, заблуждении, свидетельствующих о разрыве с Богом;

3) части от целого (смешение греха блуда и прелюбодеяния – прелюбодеяние 4).

В отличие от ассоциации блуда с чем-то нечистым (грязь 5), *целомудрие* ассоциируется с чистотой (чистота 16, чистота души 3), невинностью (девственность 8, невинность 7, непорочность 6), иными добродетелями (воздержание 2, любовь 1, терпение 1, вера 1, добродетель 1).

Выражение секулярных значений и смыслов – в представлении о *блуде* как:

1) об удовлетворении физиологических потребностей и желаний, как о чем-то, связанном с телом (удовлетворение своих сексуальных потребностей 1, плоть 1);

2) о супружеской измене (измена 12, супружеская измена 1, секс не с женой / мужем, сходить “налево 1);

3) о поведении падшей женщины, что расценивается в России как административное правонарушение и является уголовным преступлением (проституция 4);

4) о чем-то приятном (наслаждения 1, удовольствия 1);

5) о том, что узаконено, признано в современной действительности (норма этого мира 1).

Целомудрие ассоциируется с “поведенческими” добродетелями (скромность 5), с нравственностью как правилами поведения, необходимыми человеку в обществе определенными душевными качествами (нравственность 4), интеллектуальными и душевными задатками (ум 1, умность 1, благоразумие 1), статусом женщины (невеста 3, жена 1, женщина 1); определяется как отсутствие половых отношений, в частности, до брака, хранение тела (телесная чистота в отношениях 1). Отмечается мнение об утрате этой добродетели в современном обществе (утраченное общество 1, прошлое 1, то, о чем многие не имеют понятия; можно на сегодня считать для большинства устаревшим понятием; культура и социум не способствуют 1).

Сребролюбие (ГЗ.3.) / нестяжание (ДЗ.3.)

Представление о *сребролюбии*, соотносящееся с сакральной сферой, - стяжательство, ненасытное увеличение материальных благ (жадность 26, алчность 11, корысть 8, скупость 8, любовь к деньгам 4, страсть к деньгам 4, стяжание 1, упование на стяжание 1, стяжательство 1, жадность к деньгам’ 1, ‘жадность к деньгам, золоту 1, сильная привязанность к деньгам 1). Показана связь с иными грехами (гордыня 1, тщеславие 1, зависть 3, маловерие 1), отражены мысли о предательстве Христа (предательство 2), указывается на причины сребролюбия (душевная пустота 1).

Нестяжание связано с другими добродетелями (добродетель 1, воздержание 1, вера 1), отражает доверие Богу (доверие Богу 1, глубокая вера в Бога 1, связь с Богом 1). Оно является, по ответам респондентов, деятельным, сравним: «...но собирайте себе сокровища на небе» (Мф. 6:20) (желание помочь нуждающимся 1, доброта 1). Частотны ответы-ассоциации о нестяжании как о качестве, присущем исключительно монахам, святым как аскеза, исполнение обетов (монах 4, монашество 2, аскеза 2, аскетизм 2, образ жизни монахов 1, монахи 1, святые 1, обеты 1). Примеры нестяжания – в образе жизни святых подвижников церкви (Нил Сорский 1, Иосиф Волоцкий 1).

В ответах секулярного характера отражено ошибочное представление о *сребролюбии* как том, что само по себе не является ни хорошим, ни плохим (деньги 10, серебро 2, богач 2, монеты 1, машины 1, дворцы 1, сундук 1). Отмечается ложная интерпретация слова-стимула (любить всем сердцем 1). В ответах прослеживается связь сребролюбия с поведением, характерным для человека при добывании денег (взятничество 1, наживиться 1, расчетливость 1, нарциссизм 1), выражается представление о корыстных мотивах и страсти к материальному как о норме (переизбыток корыстных мотивов 1, неумеренная страсть к приобретению материальных благ 1). У респондентов сребролюбие ассоциируется с чем-то библейским (библейские легенды 1), с художественным вымыслом, сказкой и персонажами из нее (серебряное копытце 1, Кашей 1), с персонажем современного мультфильма, снятого по мотивам индийских сказок (богач из мультфильма «Золотая антилопа» 1).

Добродетель *нестяжания* обесценивается (легкомыслие 1, ненормальность 1, редкость 1, утраченное обществом 1, простофиля 1), рационализируется (разумное отношение к вещам, их количеству 1, экономность 1, личный выбор 1, жить по принципу «разумной достаточности» 1, здравомыслие 1, уравновешенность 1), связывается с

бедностью (бедность 3, работа с низкой заработной платой 1), ассоциируется со скромным, честным, щедрым поведением (щедрость 4, скромность 2, честность 2), примером чего является образ жизни политического деятеля (Махатма Ганди 1).

Гнев (Г4.3.) / кротость (Д4.3.)

Ответы респондентов на слово-стимул *гнев*, которые можно соотнести с сакральной сферой, единичны: это два ассоциата, выражающие связь с родовым понятием *грех* (грех 2), и ассоциаты, указывающие на причины гнева (гордость 1, высокоумие 1, неспособность понять ситуацию, себя в ней и других 1). *Кротость* в сакральном контексте ассоциируется с другими видами добродетелей (смирение 12, терпение 3, молчаливость 2, воздержание 1, любовь 1). В Словаре Ю.Н. Караулова кротость находится в одном ряду с послушанием (послушание 5).

В секулярном контексте в ответах респондентов на слово-стимул *гнев* – акцент на особенностях проявления гнева, отсутствии контроля: громкий голосовой сигнал (крик 7, кричать 2, крикливость 1), аффективное состояние (агрессия 5). В РАСе ответы-ассоциаты предполагают связь проявления гнева с конкретным человеком (отца 9, народа 4, человека 3, матери 2, родителей 2, товарища 2, учителя 2, царя 2), чего не обнаружено в результате эксперимента 2021 года.

В ответах на слово-стимул *кротость* – также акцент на внешних его проявлениях, на сдержанности, умеренности кроткого, не обнаруживающего своих достоинств (скромность 14, скромный 2). Кротость ассоциируется со странностью, слабостью, неуверенностью ее носителя (робость 2, странный 1, очкарик 1, забитый школьник 1, слабость 1, неуверенный 1, тихоня 1, неумение и нежелание бороться со злом 1).

Печаль (Г5.3.) / надежда (Д5.3.)

Печаль в сакральном контексте синонимична таким грехам, как уныние, вера, гордость (уныние 8, неверие 1, гордыня 1). Надежда ассоциируется с различными добродетелями (вера 17, любовь 3, молитва 2, терпение 1). Через веру и верность построена тесная связь надежды с упованием на Бога (упование 5, упование на милость Божию 1), сравним: «Уповать можно лишь на того, кто верен, кто в помыслах и делах идет прямыми путями и отвечает за свои слова: в полной мере этим требованиям соответствует только Бог (Втор. 7:9, 32:4), в Котором нет изменения и ни тени перемены (Иак. 1:17), Который никогда не нарушает Своего слова (Пс. 32:4)... Сам же Иисус показывает пример упования на Бога» [Упование, уповать].

Печаль в секулярном контексте вызывает у респондентов ассоциации с одиночеством (одиночество 6), состоянием покинутости, отсутствием близких по духу людей, семьи (подавленность 1, подавленное настроение 1, и скучно, и грустно, и некому руку подать 1). В ответах респондентов подчеркивается неконтролируемость чувства печали в связи с его физиологической и физической природой (не хватает витаминов 1, малоресурсность 1). В отличие от материалов Словаря Караулова, в материалах ассоциативного эксперимента 2021 года на слово-стимул *печаль* появляется ассоциация с депрессией как угнетенным подавленным психическим состоянием (депрессия 3).

Ассоциации респондентов на слово-стимул *надежда* в секулярном контексте показывают, что ожидания чего-либо лучшего, хорошего, положительного, успеха, благополучия, исполнения желаемого не связаны с именем Бога. Не связаны они и с группой «Я и другие». В то же время ответы респондентов по материалам Словаря Ю.Н. Караулова построены на векторе «Я и другие», надежде на человека (на друга 11, на него 6, на кого-то 2). С одной стороны, надежда ассоциируется с положительным состоянием и

настроим (радость 5, оптимизм 5). С другой стороны, надежда свидетельствует о неспособности к здравому рассуждению (глупость 1).

Уныние (Г6.3.) / трезвение (Д6.3.)

Сакральные смыслы *уныния* – в ассоциациях с грехом (грех 6, смертный грех 2) и его видами (гордыня 1, гордость 1, не смирение 1, потеря надежды на Бога 1, печаль крайней формы, с утратой всякой надежды на Бога 1, безбожие 1), с состоянием духа (бедность духа 1, упадок духовных сил 1). Сакральные смыслы *трезвения* – в связи с добродетелями (воздержание 4, уход от греха 1), в наличии пересечений с реакциями на другие слова-стимулы (на слово-стимул *трезвение* – чистота 4, воздержание 4; на слово-стимул *целомудрие* – чистота 16, воздержание 2; на слово-стимул *добродетель* – чистота 3).

Выражение секулярных смыслов – в возможности синонимизации *уныния* и *печали* (ср.: *печаль* – уныние 11, *уныние* – печаль 9); наличии общих компонентов-реакций (*уныние*: тоска 8, грусть 4, слезы 2; *печаль*: тоска 13, грусть 26, слезы 12), частотных указаний на психические состояния и расстройства (*уныние*: депрессия 12, апатия 6, состояние депрессии 1; *печаль*: депрессия 3, апатия 1).

Тщеславие (Г7.3.) / смирение (Д7.3.)

Тщеславие и *смирение* в сакральном контексте связываются с видами грехов и добродетелей (*тщеславие*: гордость 7, гордыня 6, гордый 1, кротость 1; *смирение*: кротость 6, терпение 3, отсутствие гордости 1, прощение 1, признание себя достойным всяческих наказаний за грехи и надежда на спасение по Божией милости 1). Транслируется представление о *смирении* как неременной составляющей православия, христианства, церкви и проявлении ее в виде послушания (покорность 11, принятие 8, покаяние 1,

молчаливость 1), уничижения себя ради Бога (умение принимать Божью волю 1, принятие любой воли Бога в отношении себя 1, богоподобие 1).

В секулярном контексте *тщеславие* ассоциируется с:

1) *гордостью*, высоким мнением о себе (самоуверенность 8, высокомерие 5, эгоизм 4, самолюбование 3, заносчивость 2);

2) *идолослужением*, желанием власти (власть 2, успех 2);

3) *сребролюбием*, жадной приобретательств (амбиции 2, неудовлетворенный 1, выгода 1, жажда денег 1);

4) *превозношением* плотскими преимуществами, желанием похвалы, демонстративным поведением (хвастовство 1, хвастовство своим положением и связями 1, публика 1, показ 1, селфи 1, инстаграм 1).

В ответах респондентов фиксируется негативная, стилистически маркированная оценка *тщеславия* (индюк надутый 1, петушиться 1, всезнайка 1, хвастун 1, подхалим 1, выскочка 1, смешно 1, напыщенность 1), указывается на социальный статус человека (депутат 1, начальник 1, поп 1), отмечается ментальное отклонение, ненормальность тщеславного (навязчивое безумие 1, психическое нарушение 1).

Смирение считается слабостью (безволие 1, фатализм 1, движение по течению 1, пассивность 1, неумение отстаивать свою позицию 1), притворством (ложь 1); подчинением, доходящим до насилия (подчинение 2, подчинение другим 1, повиновение 1, жестокость 1, укрощенный 1), уступкой (уступать 1, ладить 1, понимать 1, уступчивость 1). В смирении усматривается умение быть сдержанным, спокойным, желание и ощущение покоя (скромность 5, покой 4, мир 2, успокоение 1, успокоиться 1, спокойствие 1, быть спокойным 1).

Гордость (Г8.3.) / любовь (Д8.3.)

Гордость и *любовь*, как и тщеславие и смирение, связываются с другими грехами и добродетелями (*гордость*: отсутствие смирения 2, грех 1,

самый ненавистный Богу грех 1, мать раздражительности и других пороков 1, иногда сродни тщеславию 1; *любовь*: терпение 1, смирение 1). На слово-стимул *любовь* частотны ответы-реакции «Бог» (Бог 5, видеть в другом человеке образ Божий 1, исполнение заповедей Божьих 1), отмечен мотив жертвенности (жертвенность 3, самопожертвование 3, самоотдача 2).

Секулярная интерпретация гордости – в ее положительной оценке:

1) радости за себя, чувства собственного достоинства (достоинство 3, самоуважение 2);

2) удовлетворении чьими-либо заслугами, положительными результатами (успех 8, успехи 2, заслуга 1);

3) радости за родину (победа 3, страна 2, родина 1, патриотизм 1, герой 1, армия 1);

4) радости за людей (дети 5, детьми 1, людьми 1, народ 1, семья 1, женщина 1).

Слово-стимул *любовь* в секулярном контексте вызывает преимущественно ответы, соотносимые с вектором «Я и другие»:

1) чувство сердечной привязанности к людям (дети 8, родители 1, муж 1, женщина 1, близкий человек 1);

2) различные проявления дел любви (забота 6, заботиться 2, жалость 2, тепло 2, нежность 2, ласка 2, сочувствие 1, помощь 1, поддержка 1, понимание 1, оберегать 1);

3) ощущения (счастье 7, радость 5, уважение 4, эйфория 1, мир 1, спокойствие 1, страсть 1, интерес 1, взаимообогащение 1);

4) склонность, интерес к предметам, явлениям (сладоности 1, музыка 1, искусство 1);

5) чувство к родине (Родина 1, страна 1, патриотизм 1).

2.2.4. Своеобразие семантики лексем грех, добродетель в святоотеческой традиции и в словарях, отражающих реальности религиозного (христианского, православного) сознания

Представления о Боге и Божественных предписаниях, характерные для различных религий, характеризуются разным объемом и смысловым наполнением. По убеждению М. Элиаде, религия означает опыт священного, но не всегда предполагает веру в Бога [Элиаде, 2011]. Поэтому есть необходимость уточнить понятия, определяющие существительные *Бог* и *вера*, в контексте данного исследования.

Религиозно и конфессионально в диссертационном исследовании речь идет о Боге, понимаемом (хотя разумом вполне не постижимом) в догматах православного христианства как Высочайшее Существо, бестелесный и невидимый Дух, троичный в Лицах, Творец неба и земли и Промыслитель вселенной, носящий в Священном Писании разные названия [ППБЭС, 1992, Т. 1, с. 378].

В богословии, святоотеческом наследии везде справедливо отмечается, что все разговоры о Боге имеют дерзостный характер, поскольку наш опыт о Боге, по словам митр. Антония Сурожского, за пределом всякого выражения [Сурожский, 2017, с. 145–146]. «Невозможно сказать, – пишет прп. Иоанн Дамаскин, – или вообще подумать что-либо о Боге вопреки тому, что божественным образом явлено нам или сказано и открыто божественными речениями Ветхого и Нового Завета» [Дамаскин, 2018, с. 149–150]. «Сущность Самого Бога, как Он живет Сам в Себе – эти вещи непостижимые, мы это знать не можем, и пытаться не стоит» [Сысоев, 2010, с. 17].

Начало нашего соединения с Богом есть вера, которая порождается любовью, доказывается Христа ради делаемыми добрыми делами [Саровский, 2018, с. 22, 75], выдерживает испытание болью отказа [Ягу, 2018, с. 134].

Поскольку, как отмечалось ранее, человек создан для богообщения и богопознания, его стремление к постижению Бога уже в нем заложено. Постигание Бога, происходящее естественным (исследование и взыскание собственными силами) и сверхъестественным (найтием Духа Святого) путем возможно в трезвенной жизни, в опыте непрестанной борьбы с собственными грехами и в желании возрасть в добродетелях. Христианин, ищущий Бога, находится на более высокой ступени такого познания, потому что ищет Его не вовне.

Церковно-религиозное определение *греха* и *добродетели* и др. представлено в церковно-славянских словарях и энциклопедиях и частично в толковых словарях с пометами *у верующих, религиозное* и пр. Бесценное духовное знание, включающее объяснение содержания рассматриваемых понятий, отражено в Священном Писании и в наставлениях святых отцов: «Ибо Писание Святое, – пишет свт. Тихон Задонский, – открывает Божии свойства, и волю Его святую, и преславные дела Его; отцы святые и учителя все изъясняют писаниями и поучениями своими и тако руководствуют нас к познанию Божию и почитанию» [Догматическое богословие, 2014, с. 57].

Грех (Г) / Добродетель (Д)

«Все определения греха, встречающиеся в христианской литературе, могут быть сведены к одному: грех есть нарушение норм бытия тварного мира, установленных Богом» [Иванов, 2006, с. 330]. Из идеи неразрывной связи человека с Богом проистекает то, что *грех* по преимуществу считается библейским понятием и связывается «с проявлениями всех нравственных и онтологических аномалий в жизни человека». В *грехе* «кроется причина отчуждения человека от Бога как единственного источника жизни, без которого человек оказывается обреченным грешником, не способным к достижению истинного блага и вечности» [ФС, 2001, с. 96]. В некоторых словарях *грех* определяется как беззаконие (без закона), то есть то, что

«влечет нарушение законов Божиих и сообразных им законов человеческих» [Глубоковский, 2007, с. 197].

В Ветхом Завете *грех* как «поведение, противное нормам, заповедям (воле и условиям Бога) завета», наряду со злом, коренится в слабости человека [БППБ, 1993, с. 115], поэтому проповедь ветхозаветных пророков по преимуществу состоит из обличений *грехов* народа и отдельных людей [ФС, 2001, с. 96].

В оригинальном библейском тексте для обозначения *греха* используются слова – производные от корней פָּחַח /тахх/ (промахнуться, совершить ошибку), אָשָׁם /фэша/ (сопротивляться, бунтовать), אָוֵן /аон/ (преступление, злодеяние) [ИРС, 1990]. В основном в Ветхом Завете речь идет о первородном грехе. *Грех* нарушает единство между Богом и человеком и между людьми. Избавление от греха может произойти только через непосредственное действие Самого Бога – в пророческих прозрениях оно было представлено как жертвоприношение таинственного Отрока-Раба. Пробразом этого жертвоприношения служили ветхозаветные жертвы, приносимые во очищение от грехов. Наказаниями за грехи были всевозможные бедствия, страдания, как личные, так и общественные, которые преследуют грешника на протяжении всей его жизни. При этом это была не кара Господня, а воспитательная мера Божественной любви и мудрости [Иванов, 2006, с. 331–332].

Грех в Новом Завете является всеобъемлющим и индивидуальным преступлением против Бога, это прежде всего «ничем не извиняемое неверие» (Ин. 15:22; 16:9) [БППБ, 1993, с. 115]. Эта мысль разделяется и религиозными философами 19-20 веков, которые полагают, что в понятии *греха* «заложено фундаментальное различие между христианством и язычеством». В отличие от сократического определения *греха* как следствия незнания, в христианстве *грех* есть следствие неверия: «А все, что не по вере, грех» (Рим. 14:23).

При описании греха в Новом Завете используются слова *ἀμαρτία* (грех), *παράπτωμα* (падение, согрешение), *παράβασις* (проступок). Новозаветные времена открываются пришествием в мир предсказанного пророками Отрока Яхве, Который «спасет людей Своих от грехов их» (Мф 1:21). Иоанн Креститель называет Его «Агнцем Божиим», «Который берет на Себя грех мира» (Ин 1:29). Чтобы увидеть в Нем Мессию, необходимо освободиться от греховной слепоты, «покрывала», лежащего на сердцах иудеев и мешающего им принять Христа (2 Кор 3:14-16). Нужно покаяться в совершенных грехах и поверить в благую весть, принесенную на землю Сыном Божиим (Мк 1:15). Согласно Соборным Посланиям, христиане должны занять активную жизненную позицию, проявляющуюся в соблюдении всего того, что заповедовал им Христос (1 Ин 2:3): «Любое слово, не подкрепленное делом, – слово «гнилое» (Еф 4:29) [Иванов, 2006, с. 332–334].

В русской христианской философии (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, П.А. Флоренский) *грех* в контексте духовной жизни человека раскрывается как моральное зло, приносящее страдания, как источник дробления, растления, «раздвоенности» личности, при котором душа теряет свою субстанциальность [ФС, 2001, с. 97].

В истолковании *греха* святыми отцами сложились западная (Августин, Ориген, Фома Аквинский) и восточная (Исаак Сирийский, Василий Великий, Марк Пустынный, Тихон Задонский, еп. Варнава) традиции. Согласно первой, *грех* состоит в несовершенстве человеческой воли, которая не может не грешить, поскольку она зла. Согласно второй, причиной *греха* становятся страсти, понимаемые как болезнь воли, ущербность души. В основе *греха*, согласно обеим традициям, лежит представление о религиозной автономии человека, свободе его воли [Там же, с. 96], в несоблюдении воли Бога, воплощенной в нравственных предписаниях, требованиях религиозно-санкционированных норм поведения и образа жизни [ЭЭС, 2001, с. 134].

Согласно святым отцам, страсти «появляются от противоестественного использования физических и душевных сил и устремлений, и при долговременности такого состояния превращаются в злую привычку, искоренение которой требует немалой борьбы и труда» [Святогорец, 2017, т. 5, с. 23]. Поэтому в святоотеческой литературной традиции грешного человека принято называть больным: «Можно, конечно, выпить лекарство и снять боль, но если ты не прекратишь печалиться, то желудок твой снова станет болеть. Не принимай помыслы, которые приводят тебя к отчаянию, чтобы не выкидывать в мусорное ведро те дары, которые дал тебе Бог. Чем правильнее ты будешь смотреть на вещи, тем больше в тебе будет покоя и умиротворения, тем и физически здоровее ты будешь. И лекарства тебе потом не понадобятся» [Святогорец, 2017, т. 5, с. 146–147].

Добродетель – фундаментальная философско-богословская категория, обозначающая ценностно-значимый аспект духовно-нравственного совершенства человека, «видимое проявление нравственной сущности человека, характеризующееся способностью и готовностью личности к следованию принципам нравственного добра и выступающее как моральная основа поведения» [Игумнов, 2007, с. 472].

Нравственные добродетели составляют исключительную привилегию человека, созданного по образу и подобию Божию. Принципиальным признаком христианских добродетелей, в отличие от естественных, является их соотнесенность со сверхъестественным бытием, «их абсолютно бескорыстный характер, поскольку праведная жизнь, ориентированная на достижение добродетелей, является ответом на явление высшего Блага, предполагающего самоотдачу, отказ от интересов своего «я», способность следовать за Христом» [Там же, с. 473].

В словарях церковной культуры [Скляревская, 2008, с. 129; Православие, 2007, с. 326–327; Воскобойников, 2010, с. 96; Летягова, 2006, с. 42; Алексеев, 1817, ч. 1, с. 255; Суворин, 1899, с. 171–172] *добродетелью*

называется (1) устремленность к добру, отвержение зла; (2) делание добра, положительные нравственные качества личности, противоположность греху; (3) свойство характера, определяющее постоянный нравственный образ действий человека; (4) качество души человека, относящееся к стремлению делать добро и избегать злых поступков; (5) благость, благодеяние. «Христианская добродѣтель должна ближе опредѣляться признаками смиренія и вѣры съ надеждою» [ППБЭС, 1992, т. 1, с. 748–749].

В Ветхом Завете для *добродетели* отсутствовал специальный термин; отсутствие этого понятия компенсировалось конкретным и глубоко содержательным понятием «хождение перед Богом, выразившим верность человека завету, нравственную стойкость и постоянство в исполнении добра и правды». В синодальном переводе Ветхого Завета слово *добродетель* используется для перевода еврейского слово *חסד* /*hesed*/ (где речь идет о славных, добродетельных деяниях царей Езекии и Иосии) [Игумнов, 2007, с. 474].

В Новом Завете *добродетель* (слово, передающее греческие слова *ἀρετή* и *χάρις*) не может быть познана внешне, теоретически, она постигается изнутри, через исполнение евангельских заповедей: «утверждая *добродетель* в качестве нравственной нормы в жизни верующего человека, Церковь указывает на *добродетель* Господа Иисуса Христа, Который был, «подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15)». В Нагорной проповеди Иисуса Христа содержится учение заповедей блаженства, где все *добродетели* обладают главными характеристиками – нравственной аутентичностью и нравственно преобразующим воздействием на окружающий мир. Тема *добродетели* раскрывается и в евангельских притчах, смысл которых предполагает указание на конкретную нравственную добродетель (смирение, милосердие, верность, прощение, терпение, мудрость), и в апостольских Посланиях [Там же, с. 474–477].

В патристической традиции понятие *добродетели* раскрывается в рамках нескольких учений: у святых отцов и учителей Церкви доникейского периода (I–III вв.); эпохи Вселенских Соборов (IV–VIII вв.); в аскетической и монашеской литературе; в русской патристической и агиографической литературе; в гимнографии православной Церкви [Там же, с. 477–484].

У святых отцов и учителей Церкви доникейского периода представления о *добродетели* еще не оформились в целостное учение и раскрывалось прежде всего в рамках библейского учения о праведной жизни. Святые отцы и учителя Церкви эпохи Вселенских Соборов рассматривают *добродетель* как (1) истинное достояние человека (свт. Василий Великий); (2) навык к добру и дар Божий (свт. Григорий Богослов); (3) склонность к добру и Божие насаждение (св. Григорий, еп. Нисский); (4) свободу от порока и несклонность к нему (свт. Иоанн Златоуст); (5) любовь к Богу (блж. Августин); (6) составляющую деятельной жизни (свт. Григорий I Великий). В аскетической и монашеской литературе подчеркивается важность *добродетели* для спасения человека [Там же, с. 477–484].

Чревоугодие (Г1.4.) / воздержание (Д1.4.)

Согласно святоотеческому учению о страстях, об их подразделении по происхождению и развитию, и о добродетелях, которые необходимо стяжать для борьбы с пороками на пути ко спасению, чревоугодие и воздержание помещаются в самом начале: чревоугодие – глава и источник всех страстей; воздержание – начало и основание всех христианских добродетелей.

В церковнославянских словарях *чревоугодием* называется пристрастие к лакомым кушаньям, напиткам, сластолюбие [ПЦСС, 1993, с. 825]; мотовство, расточительство, прожорливость [Суворин, 1899, с. 927]; обжорство, пресыщение [Алексеев, 1819, ч. 5, с. 140].

Чревоугодие, глава всех страстей, корень всякому греху [Лествичник, 2013, с. 203–213; Ростовский, 2014, с. 18; Перечень грехов, 2012, с. 33; Синайский, 2017, с. 21-24], делает человека слабым, неспособным к подвигу; ум, будучи бестелесен, от тела оскверняется и омрачается. От объедения и пьянства происходит не только душе вред, но и телу болезнь. Страсть чревоугодия, которую совершенно человеку в себе упразднить нельзя (по прп. Иоанну Лествичнику, «упразднил ли ты одну жилу его, оно проистекает другой»), имеет исчадия: блуд, ожесточение сердца, сонливость, лень, многословие, дерзость, смехотворство, кощунство, прекословие, жестоковыйность, непослушание, бесчувственность, пленение ума, самохвальство, наглость, любовь к миру и пр.

Воздержанием называется действие издерживающего, воздерживающегося, наблюдающего умеренность во всем; умеренность в пище, питии и других естественных действиях [Суворин, 1899, с. 74–75; Алексеев, 1817, ч. 1, с. 150]. Гл. *держу кратέω* означает «сохраняю, питаю в себе, соблюдаю, наблюдаю», «обладаю, владею», «господствую» [ПЦСС, 1993, с. 142]. В богослужебных текстах под *воздержанием* понимают (1) умеренность: греч. слово *ἐγκράτεια* «власть, господство», «самообладание, воздержность», «бескорыстие, честность» [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 452]; (2) пост [Седакова, 2008, с. 88].

И то, и другое в православном вероучении тесно связано друг с другом. У свт. Василия Великого, например, читаем, что одного воздержания от пищи недостаточно. Истинный пост есть воздержание от пороков, обуздание языка, укрощение гнева и страстей, отложение злоречий, лжи, обмана и пр. [Гоголь, 2009, т. 9, с. 41]. В воздержании усматривается то же, что и во всех заповедях (одна за другую держатся): «строгий закон воздержания назначает меру – языку, пределы – очам, непытливое слышание – ушам. Кто не останется в сих границах, тот невоздержан и своеволен» [По творениям святителя Василия Великого, 2017, с. 89–90].

Блуд (Г2.4.) / целомудрие (Д2.4.)

Блуд является грехом, который воюет с нами с помощью нашего же естества, потому считается тяжелым и наиболее укоренившимся [Лествичник, 2013, с. 215].

В церковнославянских словарях указывается, что в Священном Писании *блудом* иногда называется не только сквернодействие телесное (любодейство, распутство, непотребство), но и проступок, погрешность [Алексеев, 1817, ч. 1, с. 85–86; Суворин, 1899, с. 38]. Вообще под *блужением* понимается неверность истинному Богу, поскольку союз народа иудейского с Богом представляется как союз мужа и жены, жениха и невесты. Поэтому в духовном смысле *блужение* есть нечестие как совокупность преступлений против воли Божией, идолослужение, имеющее своим последствием умножение всяких пороков, в том числе нарушение брачного союза [ПЦСС, 1993, с. 48; Седакова, 2008, с. 63–64].

По православному вероучению, *блуд* есть, с одной стороны, физическая близость лиц, не состоящих в законном браке; с другой стороны, всякое уклонение человека от Божьего промысла о нем, идолопоклонство, неверие. По словам прп. Макария Великого, «есть блуд, телом совершаемый, и есть блуд души, с сатаною общающейся» [Добротолубие, 2011, с. 184].

Блуд является второй из восьми главных страстей и грехом против седьмой заповеди «Не прелюбы сотвори» (Исх. 20, 14; Втор. 5, 18). Видами данного греха считаются блуд (нецеломудрие в мыслях, словах и делах, сладострастие), прелюбодеяние (несохранение чистоты брака), кровосмешение (блудные отношения между родственниками) [Полная исповедь, 2016, с. 37–41].

Блуд, как говорит игумен Петр Мещеринов, изгоняет из сердца человека Святого Духа: или одно или другое [Блуд]. В гоголевских выписках из творений Святых Отцов и Учителей Церкви содержится отрывок из учения свт. Иоанна Златоуста «О присутствии Духа Святаго ныне». В нем

отмечается, что без Святого Духа не отпускаются грехи, не поставляются в Церковь пастыри и учителя, «ибо без действия Духа нет и отпущения грехов. Послушайте, что говорит Павел: не льстите себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернителю, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы, Царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9 10). Видишь ли все виды пороков?» [Гоголь, 2009, т. 9, с. 53–54].

В Ветхом Завете тема «духовного» блуда является одной из главных: человек, отпавший от Бога, утратил истинный смысл жизни, «заблудился», стал блудным сыном. Блудить также означает (1) совершать деяния, свидетельствующие о безбожии; (2) впасть в раскол, в ересь [Шихляров, 2002, с. 370].

Блудом в христианстве называется также искажение отношений между полами и заложенной в них Божественной цели [Там же, с. 367]. По учению свт. Афанасия Великого, законное орудие, устроенное Творцом, есть употребление естества к браку и деторождению (Быт. 1, 28; Евр. 13, 4). Содеянное в тайне и по любострастию греховно: блудники и прелюбодеи подвергаются казни [Гоголь, 2009, т. 9, с. 18–19]. В этом смысле *блуд*, наряду с чревоугодием, относится к плотским страстям, грехом против и духа, и плоти человеческой. Следовательно, и избавление от него сопряжено с определенными трудностями в силу закоренелости греха: блудники не наследуют Царствия Божия (1 Кор. 6:9–10), ибо *блуд* растлевает душу и тело, охлаждая стремление человека к Богу [Блуд; Шихляров, 2002, с. 368].

Целомудрие, по прп. Иоанну Лествичнику, есть всеобъемлющее название всех добродетелей. По величию и чистоте *целомудрие* многие отцы осмеливались называть бесстрастием [Лествичник, 2013, с. 233].

Представление о *целомудрии*, по материалам церковнославянских словарей, складывается из двух составляющих – чистоты помыслов и чистоты телесной: 1) *цѣломоудриѣ* – добродетель, состоящая в сохранении

девственной или брачной чистоты, непорочность, стыдливость; 2) *цѣломудриѣ* – здравый смысл, стыдливость, скромность [Суворин, 1899, с. 915]. Целомудрием называется благоразумие, здравомыслие; честность, чистота, трезвость, стыдливость; чистота помыслов и телесная; непорочность [Седакова, 2008, с. 391; Суворин, 1899, с. 122; Алексеев, 1819, ч. 5, с. 122; ПЦСС, 1993, с. 806].

Согласно учениям учителей церкви, истинный христианин должен быть целомудренным, «ибо находится в Церкви, которая есть невеста Христова» [Павлык, 2011, с. 133–134]. «Чистота нас усвоит Богу, – пишет прп. Иоанн Лествичник, – и, сколько возможно, делает Ему подобными» [Лествичник, 2013, с. 224]. Стремление человека к богоподобию – цель христианина, «ибо Тот пречистый и нескверный Жених как Сам родился от пречистой Девы и вскормлен пречистым девическим молоком, так и чистых любит, чистым дает почивать на лоне Своем и им вручает Матерь Свою» [Ростовский, 2014, с. 33].

В современном русском языке слово редко выходит за рамки употребления в церковно-религиозном контексте.

Сребролюбие (ГЗ.4.) / нестяжание (ДЗ.4.)

Сребролюбие, или любостяжание, порождает многие пороки. Апостол Павел называет его корнем всех зол (1 Тим. 6:10): если гордец может не быть сребролюбцем, то сребролюбец – всегда гордец. Действительно, лишь стяжание Духа Святого, а не стяжание земных благ приближается к той любви, с помощью которой можно противостоять гордыне.

В церковнославянских словарях, отражающих реалии церковно-религиозной сферы языка, сребролюбием называется жадность к деньгам, пристрастие к стяжанию имущества [Суворин, 1899, с. 790; ПЦСС, 1993, с. 654]. Как учит свт. Тихон Задонский, сребролюбием считается «не токмо

единого сребра любление, но всякого земного имени, стяжания и богатства ненасытное желание» [Павлык, 2011, с. 59].

По православному вероучению, сребролюбие является третьей из восьми главных страстей, «многоглавым змием идолослужения» [Лествичник, 2013, с. 249–250]. Эта страсть состоит в ненасытном увеличении материальных благ, нарушением второй заповеди, идолопоклонством: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею; да не поклонишися им, не послужиши им» [Сребролюбие]. «Если человек посвящает все свои мысли и все свое усердие золоту и серебру и ничего другого не хочет знать, – поясняет свт. Николай Сербский, – тогда золото и серебро – его божество...» [Сербский, 2011, с. 14].

Стяжанием в церковнославянских словарях [Суворин, 1899, с. 474; Алексеев, 1819, 1993, ч. 4, с. 184; ПЦСС, 1993, с. 682, 1109; Седакова, 2008, с. 346; СЦСЯ, 2010, с. 161] называется добыча, приобретение, владение, имение, богатство, достаток, имущество; *нестяжанием* – неимение, бескорыстие, бедность, отчуждение от приобретения имени, прибытка. По Лествичнику, нестяжание – это отложение земных попечений, беззаботность о жизни, невозбранное путешествие, вера заповедям Спасителя [Лествичник, 2013, с. 247].

Согласно учению свт. Игнатия Брянчанинова, имуществом, богатством, сокровищем должен быть Иисус Христос: «Кто желает сосредоточить в Боге упование и любовь свою, тот должен стараться о том, чтобы пребывать в нестяжании, а подающие ему деньги и ценные вещи употреблять на приобретение богатства в вечности (Лк. 16:9) [Брянчанинов, 2018, с. 486, 491].

Гнев (Г4.4.) / кротость (Д4.4.)

В церковнославянских словарях [Суворин, 1899, с. 141–142; Алексеев, 1817, ч. 1, с. 215; ПЦСС, 1993, с. 125] *гневом* называется сильное чувство,

негодование, великая досада, раздражение, ярость, злоба; ропот, сильный шум. Примеры, иллюстрирующие толкования *гнева*, свидетельствуют о том, что различают греховный и праведный гнев.

Гнев, основанный на человеческой гордости, по православному учению, считается греховным: «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5:22). Только праведный гнев, направленный против греха, против зла, против того, что гневит Бога, попирает и оскверняет Его славу, является оправданным («истинно любящий Бога допускает гнев на грех, но не на согрешающего» [Павлык, 2011, с. 31]), ибо он управляется любовью и отмечен терпением: «ревность по доме твоём сдает Меня» (Ин. 2:17).

Прилагательное *кроткий* синонимично прилагательным смиренный, смиренный, тихий [Суворин, 1899, с. 342; Алексеев, 1818, ч. 2, с. 191; ПЦСС, 1993, с. 272]. Прп. Иоанн Лествичник о том, как соотносятся добродетели кротости и смирения, пишет следующее: «Солнцу предшествует утренний свет, а всякому смиренномудрию предтеча есть кротость: “Научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем” (Мф. 11:29)» [Лествичник, 2013, с. 292]. У свт. Дмитрия Ростовского *кротким* называется «тот, кто будучи кем-л. опечален и имея возможность отомстить, не мстит, не гневается и оскорбляемый не оскорбляет» [Ростовский, 2014, с. 39].

Кротость (греч. *πραότης* «кротость, мягкость, ласковость; сдержанность, спокойствие») иногда означает ‘слабость, изнеможение’ [ПЦСС, 1993, с. 272; Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1364]. Однако в этой видимой слабости обретается сила. «Кротость имеет образ агнца, а силу льва, – поясняет свт. Дмитрий Ростовский. – Агнец, которого видел Иоанн Богослов, был образом кротости и тихости Самого Агнца Божия, берущего “на себя грехи мира” (Ин. 1:29), Христа Спасителя нашего» [Ростовский, 2014с. 42-43].

Печаль (Г5.4.) / надежда (Д5.4.)

В словарях, отражающих реалии церковно-религиозной сферы языка, представление о *печали* складывается, исходя из соотнесения сущ. *печаль* с его греческими эквивалентами: 1) *μέριμνα* забота, тревога, огорчение, попечение; 2) *λύπη* скорбь, печаль, горе [Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1072; Дворецкий, 1958, т. 1, с. 1040; Седакова, 2008, с. 241; СЦСЯ, 2010, с. 113].

Печаль (λύπη) различают *мирскую* и *духовную*. «Печаль мира сего» бесполезна и порочна, т.к. рождается «от потери земных польз, от зависти о чужом добре, от страха наступающей временной казни»; «печаль по Бозе», напротив, душеполезна, ибо «происходит от духа Божественного», она «благоприятна Богу», поскольку «человек печалится о содеянных грехах» [Алексеев, 1818, ч. 3, с. 221; ПЦСС, 1993, с. 421].

Печали (μέριμνα) как беспокойству, связанному с глубокой привязанностью ко всему земному, противопоставляется *беспечалие* (аск. *ἀμεριμνία* – беззаботность) – неозабоченность, необходимое качество подвижника; пренебрежение мирскими удовольствиями, ненавидение мира [Седакова, 2008, с. 241; Синайский, 2017, с. 41–42]. Например, прп. Иоанн Лествичник наставляет: «Братия, оставим попечения, ибо мы записались в число свободных от попечений. Невозможно ни падением, ни временем, ни тяжестью бремени извиняться, ибо тем, которые прияли Господа через возрождение святым крещением, дал Он область чадом Божиим быти и глаголет: упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог и бесстрастие» [Лествичник, 2013, с. 438].

Употребление лексемы *печаль* изначально связывается с секулярной сферой; далее – с религиозной. Присущие человеку переживания, возникающие по различным причинам, в христианской православной традиции принято считать греховной скорбью, связанной с внешним источником; это пустые заботы, истинные же блага и блаженства ожидают в

жизни будущего века. Потому печаль по чему-л. бренному подвергается осуждению, лишь печаль по собственным грехам оправдана.

Слово *надежда* по происхождению является церковнославянским. Оно означает чаяние, ожидание, отвагу, дерзание, является одной из главных христианских добродетелей, наряду с верой и любовью [ПЦСС, 1993, с. 329; Суворин, 1899, с. 424; Алексеев, 1818, ч. 3, с. 424; Складарская, 2008, с. 236].

У святых отцов и учителей церкви *надежда* связывается с упованием на Бога, Божьей помощью и милосердием, с верой в прощение грехов, и в этом случае она отличается от того, что понимается под этим словом в секулярном смысле: «Не все едины имеют надежду. Иной надеется на князей и сынов человеческих, иной на богатство, иной на разум свой... Едины истинные христиане, все прочее оставивши, на единого Бога надежду свою полагают» [Павлык, 2011, с. 110]. Любая другая надежда (на самого себя, на свои силу, разум, благочестие, богатство и т.п.), по православному учению, считается грехом, поскольку человек, полагаясь на творение Божье, которое и само требует помощи и подкрепления Божьих, нарушает первую заповедь Десятословия: Аз есмь Господь Бог твой [Там же, с. 111].

Уныние (Г6.4.) / трезвение (Д6.4.)

Представление об унынии связывается с духовным состоянием человека. *Унынием* называется удрученное состояние духа; беспечность, бездействие в деле спасения [ПЦСС, 1993, с. 758]; небрежность, нерадение, беспечность [Суворин, 1899, с. 886]; лень, тоска, скука [Алексеев, 1819, ч. 5, с. 69]; грусть, вялость, скорбь, лишение надежды, нечувствительность [СЦСЯ, 2010, с. 176]. Сравним: *ἀκηδία* беззаботность, беспечность [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 63]; *τάλαι-πορία* страдание, мучение, мука [Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1599].

Унывать – ослабевать, дремать, находиться в пагубном или опасном состоянии [Дьяченко, с. 758]; падать духом [Суворин, 1899, с. 886]; быть в

скуке, в лениности находиться; грустить, тосковать, печалиться [Алексеев, 1819, ч. 5, с. 69]; терять бодрость, тревожиться, томиться [СЦСЯ, 2010, с. 176]. *Унылый* – лишившийся бодрости духа, предавшийся безнадежной печали, малодушный [Суворин, 1899, с. 886]; *ῥάθυμος* беспечный, беззаботный, нерадивый, равнодушный [Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1148].

Употребление лексемы *уныние* изначально связывается с секулярной сферой, где указывается на состояние души, тела; далее – с религиозной, где речь идет о состоянии духа: «Как больной не выносит тяжелого бремени, так преданный унынию не сделает прилежно Божия дела: то телесными силами расстроен, то ослабел в силах душевных [Синайский, 2017, с. 45]. По прп. Иоанну Лествичнику, «из всех восьми предводителей злобы дух уныния есть тягчайший», и если «каждая из прочих страстей упраздняется одной, какой-нибудь противной ей добродетелью», уныние есть «всепоражающая смерть» [Лествичник, 2013, с. 201].

Слово *трезвение* по происхождению является церковнославянским. Оно означает воздержание в широком смысле: от увлечений, пристрастий, любых склонностей, излишеств; руководство в суждениях и действиях здравым смыслом, правильными понятиями и взглядами на вещи; обладание своими страстями; бодрствование, бдение; умеренность во всем [ПЦСС, 1993, с. 729–730; Суворин, 1899, с. 861; Алексеев, 1819, ч. 5, с. 29; СЦСЯ, 2010, с. 168]. Отсюда *трезвение* нередко синонимично существительным, называющим такие добродетели, как воздержание, целомудрие, крепость, смирение.

Лексема *трезвение*, в соответствии с представлением о трезвении как прилежном наблюдении, постоянном бодрствовании над собой, строгой бдительности изначально связана с религиозной сферой. В современном русском языке слово употребляется только в церковно-религиозном контексте. По учению о трезвении свт. Игнатия Брянчанинова, оно в отеческих писаниях считается священным, поскольку «стремится

непрестанно пребывать в исполнении всех евангельских заповедей делами, словами, помышлениями, чувствованиями»; «трезвение есть непрестанная деятельность», «твердое устроение ума и стояние его при сердечной двери», противодействие «самым началам греха», т.е. помыслу, или прилогу [Брянчанинов, 2018, с. 466–474].

Тщеславие (Г7.4.) / смирение (Д7.4.)

В словаре церковнославяно-русских паронимов *слава* толкуется следующим образом: 1) Слава Господня (то, что Бог открывает, являет); именование Страстного образа Христа (икон.); Сын Божий; 2) истинная, или божественная, или промыслительная, суть человека (и вообще творения); 3) доброе имя, общее признание; 4) подразделение кафизмы в Псалтири [Седакова, 2008, с. 315-316]. Отсюда *тщеславием* называется тщетная самого себя похвала, хвастовство, чванство [ПЦСС, 1993, с. 741; Алексеев, 1819, ч. 5, с. 43].

По православному вероучению, «ежели есть у нас какое-либо преимущество душевное или телесное, не должно ни превозноситься им, ни мнения о себе других обращать в повод к превозношению и надменности, а все нужно приписывать Господу и всех почитать превосходнейшими себя самого, не домогаясь первенства» [По творениям Василия Великого, 2017, с. 101-107]. Другими словами, грех тщеславия как превозношения плотскими преимуществами и духовными подвигами состоит в том, что впадающий в него отпадает от Бога, отказывается прославлять Его во всех делах (Мф. 6:9), ищет преходящей, человеческой славы.

По данным церковнославянских словарей, фиксирующих значения лексемы в Писании, *смирением* называется (1) покой, безопасность, примирение; мир, замирение; (2) жизнь, бедами окруженная; состояние презренное и подлое; оскорбление, огорчение, унижение, ничтожество; (3) сокрушение сердечное [ПЦСС, 1993, с. 662; Алексеев, 1819, ч. 4, с. 112].

Столь существенная разница значений и оттенков значений сущ. *смирение* обусловлена ситуацией диглоссии, наличием функциональных (прагматических) вариантов – русского, в дальнейшем русского литературного, и церковнославянского, сакрального, в семантическом отношении во многом являющегося греческим субстратом. *Смирение* и однокоренные ему относятся к области «общих слов», принадлежащих одновременно двум языкам – русскому мирскому и церковнославянскому сакральному [Седакова, 2008, с. 10–13].

Обращение к оригиналам на греческом языке, проясняющим причину расхождений многих значений слов, позволяет проследить, как формировалось различие в толковании сущ. *смирение*: 1) *смирєніє ταπεινωσις* ‘униженность, бедность, убожество’; ‘поражение, унижение’; 2) *смирєніє εἰρήνη* ‘мир, примирение, мирная жизнь’; 3) *смирєніє* (изначально *смѣреніє*) ‘смирение (добродетель)’, *συμμετρία* ‘соразмерность, правильное соотношение’, ‘сообразность, пригодность’ [Там же, с. 321; Дворецкий, 1958, т. 1, с. 467; Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1088, 1534, 1602].

Гордость (Г8.4.) / любовь (Д8.4.)

В христианской традиции *гордость* то же, что гордыня [Скляревская, 2008, с. 113], один из основных человеческих пороков. Это ложное чувство собственного превосходства над другими, полностью несовместимое с христианством, поскольку противоречит Творцу, создавшему всех людей равными [ППБЭС, 1992, т. 1, с. 661–662], и чуждо Божественным законам. В Библии отсутствуют контексты, где гордость выступала бы как положительное качество: «Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь» (Притчи 29:23); «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1-е Иоанна 2:16). В отдельных случаях в церковно-религиозной сфере

гордость оценивается как положительная в смысле дерзновения, хвалы [Литвинова, 2006, с. 108–112].

Святые отцы относят гордость к последнему из 8 основных грехов, считают ее корнем и основанием всех страстей, высшей степенью падения человека в религиозном и этическом отношениях. По согласному святоотеческому учению, она сама является страстью, которая порождает все другие, а немногие оставшиеся замещает по мере победы над ними. Сама являясь грехом по преимуществу, гордость может быть названа им в собственном смысле слова. Гордость свидетельствует об отступлении от Бога, отвержении Его помощи и об уповании на собственные силы.

Любовь (любы) – слово, которым называлась вечеря любви, вкушаемая христианами ранних веков по окончании освящения Даров и причастия: «ἀγάπη значит любовь; эта трапеза установлена для вспомоществования бедным. Перед ней мы молимся Богу, едим умеренно, как люди, которые знают, что и ночью некоторые часы надо посвящать молитве, разговариваем так, как это было бы в присутствии Божиим» [Дмитриевский, с. 361]. Такая христианская трапеза, установленная Апостолами по образу, взятому из Ветхого Завета, существовала первые три века. Христианское значение любви (ἀγάπη, ἀγάπαι – агапы, братские трапезы, братолюбные угощения, т.е. трапеза любви [Дмитриевский, 2010, с. 65; Дворецкий, 1958, т. 1, с. 17]), по-видимому, калька с греческого и отмечается в XI–XVII вв. [ЭССЯ, 1990, вып. 17, с. 185].

Русская лексема *любовь*, в соответствии с представлением о любви как заповеди («Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу (жизнь) свою за друзей своих» (Ин. 15:12–13)), изначально связана с религиозной сферой. По христианскому учению о любви, Бог есть Любовь (Ин. 4:8) [Воскобойников, 2010, с. 162; Скляревская, 2008, с. 209]. Любовь явлена и дарована людям только в Боговоплощении, в соединении Бога и человека, в Таинстве

Евхаристии, потому что сам человек, в автономном от Бога бытии, той любовью, о которой идет речь в Евангелии, любить не может.

По свт. Тихону Задонскому, подлинная христианская любовь – это не естественное, врожденное чувство (так или иначе, всегда страстное), а свойство души, преображенной благодатью Божией. Для стяжания такой любви необходим труд, своеобразная лестница, которой христиане восходят к совершенству [Павлык, 2011, с. 109–110].

В церковно-религиозном смысле определение любви прочитывается в апостольском послании: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Посл. Кор. 13:4–8).

Выводы

Своеобразие семантики дескрипторных лексем *грехи* и *добродетели* определяет состав (тело) поля и его структуру (т.е. сеть семантических связей между элементами этого поля). Эти лексемы являются именами поля.

ЛСП «Грехи / добродетели» представляет собой двухчастную модель, состоящую из 16 соотносимых друг с другом микрополей, образуемых по количеству страстей (греховных навыков) и соответствующих им добродетелей. Основанием для выделения ядерной зоны поля послужило соборное мнение святых отцов церкви, в частности, подразделение страстей (греховных навыков) по их происхождению и развитию с обратным путем – борьбой, «врачевством» через добродетели, которые не познаются внешне, а постигаются изнутри, через исполнение евангельских заповедей.

Большинство лексем, входящих в состав ЛСП «Грехи / добродетели», старославянского происхождения (*добродетель, гордость, любовь, тщеславие, смирение, уныние, трезвение, надежда, сребролюбие, нестяжание, целомудрие, чревоугодие, воздержание*). Их сфера употребления ограничена: в современном русском языке эти слова редко выходят за рамки употребления в церковно-религиозном контексте. Существительные *блуд, печаль* общеславянского происхождения. Некоторые лексеммы (*добродетель, сребролюбие, целомудрие, чревоугодие, воздержание*) являются кальками с греческого. Лексеммы *печаль* и *надежда* не имеют индоевропейских соответствий.

Часть лексем, изначально принадлежащих церковно-религиозной сфере, в современном русском языке подверглась процессу секуляризации (*грех, гордость, любовь*). И наоборот, лексеммы, связанные с секулярной сферой употребления, приобретают статус религиозных (*гнев, кротость, надежда*). Вторичной секуляризации подверглись *смирение, печаль, блуд*. За существительными *грех, гордость, уныние* и однокоренными им частично закрепились секулярные значения.

Дефиниции лексем, образующих ЛСП «Грехи / добродетели», размещенные в современных толковых словарях русского языка, отражают преимущественно секулярное представление об исследуемых явлениях, что усматривается в отсутствии их соотнесенности с вектором «Я и Бог». Отдельные определения, сопровождаемые стилистическими пометами, фиксируют соотносимые и близкие с церковно-религиозными представления (например, толкование *добродетели, воздержания*). Часть определений показывает наличие аксиологической амбивалентности (например, определение *гордости*), допускающей предельно широкую интерпретацию явлений, что недопустимо в контексте церковно-религиозном. Кроме того, определения в узком смысле чаще всего транслируют секулярное

представление, нередко не имеющее / утратившее связь с непосредственным наименованием явления как положительного или отрицательного.

В реконструкции семантики рассматриваемых лексем целесообразно опираться на Словарь В.И. Даля как на наиболее близкий из авторитетных толковых словарей ко времени жизни Н.В. Гоголя и отличающийся необходимой полнотой. Несмотря на ярко выраженную секулярную направленность, в словаре фиксируются одновременно народные, секулярные определения, наиболее близкие, в отличие от современных толковых словарей, к их мотивирующей основе, и церковные определения (например, определение *блуда*).

Реакции респондентов-участников свободного ассоциативного эксперимента на слова-стимулы (перечень грехов и добродетелей) отражают представления об исследуемых явлениях преимущественно секулярного характера при наличии аксиологической двойственности (ответы респондентов, причисляющих себя к верующим людям). Процент ответов (ответы воцерковленных и воцерковляющихся людей), транслирующих сакральную и сакрализованную интерпретацию слов-стимулов, достаточно высок (составляет примерно третью часть от общего количества реакций) и показывает опыт знакомства респондентов данной группы со святоотеческой литературой. В то же время фиксируется отсутствие ответов реакций на некоторые слова-стимулы (*трезвение* – 5 единиц, *нестяжание* – 3, *сребролюбие* – 2, *воздержание* – 2, *уныние* – 1, *кротость* – 1) в связи с непониманием их содержания. За рамками исследования, в связи с отказом и затруднительностью дать ответы, оказывается интерпретация исследуемых явлений респондентами, не относящими себя к верующим людям, не разделяющими догматы христианской церкви, находящимися вне православной традиции.

Определения грехов и добродетелей в церковно-славянских словарях, их святоотеческое понимание основывается на векторе «Я и Бог».

религиозные смыслы грехов и добродетелей являются доминантными в христианском дискурсе.

ГЛАВА 3. Своеобразие семантики лексем грех, добродетель в духовной прозе Н.В. Гоголя

Выявление своеобразия семантики лексем, образующих ЛСП «Грехи / добродетели» на материале духовной прозы Н.В. Гоголя, предполагает, с одной стороны, реконструкцию этого поля в текстах «ВМ» и «РБЛ»; с другой стороны, соотнесение полученных данных с соответствующими компонентами, закрепленными в толковых нецерковных и церковных словарях и в святоотеческих трудах.

Процедура реконструкции поля предполагает следующие этапы: 1) подбор и выписка из «ВМ» и «РБЛ» репрезентативных фрагментов, содержащих лексические единицы с соответствующими дескрипторными компонентами; 2) интерпретация содержания дескрипторных лексем, представляющих собой прямые наименования концептов с учетом контекста; 3) количественный и качественный анализ лексических единиц и составление таблиц по полученным данным; 4) обобщение прямых наименований и интерпретация полученных результатов; 5) моделирование ядерной структуры ЛСП в соответствии с логикой явления посредством дескрипторных лексем рассматриваемых концептов в текстах Н.В. Гоголя; б) построение обобщенной модели ЛСП «Грехи / добродетели» и ее графическое представление.

Принадлежность компонентов значений к той или иной сфере употребления определялась путем рефлексивного погружения в текст произведения и интерпретации материала с учетом имеющихся относительно текста данных языкового и неязыкового характера.

3.1. Узуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем в составе поля «Грехи / добродетели» в «ВМ» и «РБЛ»

В ходе выписки из «ВМ» и из «РБЛ», лексических единиц, объективирующих грехи и добродетели, обнаружено 633 словоформы с

соответствующими дескрипторными компонентами, включая и дескрипторные компоненты *грех-* / *греш-*, *добродетел'*-. Дескрипторные лексемы (и однокоренные им), образующие поле, наличествуют в 411 гоголевских фрагментах.

Обнаруженные лексические единицы послужили материалом для дальнейшего анализа. На основании извлеченных данных нам удалось определить количественное соотношение лексем, являющихся прямыми номинациями *грехов* и *добродетелей*. Кроме того, были определены лексические единицы, принадлежащие ядерной области поля; выявлены наиболее частотные номинации, отражающие потенциально значимые для писателя реалии духовной жизни в ее аскетическом плане; проанализированы контексты с точки зрения представленности / непредставленности отдельных лексем в текстах Н.В. Гоголя. Данные по номинациям, образующим ядерную область ЛСП «Грехи / добродетели», отражены в Таблице 4 Приложения 3 диссертационного исследования.

Рассмотрение узуальных и контекстуальных значений и смыслов лексем в составе поля «Грехи / добродетели» в текстах духовной прозы писателя позволяет выявить особенности его мировоззрения, его взглядов на место христианской составляющей в социальной и духовной жизни России, на пути ее развития.

Отметим, что церковно-религиозные, секулярные и религиозно-секулярные компоненты в духовной прозе Н.В. Гоголя выявляются в сопоставлении с соответствующими компонентами в словарях и в святоотеческих трудах. В ходе комплексной работы по отбору языкового материала (фрагментов текстов «ВМ» и «РБЛ») и интерпретации текста с опорой на языковой и неязыковой контекст (ход работы представлен в начале Главы 3 диссертации) составлены перечни значений и смыслов дескрипторных лексем в сакральной (церковно-религиозной), секулярной и сакрально-секулярной сферах. Выявленные признаки и результаты

количественного анализа отражены в Таблице 5 Приложения 3 настоящего исследования.

О принадлежности лексем церковно-религиозной сфере языка свидетельствуют: 1) общее значение слова, соотносимое с его толкованием в церковнославянских словарях (например, *добродетель как одно из высших проявлений нравственной чистоты*); 2) контекстуальное значение или смысл слова, выводимые из контекстуального синонимического ряда, в который помещено рассматриваемое слово (например, *незлобие и кротость*); 3) контекстуальное значение или смысл, транслируемые автором явно (например: *ждать и надеяться на вечную жизнь в будущем веке*); 4) контекстуальное значение или смысл, транслируемые автором неявно (например: *куда повести заблудшие стада свои*).

Лексем, актуализирующие в тексте секулярные значения или смыслы, предполагают: 1) наличие связи с толкованиями, размещенными в толковых словарях нецерковной направленности, кроме толкований с особыми пометами; нейтральное употребление (например: *любить свое искусство; наводящий уныние однообразием, монотонностью*); 2) отсутствие в их составе компонентов-сем, непосредственно соотносящихся с областью религиозного христианского православного содержания (например, *сохранение рассудка, пребывание в памяти*); 3) контекстуальное значение или смысл слова, выводимые из контекстуального синонимического ряда, в который помещено рассматриваемое слово (например, *приняться слишком сгоряча и слишком понадеяться на собственные силы*).

На употребление лексем, совмещающих сакральные и секулярные значения и смыслы, указывает возможность их толкования одновременно как актуализирующих явления секулярной и сакральной природы (например, *чувство привязанности, любовь к ближним*).

3.1.1. Поле «Грех / добродетель»

Грех (Г)

В тексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 12 словоформ с дескрипторным компонентом *грех-* и 5 с *греш-*; всего 3 лексемы с *добродетел'-*. В «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено 14 лексем с дескрипторным компонентом *грех-*, 21 с *греш-* (из них 3 с приставкой *без-*) и 2 с *добродетел'-*.

Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *грех* и *добродетель*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придескрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющих ядро ЛСП: *грех* (25), *прегрешение* (8), *согрешение* (1); *добродетель* (4);

2) «лицо»: *грешный* (6);

3) атрибутивные признаки лиц: *грешен* (2), *безгрешен* (2), *безгрешный* (2); *добродетельный* (1);

4) процессуальные признаки лиц: *грешить* (5);

5) признаки действий, состояний: *греховно* (1).

Найденные 57 словоупотреблений представлены в 43 текстовых фрагментах, в среднем 1,3 словоупотреблений на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной проблематики, связанной с понятиями «грех / добродетель». Те достаточно обширные фрагменты, которые являются наиболее репрезентативными (максимально насыщенными лексемами с однотипной морфосемантикой), не поддаются

целесообразному делению на более простые, структурно соотносящиеся, например, со словосочетанием или простым предложением.

Наиболее репрезентативные фрагменты содержат рассуждения о грехе / добродетели, их проявлениях и их свойствах, – как о явлениях, состоящих в непосредственной связи друг с другом; в обширных фрагментах наблюдаются различные феномены лексико-семантической внутритекстовой связи, а именно: формы одного слова (*гордости, гордость*), наблюдаются буквальные лексические повторы (*грех, грех*), текстуальное «нанизывание» однокоренных слов с разными словообразовательными элементами (*грешить, грехов, грешат*).

Назовем ключевые коммуникативные смыслы (КС) лексем с корневой морфемой *грех- / греш-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики (далее курсив в цитатах мой. – *А. Н.*):

КС-1: ‘нарушение закона Божьего, жизнь не по заповедям вследствие непонимания своей греховности, нравственной слепоты’, ‘нарушать Божьи заповеди’ (29 словоупотреблений: 16 – *грех*; 8 – *прегрешение*; 5 – *грешить*), ср.: «*Грешит* нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но *грешит* не от призабиячества своего собственного разврата, не от бесчувственности и не оттого, чтобы хотел *грешить*, но оттого, что не видит *грехов* своих» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 94];

КС-2: ‘недооценка собственной необходимости, неприменение способностей во благо России’ (2 словоупотребления: 2 – *грех*), ср.: «Говорю вам, что с этим вашим свойством вы теперь слишком нужны России... и *грех* вам, что вы даже не слышите этого! *Грех* был бы и мне, если б я не выставил вам этого свойства» [Там же, с. 91];

КС-3: ‘не пытаться понять проблемы современности в свете вечной истины и небрежное отношение к собственному таланту, растрата его’ (1 словоупотребление: 1 – *грех*), ср.: «Перечитывай строго Библию,

набирайся русской старины и, при свете их, приглядывайся к нынешнему времени. Много, много предстоит тебе предметов, и *грех* тебе их не видеть» [Там же, с. 68–69];

КС-4: ‘неумышленное причинение зла другому человеку вследствие неисполнения должностных обязанностей’ (1 словоупотребление: 1 – *грех*), ср.: «Устройте же это дело; не то – *грех* будет на вашей собственной душе. С моей души я уже снял его этим самым письмом; теперь он повиснул на вас» [Там же, с. 122];

КС-5: ‘незнание России посреди России’ (1 словоупотребление: 1 – *грех*), ср.: «нечего таить *греха* – все мы очень плохо знаем Россию» [Там же, с. 76];

КС-6: ‘склонность к греху’ (13 словоупотреблений: 6 – *грешный*; 2 – *грешен*; 2 – *безгрешный*; 2 – *безгрешен*; 1 – *греховно*), ср.: «мастер угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленьем ему того, к чему он *греховно* падок...» [Там же, с. 185];

КС-7: ‘сокрушение по смерти человека’ (1 словоупотребление: 1 – *грех*), ср.: «Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и *грех* себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой» [Там же, с. 10];

КС-8: ‘нарушение заповедей Божиих, совершенное уже умершими христианами’ (2 словоупотребления: 1 – *грех*; 1 – *согрешение*), ср.: «Затем берет иерей последнюю просфору, изъе́млет из нее частицы в поминовенье всех умерших, прося в то же время об отпущении им *грехов* их, начиная от патриархов, царей, создателей храма, архиерея, его рукоположившего, если он уже находится в числе усопших, и до последнего из христиан...» [Там же, с. 355];

КС-9: ‘смертные’ (1 словоупотребление: 1 – *грех*), ср.: «Он Сам сказал: Аз есмь хлеб, и ядый меня не умрет. Словом: остави нам долги наша, мы просим и о снятии с нас всех тяжких *грехов* наших, на нас тяготеющих, -

просим прощения нам всего того, чем задолжали мы Самому Творцу в лице брата наших...» [Там же, с. 384];

КС-10: 'предосудительные поступки' (1 словоупотребление: 1 – *грех*), ср.: «Всюду могут случиться просмотры, неправда может проскользнуть везде; за самим губернатором могут завестись *грехи*» [Там же, с. 143].

Признаки 1, 6-9, которые целесообразно обобщить как «нарушение действием, словом или мыслью заповедей Бога; поступок, свидетельствующий о таком нарушении», наиболее непосредственно соотносятся с сакрально-религиозным мировоззрением.

Признаки 2-5 связаны с идеей общественного служения, прежде всего служения своей родине – России, с представлением о необходимости приносить пользу ближним и обществу «на своем месте» и через исполнение своего предназначения «поработать Христу» (контексты: писательский талант Н.М. Языкова; высокий государственный пост графа А.П. Толстого и т.д.).

Лексема *грех* в случаях 2, 3, 5 входит в состав фразеологических единств (*брать грех на душу, грех не видеть, нечего греха таить*), значения которых основываются на прямых номинативных значениях существительного *грех*.

Признак 10 соотносится с секулярным представлением о грехе.

Добродетель (Д)

Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с основой *добродетел'*:-

КС-1: 'одно из высших проявлений нравственной чистоты' (2 словоупотребления: 1 – *добродетель*; 1 – *добродетельный*), ср.: «Во мне не было какого-нибудь одного слишком сильного порока, который бы высунился видней всех моих прочих пороков, все равно как не было также

никакой картинной *добродетели*, которая могла бы придать мне какую-нибудь картинную наружность...» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 82];

КС-2: 'семейные добродетели', согласующиеся с пятой заповедью блаженства «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5: 5) (1 словоупотребление: 1 – *добродетель*), ср.: «У нас все есть – и семейная жизнь, и семейные *добродетели*, и обычаи у нас соблюдаются свято...» [Там же, с. 197];

КС-3: 'Бог' (1 словоупотребление: 1 – *добродетель*), ср.: «И обкадив второй покров, покрывает им Святую Чашу, произнося: Покрыла небеса, Христос, Твоя *добродетель*, и хвалы Твоей исполнилась земля» [Там же, с. 356];

КС-4: 'смирение', согласующееся с первой заповедью блаженства «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5: 3) (1 словоупотребление: 1 – *добродетель*), ср.: «...чтобы каждый в эту минуту слышал, что высшая *добродетель* – смирение, и в сердце смиренного воплощается Бог» [Там же, с. 382].

Названные признаки целесообразно обобщить как 'деятельное добро', 'богосовершенствование', они отображают церковно-религиозное представление о добродетели как устремленности к добру – необходимом нравственном качестве подлинного христианина. Невысокая частотность употребления лексемы *добродетель* в исследуемых произведениях Гоголя следует интерпретировать как «проявление особо трепетного отношения к именуемому» [Волков, Волкова, 2014, с. 280], ибо добрые качества завоевываются трудной любовью к Богу и России, требуют долгих усилий – «Пока не станешь сам сколько-нибудь на них <добродетельных людей> походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств...» [Гоголь, т. 6, с. 86].

Фрагмент работы с контекстами, в которых выявляется семантико-стилистическое своеобразие лексем с дескрипторным компонентом *грех-* /

греш- в «ВМ» приводится в Таблице 5 Приложения 2 диссертационного исследования.

3.1.2. Поле «Чревоугодие / воздержание»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *год-* / *держ-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 35 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным компонентом *год-*, 69 – с *держ-*, в «Размышлениях о Божественной Литургии» не выявлено словоупотреблений с *год-* и обнаружено 14 – с *держ.*

Лексемы с корнем *-год-* со значением ‘промежуток времени, равный 12 календарным месяцам’, ‘период времени в некоторое количество лет’, ‘время, ознаменованное важными общественными событиями’, наиболее частотно представленный (28 словоупотреблений: 27 – *год*; 1 – *година*), и лексемы, служащие для обозначения фамилий (3 словоупотребления: 2 – *Погодин*; 1 – *Годунов*), в работе не учитывались, поскольку первые утратили в языке XIX в. и в современном русском языке значения «подходящий», «угодный» и не сопоставляются с какими-л. грехами или добродетелями и не могут быть соотнесены ни с одним из обозначенных ранее векторов взаимодействия субъекта. Подобным образом не содержат компонентов *греха* и *добродетели* названия фамилий с корнем *-год-*, являясь производными с этим корнем.

Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *выгода* / *негодование* и *содержание*, *держат*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придекрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *выгода* (12), *негодование* (7); *содержание* (17), *издержки* (3), *поддержанье* (2), *выдержка* (2), *поддержка* (1), *одержание* (1), *держава* (1);

2) «лицо»: *негодяй* (2), *угодник* (1); *Вседержитель* (1);

3) атрибутивные признаки лиц: *выгодный* (3), *выгоднейший* (1), *богоугодный* (1), *негодный* (1); *удержавший* (2), *самодержавный* (2), *невоздержный* (1), *удерживающий* (1), *удержан* (1), *одержим* (1), *содержащий* (1), *вседержащий* (1), *державный* (1);

4) процессуальные признаки лиц: *негодовать* (4), *пригодиться* (1), *погодить* (1), *угодить* (1); *держать* (15), *держаться* (4), *поддержать* (4), *удержать* (3), *удержаться* (3), *придерживаться* (1), *издержать* (1), *задерживать* (1), *одержать* (1);

5) признаки действий, состояний: *угодно* (1); *держа* (7), *содержа* (1), *держася* (1), *выдержав* (1).

Найденные 118 словоупотреблений представлены в 109 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем 1,1 словоупотребления на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной и бытовой проблематики, связанной с понятиями «чревоугодие / воздержание». Те достаточно обширные фрагменты, которые являются наиболее репрезентативными (максимально насыщенными лексемами с однотипной морфосемантикой), не поддаются целесообразному делению на более простые, структурно соотносящиеся, например, со словосочетанием или простым предложением.

Наиболее репрезентативные фрагменты содержат рассуждения о чревоугодии / воздержании, их проявлениях и их свойствах, – как о явлениях, состоящих в непосредственной связи друг с другом; в обширных фрагментах наблюдаются различные феномены лексико-семантической внутритекстовой

связи, а именно: формы одного слова (*выгоды, выгодами; держал, держали*), наблюдаются буквальные лексические повторы (*содержание, содержание*), текстуальное «нанизывание» однокоренных слов с разными словообразовательными элементами (*угодником, негодовало; выдержку, держать*), текстуальное сопряжение омонимичных, при этом вариативных, словоформ («*содержанье, взятое в интригу, ни завязано плотно, ни мастерски развязано*» и «*сами комики о нем немного заботились, видя сквозь него другое; высшее содержание*»).

Чревоугодие (Г1.5.)

Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *год-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘польза, преимущество’, ‘приносящий выгоду’ (16 словоупотреблений: 12 – *выгода*; 3 – *выгодный*; 1 – *выгоднейший*), ср.: «И плуту оказалась теперь возможность, под маскою славяниста или европиста, смотря по тому, чего хочется начальнику, получить *выгодное* место и производить на нем плутни в качестве как поборника старины, так и поборника новизны» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 52];

КС-2: ‘возмущение, крайнее недовольство’ (11 словоупотреблений: 7 – *негодованье*; 4 – *негодовать*), ср.: «Уже крики на бесчинства, неправды и взятки — не просто *негодованье* благородных на бесчестных, но вопль всей земли...» [Там же, с. 88-89];

КС-3: ‘удовлетворить кого-н., сделав что-н. приятное, нужное’ (3 словоупотребления: 1 – *угодить*; 1 – *угодник*; 1 – *угодно*), ср.: «мастер *угодить* всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленьем ему того, к чему он греховно падок...» [Там же, с. 185];

КС-4: ‘подлый, низкий человек’ (2 словоупотребления: 2 – *негодяй*), ср.: «Скажи им всю правду: что с тебя взыщет Бог за последнего *негодяя* в

селе, и что поэтому самому ты еще больше будешь смотреть за тем, чтобы они работали честно не только тебе, но и себе самим...» [Там же, с. 110];

КС-5: 'плохой, не соответствующий, не подходящий по качеству' (1 словоупотребление: 1 – *негодный*), ср.: «Выбрал он себе форму басни, всеми пренебреженную как вещь старую, *негодную* для употребленья и почти детскую игрушку...» [Там же, с. 178];

КС-6: 'оказаться годным, нужным' (1 словоупотребление: 1 – *пригодиться*), ср.: «Вы уже сим два дела сделаете разом: кроме того, что дадите мне средство впоследствии вам *пригодиться*, вы узнаете сами из собственных ответов чиновника, как понимает он свою должность...» [Там же, с. 99–100];

КС-7: 'подождать' (1 словоупотребление: 1 – *погодить*), ср.: «*Погодите*, скоро поднимутся снизу такие крики, именно в тех с виду благоустроенных государствах...» [Там же, с. 131].

Признаки 5 и 7 не указывают на связь с грехами и добродетелями и соотносятся с секулярным типом мировоззрения.

Признак 1, соответствующий вектору «Я сам», соотносится преимущественно с секулярным мировоззрением. Выгода связывается с достижением чего-либо материального (получение должности / места, денег, приобретение предметов роскоши) и получает негативную характеристику, ср.: «собственная», «личная», «презренная», «корыстная» выгоды. Следованию человека «презренным личным выгодам» противопоставлен образ христианской жизни, жизни «лицом ко Христу», в соответствии с законами Церкви, а не только в соответствии с гражданскими законами [Там же, с. 150]. Направить всякого на подобный путь поможет общее дело, которое, по мысли Гоголя, возможно лишь для нашего народа, тогда «вся Россия – один человек» [Там же, с. 193].

Признак 2 соответствует векторам «Я сам» и «Я и другие» и соотносится преимущественно с сакрализованным мировоззрением.

Негодование направлено, прежде всего, на проявление в обществе зла (социальную несправедливость, взяточничество, расточительство, кумовство, лесть и лицемерие), которое, по Гоголю, проистекает из «общего всех ослепления» [Там же, с. 15].

Во-вторых, недовольство связано с представлением о бессилии что-л. изменить в мире, искоренить зло. Этот гнев оправдан при сосредоточении и направлении сил на борьбу со злоупотреблениями, ср.: «Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро» [Там же, с. 15]. Такая позиция прямо соотносится с представлением верующего о Церкви как о Теле Христовом: «Каждый член нужен всем остальным, и его кажущаяся невидность может скрывать за собою его большую важность (1 Кор. 12, 21–24), почему требует и большего попечения со стороны других органов. Но, будучи различны, органы взаимно обусловлены; страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. Так и верующие – Тело Христово»; «если разнообразие требуется для Церкви, то естественно, что и функции оказываются у разных членов разные»; «чтобы верующие могли быть “добрыми домостроителями благодати Божией”, каждый из них должен служить друг другу даром, какой получил, тою способностью, которою оделил его Создатель (1 Пет. 4, 10–11)» [Флоренский, 2018, с. 317].

В третьих, источником гнева и причиной вражды между людьми становится разница в вероисповедании, связанная, в частности, со славянским вопросом, т.е. со взглядами польских и русских «слафянофилов» на фигуру Наполеона и на наполеоновские кампании [Гоголь, 2009, т. 6, с. 579–580]); и с вопросом о католической и православной религиях, истинность которых для Гоголя была в то время очевидной [Флоровский, 2009, с. 334–335].

В-четвертых, рядом примеров иллюстрируется возмущение иных людей, которое вызывается критикой литераторами недостатков гоголевской

книги. В этой критике автор «Мертвых душ» усматривает несомненную пользу для себя как всякого человека, на дне души которого «столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колоть, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку» [Гоголь, 2009, т. 6, с.75]. Именно «неряшество растрепанной души» писателя может явиться следствием нелепого, грубого выражения мыслей, и потому очевидно, что гнев на непонимание его читателем неоправдан.

Наконец, благородное негодование против бесчинств и уклонений «от прямой дороги» [Там же, с. 187] достигает своей вершины в лиризме поэтов равнодушных, для которых благополучное состояние общества стоит прежде, чем личные выгоды.

Признак 3 соотносится с сакрализированным представлением об угодничестве как об удовлетворении кого-л. в потакании его страстям: лести царственной особе и в целом значительному лицу.

Признак 4 отображает сакрализованное представление о негодяе как о грешнике, негодном в силу порабощения грехом, и указывает на необходимость соблюдения иерархии во всем, в том числе, в величине спроса с человека. Личная ответственность человека перед Богом подразумевает, прежде всего, спрос человека с самого себя, а затем спрос за грехи тех, кто «ходит» под тобой.

Признак 6 также отражает сакрализованное представление об угождении как благодарности за сведения о людях, преуспевших в деле добра.

Воздержание (Д1.5.)

Контекстуальная семантика слов с корневой морфемой *держ-* в духовной прозе Гоголя отличается своеобразием, состоящим в наличии

сакрально-религиозных или сакрализованных смыслов лексем, дефиниции которых в современных толковых словарях не обладают таковыми.

Основываясь на христианском прочтении *воздержания*, соотносящегося с группами (1) «Я сам», (3) «Я и Бог», Гоголь развивает их до отношения «Мы и Бог», где условное коллективное «мы» предстает как любой гражданин России, дóлжный, по Гоголю, руководствоваться во всех своих делах воздержанием от «кривого» пути, строгостью к самому себе при постоянной молитве к Богу о помощи «собрать всего себя в себе». Такое бодрствование, трезвение должно подвигнуть каждого стать строже к самому себе «в несколько раз самого закона». Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с корневой морфемой *держ-*:

КС-1: ‘хранить, сохранять’ (18 словоупотреблений: 4 – *держать*; 2 – *держаться*; 2 – *удержать*; 2 – *удержаться*; 2 – *удержавший*; 2 – *поддержанье*; 1 – *удержан*; 1 – *подержать*; 1 – *содержа*; 1 – *выдержав*), ср.: «Если вы будете *держать* это в голове своей беспрестанно, то вы никогда не заедете без надобности сильной в магазин и не купите себе неожиданно для себя самой какое-нибудь украшенье для камина или стола...» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 127];

КС-2: ‘иметь в руках; иметь у себя’ (11 словоупотреблений: 6 – *держа*; 5 – *держать*), ср.: «А диакон, стоя на амвоне посреди церкви, изображая ангела, побудителя к молитвам, *держа* орарь тремя перстами, призывает всех верных...» [Там же, с. 370];

КС-3: ‘контролировать, останавливать; мешать’ (9 словоупотреблений: 4 – *держать*; 1 – *удержать*; 1 – *невоздержный*; 1 – *удерживающий*; 1 – *вседержающий*; 1 – *задерживать*), ср.: «растопи золото и серебро, какое имеешь, дабы сделать из них весы, которые взвешивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая бы *держала* твои уста»» [Там же, с. 22];

КС-4: ‘обеспечение’ (8 словоупотреблений: 8 – *содержанье*), ср.: «Сделайте так, чтобы не только было выдано Иванову то нищенское *содержание*, которое он просит...» [Там же, с. 122–123];

КС-5: ‘состав, наполнение, вмещаемое’ (9 словоупотреблений: 8 – *содержанье*; 1 – *содержащий*), ср.: «Обе комедии исполняют плохо сценические условия; в сем отношении ничтожная французская пьеса их лучше. *Содержанье*, взятое в интригу, ни завязано плотно, ни мастерски развязано» [Там же, с. 187];

КС-6: ‘соблюдение, следование; подражание’ (7 словоупотреблений: 2 – *держаться*; 1 – *держать*; 1 – *держася*; 1 – *содержанье*; 1 – *поддержать*; 1 – *придерживаться*), ср.: «*Держитесь* этого строго в продолжение целого года» [Там же, с. 127].

КС-7: ‘траты’ (4 словоупотребления: 3 – *издержки*; 1 – *издержать*), ср.: «В шестой куче — деньги на чрезвычайные *издержки*, какие могут встретиться...» [Там же, с. 126].

КС-8: ‘помощь, содействие, заступление’ (3 словоупотребления: 2 – *поддержать*; 1 – *поддержка*), ср.: «В некоторых местах Европы это поняли: театр высших драматических представлений там отделен и пользуется один *поддержкой* правительств...» [Там же, с. 58];

КС-9: ‘взять, получить’ (2 словоупотребления: 1 – *одержать*; 1 – *одержание*), ср.: «...ту победу над смертью, которую *одержал* в виду всего мира Христос...» [Там же, с. 352];

КС-10: ‘например’ (2 словоупотребления: 2 – *на выдержку*), ср.: «Запишите также две-три сплетни *на выдержку*, какие первые вам попадутся...» [Там же, с. 101];

КС-11: ‘занимать’ (1 словоупотребление: 1 – *держать*), ср.: «Особенно слышно, как он везде *держит* сторону ума...» [Там же, с. 180];

КС-12: ‘полновластный’ (2 словоупотребления: 2 – *самодержавный*), ср.: «Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значенье великих

истин! Это внутреннее существо — силу *самодержавного* монарха...» [Там же, с. 43];

КС-13: ‘могущественный, величественный, властный, сильный, заступительный’ (1 словоупотребление: 1 – *державный*), ср.: «Прииди освятить нас, горе с Отцем сидящий и здесь невидимо нам спребывающий, и сподоби *державной* рукой Твоей преподать нам, священникам, Пречистое Тело Твое и Честную Кровь Твою, а нами всем Твоим людям» [Там же, с. 385–386];

КС-14: ‘государство’ (1 словоупотребление: 1 – *держава*), ср.: «*Держава* всякая сильна, Когда устроены в ней мудро части: Оружием — врагам она грозна, А паруса — гражданские в ней власти» [Там же, с. 180];

КС-15: ‘обращаться с кем-л., относиться к кому-л. определенным образом’ (1 словоупотребление: 1 – *держать*), ср.: «потребовать на выдержку два-три решенные дела, проверить их у себя на дому, вместе с секретарем своим, и таким образом *держать* в страхе их всех» [Там же, с. 143];

КС-16: ‘находиться под сильным влиянием чего-л., быть зависимым’ (1 словоупотребление: 1 – *одержим*), ср.: «Все это тяжело, знаю. Твои страданья телесные тяжелы не меньше: твои нервические недуги, твоя тоска и эти страшные припадки агонии, которою ты *одержим* теперь, — все это тяжело...» [Там же, с. 154];

КС-17: ‘противостоять’ (1 словоупотребление: 1 – *удержаться*), ср.: «но как помыслю об этих обителях, как помыслю о том, что должны быть у Бога обители, не могу *удержаться* от слез...» [Там же, с. 153–154];

КС-18: ‘состояние’ (1 словоупотребление: 1 – *содержанье*), ср.: «Его язык, еще более окрепнувший, ему же послужил в улику: он был на тощих мыслях в бедном *содержании*...» [Там же, с. 176];

КС-19: 'Бог Отец' (1 словоупотребление: 1 – *Вседержитель*), ср.: «Верую во Единого Бога Отца *Вседержителя*, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым» [Там же, с. 376].

Признаки 3, 8–9, 13, 19 соотносятся преимущественно с сакральным и сакрализованным представлением о явлении «держания», воздержания как одной из главных составляющих нравственно-аскетической жизни христианина.

Признак 3 транслирует представление о необходимости сосредоточенного внимания человека на самого себя (на свои поступки, свой язык, свои мысли) в духовно-нравственном смысле. Человеку должно контролировать себя в произволе желаний, в потакании нравственной заразе, в отступлении от нравственного закона, – то есть от всего того, что мешает становлению добродетельного человека в полном развитии его сил.

Воздержание как добродетель управляющих своими страстными влечениями, умеряющих и ограничивающих чувства, проявляется, в том числе, в воздержании языка. Язык, самый опасный из всех земных членов, труднее всего удерживать; он орудие дьявольского обольщения и нашей духовной гибели. Необузданный язык является признаком человека, чуждого добродетели, поскольку исходящее из уст исходит из сердца и оскверняет человека; воздержное безмолвие способствует усвоению Слова Божия (Лк. 10, 39, 42).

Признак 8 отражает отчасти и содействие человеку со стороны мирян, и, с другой стороны, покровительство Бога и соотносится с векторами «Я и другие», «Я и Бог».

Признак 9 связан с победой над смертью, над языческими законами, для чего призыванием каждого является стремление примером своей жизни все направлять к добру, «подобно Самому Богу» [Там же, с. 67].

Признак 19 указывает на представление о Боге как о Том, Кто «держит все в мире Своей силой и волей и всем управляет [Толковый молитвослов,

2015, с. 73] и соотносится с вектором «Я и Бог»: «Но всё через Слово начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть (Ин. 1, 3); Христом – все, и мы Им (1 Кор. 8, 6), ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – всё Им и для Него создано; и Он есть прежде всего и все Им стоит (Кол. 1, 16–17)» [Флоренский, 2018, с. 313].

Остальные коммуникативные смыслы (Признаки 1, 2, 4–7, 10–12, 14–18) передают не входящие в область церковно-религиозного понимания секулярное значение «держания вещей в себе», «держания предметов кем-либо или чем-либо», не связанные с необходимостью ограничения человеком себя в мыслях, действиях, удовольствиях, т.е. с состоянием бодрствования, духовного трезвения.

Секулярные признаки наиболее частотны. Их количество в гоголевских текстах значительно превышает количество значений, представленных в современных толковых словарях.

Сакральные и сакрализованные коммуникативные смыслы, соотносящиеся с векторами «Я сам», «Я и другие», «Я и Бог», тесно связаны: держать, хранить себя от всяческих излишеств возможно лишь при помощи Бога Отца Вседержителя, содействие и заступление Которого совершается через посредство ближнего.

3.1.3. Поле «Блуд / целомудрие»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *блуд-* (*блужд-*) / основа *целомудр-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 5 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным компонентом *блуд-* (*блужд-*), одно – с *целомудр-*, в

«Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено одно словоупотребление с *блуд-* и не обнаружено лексем с основой *целомудр-*. Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *целомудренный* и *заблуждение*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придекрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *заблуждение* (3);

2) атрибутивные признаки лиц: *зablудший* (2), *блудный* (1); *целомудренный* (1).

Найденные 7 словоупотреблений представлены в 7 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем одно словоупотребление на один фрагмент.

Блуд (Г2.5.)

Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *блуд-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘заблуждение, ошибка, ложное мнение’ (3 словоупотребления: 3 – *заблуждение*), ср.: «одна моя поспешность и торопливость были причиной тому, что сочинения мои предстали в таком несовершенном виде и почти всех привели в *заблуждение* насчет их настоящего смысла» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 8];

КС-2: ‘потерявший дорогу, сбившийся с пути’ (одно словоупотребление: 1 - *зablудший*), ср.: «только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие,

давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести *заблудшие стада свои*» [Там же, с. 28];

КС-3: 'отступление от Господа' (два словоупотребления: 1 – *заблудший*; 1 – *блудный*), ср.: «Грешен, Господи, и недостойн просить у Тебя прощения, но Ты, как Человеколюбец, так же ни за что, как *блудного сына*, меня помилуй...» [Там же, с. 385].

Признак 1 соотносится с секулярным мировоззрением: причины ошибочного мнения о сочинениях, сложившегося у защитников и противников писателя, Гоголь видит в своей поспешности, торопливости и неразумии, неумении ясно выразиться, а следовательно, признает и собственное *заблуждение*.

Признаки 2, 3 соотносятся с церковно-религиозным представлением о *блуде* как уклонении человека от Божия Промысла о нем.

Признак 2 связан с идеей потери пути, смятения. И с тем, и с другим сталкиваются читатели, сами писатели, современники Гоголя. Обращение к библейскому образу «заблудшего стада» позволяет автору «Выбранных мест из переписки с друзьями» говорить об особой роли таких произведений, которые отличаются и нравственным смыслом, и живым духовным содержанием, и поэтическими достоинствами, и ведением и знанием дела, и бесхитростной простотой изображения, и полнотой и чистотой русской речи. «Заблудшие овцы» – это, по словам Гоголя, «мы, со всеми нашими огромными средствами и орудиями к совершенствованию, с опытами всех веков, с гибкой, переимчивой нашей природой, с религией, которая именно дана нам на то, чтобы сделать из нас святых и небесных людей, — со всеми этими орудиями», которые «умели дойти до какого-то неряшества и неустройства как внешнего, так и внутреннего, умели сделаться лоскутными, мелкими, от головы до самого платья нашего, и, ко всему еще в прибавку, опротивели до того друг другу, что не уважает никто никого, даже не выключая и тех, которые толкуют об уважении ко всем» [Там же, с. 34].

Признак 3 отсылает к церковному преданию: в тексте содержится указание на притчу о *блудном* сыне (Лк. 15. 11–32), человеке, который утратил смысл жизни, отпав от Бога, но желает вновь, через исповедь и причастие, удостоиться Царствия Небесного.

Другой пример блуда, понимаемого в религиозно-метафорическом смысле, – в обращении к евангельскому повествованию о Марфе и Марии. Прием сравнения Западной Церкви с Марфой, Восточной – с Марией Гоголь заимствует у И. Яхонтова и П. Чаадаева [Там же, с. 588]. *Заблудшей*, по мысли Гоголя, явилась не Восточная, до определенной поры стоявшая «неподвижно и как бы вдали от людей», на время как бы умершая для мира, а Западная, недалёковидная, неполная, недостаточная для примирения со Христом [Там же, с. 73–74].

Владимир Соловьев, стремившийся к восстановлению христианского единства, усматривал причину разрыва Востока и Запада в односторонности обеих Церквей и наконец в недостаточности у них любви: «Христианская Церковь в историческом смысле представляет собой примирение двух образовательных начал: восточного, состоящего в пассивной преданности божеству, и западного, утверждающего самостоятельность человека. Для Церкви нужно одинаково и то и другое, нужно, чтобы человечество добровольно и следовательно самостоятельно исполняло признанную им над собою волю Божию... Человеческое действие в Церкви может оказаться или слишком слабым, подвергая церковную жизнь косности и застою, или же оно может проявиться в области Церкви с излишнею силою и исказить дело Божие примесью человеческих страстей и интересов. И на христианской почве человечеству грозят с двух сторон: неподвижность Востока и суетность Запада» [Соловьев, 1994, с. 47].

Целомудрие (Д2.5.)

Применительно к духовной прозе Гоголя отметим, что, по прп. Петру Дамаскину, целомудрие укрощает всякие страсти и всякие помыслы, направляя «стремления души и тела к Богу» [Дамаскин], но только Бог приводит человека в цельность, исцеляет, ср.: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5); «Разве не знаете, что Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит (растлит) храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а сей храм вы» (1 Кор. 3:16,17); «Вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них. Имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню во страхе Божиим» (2 Кор. 6:10–7:1).

Наши духовные ценности связываются именно с Церковью, цену Которой, по мысли писателя, мы еще не познали в полной мере. Основываясь на христианском прочтении *целомудрия*, которое соотносится с третьей группой «Я и Бог», Гоголь развивает ее до отношения «Мы и Бог», где каждый из членов Церкви призван, с одной стороны, следовать по пути бесстрастия по примеру святых; с другой стороны, служить примером для тех, кто еще пребывает на неверном пути.

Деятельная роль Церкви проявляется не только внутри Нее, но и за Ее пределами, что находит подтверждение в миссионерстве и защите Русской Церкви от порочащих и искажающих суть Ее учений толков. Гоголь развивает последнее до отношения «Мы и они» (западные католики, Европа). В свое время известный русский социолог Н.Я. Данилевский писал, что мы «возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексевны, верховной решительницы достоинства наших поступков», и назвал ориентированность во всем на иностранный лад, от устройства народного быта до рассматривания внутренних и внешних отношений России в европейские очки, болезнью «европейничанья», которая может иметь как

доброкачественный, так и злокачественный характер [Данилевский, 1995, с. 248, 226].

Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с основой *целомудр-*:

КС-1: ‘чистый, непорочный’, ‘неповрежденный, без изъятий’ (одно словоупотребление: 1 – *целомудренный*); проявление такого целомудрия – неизменность и независимость от обстоятельств, ср.: «Эта Церковь, которая, как *целомудренная* Дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей...» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 35–36].

Признак 1 отражает церковно-религиозное представление о целомудрии. Восточная Церковь сравнивается в своем целомудрии с Матерью Божией. Мать Божья служит образцом непорочности, чистоты и света: «Пусть Мать Божия, — пишет свт. Николай Сербский, — научит ваших сыновей и дочерей Своему Божественному целомудрию, чтобы тела и души их были не запачканы грехом, но чисты и светлы, дабы был с ними Дух Святой, наставляющий их и обогащающий только тем, что есть Божественного, что от Бога» [Сербский, 2011, с. 43–44]. Церковь наша, по глубокому убеждению писателя, это мы сами, наши помыслы и дела; о ней судят по той дороге, по которой мы идем. Потому столь важно ввести Церковь в нашу жизнь, осознать всякому человеку, какое «сокровище» сокрыто от наших глаз.

3.1.4. Поле «Сребролюбие / нестяжание»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *серебр-* (*сребр-*) / *стяж-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с

друзьями» обнаружено 2 словоупотребления лексем с корневым дескрипторным компонентом *серебр-* (*сребр-*), не обнаружено – с *стяж-*, в «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено одно словоупотребление с *серебр-* и одно – со *стяж-*. Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *серебро* и *стяжание*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придескрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *серебро* (2); *стяжание* (1);

2) «лицо»: *бессребренник* (1).

Найденные 4 словоупотребления представлены в 4 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем одно словоупотребление на один фрагмент.

Сребролюбие (ГЗ.5.)

Применительно к духовной прозе Гоголя, существенно отметить, что богатство само по себе не является грехом. Греховным считается впадение в искушение и уклонение от веры. Эта мысль, в частности, развивается в толкованиях свт. Василия на Исаию и в Правилах Святого VI Собора, из которых Гоголь делал выписки: «Закон дал Бог в помощь, да рекут: нет слова, как сие, за которое не можно дати даров <...>. Един дар достойный: соблюдение дарованного. Давший тебе сокровище требует не цены за данное, но достойного хранения данного <...>. Яко не истленным златом или серебром искуплены мы от суетного, отцами преданного, жития, но Честною Кровию, яко агнца непорочна и пречиста Христа (1 Пет. 1, 18,19)» [Гоголь, 2009, т. 9, с. 24–25].

Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *серебр-* (*сребр-*), процитируем актуализующие эти смыслы

фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘имущество, земные блага’, ср.: «Наложи дверь и замки на уста твои, — говорит Иисус Сирах, — растопи золото и *серебро*, какое имеешь, дабы сделать из них весы, которые взвешивали бы твое слово...» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 22].

Признак 1 (3 словоупотребления: 2 – *серебро*; 1 – *бессребренник*) соотносится с сакрально-религиозным представлением о необходимости отказаться от мнимых, временных благ, задуматься о вечном; в данном примере цитируется Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова (гл. 28, ст. 28–29) [Там же, с. 560]. Богатством награждается человек, отличающийся трудолюбием, ответственностью, заботой о ближнем; золото и серебро не должны быть самоцелью («когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» (Пс. 61:11)), они даются, когда на первом месте Христос: «О главном только позаботься, прочее все приползет само собою. Христос недаром сказал: “Сия вся всем приложится”. В крестьянском быту эта истина еще видней, чем в нашем; у них богатый хозяин и хороший человек — синонимы. И в которую деревню заглянула только христианская жизнь, там мужики лопатами гребут *серебро*» [Там же, с. 111, 594–595].

Представление о предельном бесстрастии, к которому может восходить духом истинный христианин, выражается единичным случаем употребления лексемы *бессребренник* (контекст: изъятие из просфоры седьмой частицы во имя чудотворцев и бессребренников во время Литургии). Речь идет о бессребренничестве, или полной нестяжательности, нищенстве как блаженстве, пути, перед которым, по мысли Гоголя, беспомощна европейская цивилизация, но по которому должно следовать русскому монарху как духовному пастырю своего народа [Там же, с. 444].

Нестяжание (ДЗ.5.)

Гоголь тяготел к монашескому образу жизни, был иноком в миру. По словам В.А. Воропаева, «не давая монашеских обетов целомудрия, нестяжания и послушания, он воплощал их в своем образе жизни. "Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет. Но кого Бог удостоил отвесть его сладость и кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира"» [Воропаев]. Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с корневой морфемой *стяж-*:

КС-1: 'приобретение' (1 словоупотребление: 1 – *стяжание*), ср.: «...подобно как Авраам, который, когда восходил на горы принести жертву, оставив внизу и жену, и раба, и осла своего, взявши с собой только дрова горького исповеданья прегрешений своих и сжегши их огнем раскаянья душевного, огнем и мечом духа и заколовши в себе всякое желанье земных *стяжаний* и блага земного» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 380].

Признак 1 отображает церковно-религиозное представление о *стяжании* как о приобретении земных благ. Под нестяжанием подразумевается презрение к дольному, возделывание покаяния и духа сокрушенного и через это – укрепление веры в Промысл Божий, стяжание любви к Богу.

3.1.5. Поле «Гнев / кротость»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *гнев-* / *крот-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 18 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным

компонентом *гнев-*, 2 – с *крот-*, в «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено 3 словоупотребления с *гнев-* и 6 – с *крот-*. Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *гнев* и *кроткий* / *кротость*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придекрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *гнев* (17), *безгневие* (1); *кротость* (3);

2) «лицо»: *кроткий* (1);

3) атрибутивные признаки лиц: *гневный* (2); *кроткий* (3);

4) признаки действий, состояний: *гневно* (1); *кротче* (1).

Найденные 29 словоупотреблений представлены в 25 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем 1,2 словоупотребления на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной проблематики, связанной с понятиями «гнев / кротость». Те достаточно обширные фрагменты, которые являются наиболее репрезентативными (максимально насыщенными лексемами с однотипной морфосемантикой), не поддаются целесообразному делению на более простые, структурно соотносящиеся, например, со словосочетанием или простым предложением.

Наиболее репрезентативные фрагменты содержат рассуждения о гневе / кротости, их проявлениях и их свойствах, – как о явлениях, состоящих в непосредственной связи друг с другом; в обширных фрагментах наблюдаются различные феномены лексико-семантической внутритекстовой связи, а именно: формы одного слова (*гневом, гнева*), наблюдаются буквальные лексические повторы (*гнев, гнев, Гнева, Гнева*), текстуальное

«нанизывание» однокоренных слов с разными словообразовательными элементами (*кроткие, кротость*).

Гнев (Г4.5.)

Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *гнев-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘недовольство, возмущение, запальчивость, горячка’, ‘выражающий гнев’, ср.: «может быть, там [в душе – А. Н.] обитает растрепанный, неопрятный *гнев*, способный всякую минуту овладеть вашей душой, на радость врагу Христа...» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 132];

КС-2: ‘гнев небесный’, ср.: «если рановременно похищаются люди всем нужные, то это знак *гнева* небесного» [Там же, с. 10–11];

КС-3: ‘безгневие’, ср.: «Это строгое почитание обычаев, это благоговейное уважение власти и начальников, несмотря на ограниченные пределы самой власти, эта девственная стыдливость юношей, эта благость и благодушное *безгневие* старцев...» [Там же, с. 30].

КС-1 – гнев как греховное чувство, состояние, вызванное необдуманной, исходящей из гордыни, зависти, сребролюбия и др. страстей реакцией на внешний источник (контексты: гнев на писателя и его произведение, на беспорядки, на грехи, на врагов и т.п.) представлен наиболее широко (15 словоупотреблений: 12 – *гнев*; 2 – *гневный*; 1 – *гневно*). В гоголевском тексте интерпретация гнева соотносится с сакрально-религиозным мировоззрением, гнев прочитывается как явление всюду встречающееся, но везде неуместное, несправедливое, поскольку оно «затемняет и мутит» любое дело. Писатель напоминает о необходимости каждому заглянуть в собственную душу и обнаружить там «растрепанный, неопрятный гнев», который овладевает душой на радость врагу Христа, тогда

как «душа негневливая делается храмом Святого Духа [Синайский, 2017, с. 37].

Средствами борьбы с гневом, по Гоголю, являются хладнокровие, инициирование откровенного разговора с «обидчиком», прощение, любовь, молитва об оскорбившем, аккуратное обращение со словом (особенно бережно относится к слову подобает писателю и поэту; приличной должна быть речь людей немолодых, чтобы не искушать молодежь, не подавать ей дурного примера).

В одном из разделов трактата «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии», в статье «О гневе» Гоголь отмечает, что преодолевать гнев легче, если этот грех подозревать в себе. И по мере обнаружения причин, его вызывающих, записывать их в журнал, перечитывать и таким образом истреблять понемногу расположение сердиться; к людям же «нужно быть снисходительну» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 306–308].

Признаки 2, 3 соотносятся с религиозным представлением о гневе и наличествуют всего в четырех контекстах. Признак 2 (5 словоупотреблений: 3 – *гнев*; 2 – *Гнев*) связан с гневом Божьим. Гнев Божий – Его непреложная воля, Его замысел, ср.: «Гнев в ярости Его и живот в воли Его» / «Бог желает всем спастись, дать благо; это есть Его непреложная воля; а ежели когда наказывает, – это производится не Его волею, а извлекается достойными казни грешниками (Вас. Вел.)» [ПЦСС, 1993, с. 125].

В этом смысле, во-первых, следует воспринимать со смирением и крепостью известие о смерти человека (контекст: смерть писателя или «мужа, действительно нужного России в теперешних ее обстоятельствах» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 10–11]). Во-вторых, писатель, раскрывая идею воинствующей Церкви, призывает к духовной брани: «На колени перед Богом, и проси у Него Гнева и Любви! Гнева – противу того,

что губит человека, любви – к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам» [Там же, с. 70]. Слово лирического поэта, в третьих, сродни орудию гнева Божьего, стих поэта обладает упрекающей и подъемлющей силой [Там же, с. 67–68].

Лексема *безгневие* в случае 3 (одно словоупотребление: 1 – *безгневие*) отражает представление об особом явлении в духовной жизни христианина – безгневии. Несмотря на единичный случай употребления лексемы, ее наличие существенно, поскольку встречается в произведениях Гоголя не впервые. Имеется письмо к А.О. Смирновой, опубликованное под названием «О гневе и безгневии», в котором, в том числе, отразились изложенное в Слове 8 учение о безгневии и кротости Иоанна Лествичника и мысли самого Гоголя по этому вопросу. Например, первые два абзаца в указанном трактате содержат материал 2, 4 и 24 глав 8-го слова, где объясняется отличие безгневия как «преодоления естества» от кротости как «неподвижного состояния души» (гл. 2), исследуются стадии восхождения к безгневью (гл. 4), рассматривается природа уныния, от гнева исходящая (гл. 24) [Лествичник, 2013, с. 172–182]. Стяжать безгневие возможно при условии полного бесстрастия («победить в себе все страсти до единой») и разумного взгляда на вещи при помощи Божией («Текущий к бесстрастию и Богу всякий тот день почитает для себя потерянным, в который никто его не злословит») [Гоголь, 2009, т. 6, с. 297–299].

Кротость (Д4.5.)

Применительно к духовной прозе Гоголя отметим, что смыслы *кротости* здесь соотносятся с группой «Я и Бог». Кротость – способ «облечения в Нового человека», одна из тех добродетелей, которую являет примером своей жизни Христос: «Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к Другу и прощая взаимно, если кто на кого

имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (Кол. 3:12–13) [Гоголь, 2009, т. 6, с. 602]. Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с корневой морфемой *крот-*:

КС-1: ‘смирение, незлобие; смиренный, смирный’ (8 словоупотреблений: 4 – *кроткий*; 3 – *кротость*; 1 – *кротче*); ср.: «Из уст старика должно исходить слово благодное, а не шумное и спорное. Дух чистейшего незлобия и *кротости* должен проникать величавые речи старца, так, чтобы молодежь ничего не нашлась сказать ему в возражение...» [Там же, с. 53].

Признак 1 отображает церковно-религиозное представление о *кротости* как о любви, милости к ближнему, об удержании гнева. Образцом кротости для молодежи должны явиться старики, им в особенности нужно быть хладнокровными, негневливыми, с рассуждением подходить к любому делу [Там же, с. 53]. Подавать пример кротости призваны пастыри Церкви, служители Христовы: все в них, от произнесенных речей до церковного облачения, по мысли писателя, свидетельствует о стяжании этой добродетели [Там же, с. 65, 352].

По мысли Гоголя, всякий христианин, присутствующий при Божественной Литургии и прилежно ее слушающий, становится «кротче, милее в обхождении с людьми, дружелюбнее, тише во всех поступках» [Там же, с. 394], ибо кротостью наделены младенцы [Там же, с. 391], ее воплощение есть Сам Христос [Там же, с. 350; о пророчестве Захария: Гоголь, 2009, т. 9, с. 108], выразивший в 3-й заповеди блаженства откровение Закона Божия [Гоголь, 2009, т. 6, с. 361]. Познать Господа, Агнца, возлежащего на дискосе и чаше под видом хлеба и вина, возможно лишь в Таинстве Святого причащения. Божественная литургия, как поясняет в одной из проповедей сщмч. Серафим (Звездинский), это и «завещание Спасителя нашего» и точный снимок с Его земной жизни, «единственное верное

основание, на которое мы должны наматывать нить своей жизни», а «без нее за наши беззакония давно бы попалил нас огонь небесный, давно бы сгнили мы в пропасти наших страстей» [Звездинский, 2016, с. 21, 52–53, 77].

В гоголевском тексте неоднократно подчеркивается значение слова не только в социальной, но и в духовной сфере: через слово, исполненное любознательности и кротости, надлежит заботиться о падших братьях, врачевать их душевно и телесно. Эти мысли, перекликаются с выписками Гоголя из свт. Иоанна Златоуста под названием «О слове», ср.: «И ты, когда увидишь, что кто-либо нуждается в душевном или телесном врачевании, не говори сам себе: почему такой-то и такой-то не излечил его? но сам избавь больного от недуга и не требуй от всех отчета в их небрежении о нем. Ведь если ты заметишь, что лежит золотая монета, то не говоришь, зачем такой-то и такой-то не подняли ее, но спешишь схватить ее прежде всех. Так рассуждай и о падших братьях и заботливость о них считай за находку сокровища. Ибо если ты прольешь на него, как масло, слово учения, если обяжешь его *кротостью*, если уврачуешь терпением, то он обогатит тебя более, нежели какое-либо сокровище» [Гоголь, 2009, т. 9, с. 71–72].

3.1.6. Поле «Печаль / надежда»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *пек-* / *печ-* и *надежд-* / *надеж-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 10 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным компонентом *пек-*, *печ-*, 16 – с *надежд-*, *надеж-*, в «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено одно словоупотребление с *печ-* и одно – с *надеж-*. Статистически доминантные лексемы – *печаль* / *печальный* и *самонадеянность* / *надежда*,

ср. данные о словоупотреблениях объединенных в лексико-грамматические классы слов по убывающей частоте:

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придекрипторные именованя грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *печаль* (4), *опека* (1); *самонадеянность* (6), *надежда* (4);

2) атрибутивные признаки лиц: *печальный* (4), *беспечальный* (1); *надежный* (1);

3) процессуальные признаки лиц: *печалиться* (1); *надеяться* (3), *понадеяться* (3).

Найденные 28 словоупотреблений представлены в 27 текстовых фрагментах, в среднем одно словоупотребление на один фрагмент.

Печаль (Г5.5.)

В материале гоголевских Выписок из святых отцов Церкви (свт. Григория Нисского, свт. Иоанна Златоуста, свт. Афанасия Александрийского, протоиерея Стефана Сабинина, Георгия затворника Задонского) выделим основания для печали, на которые указывает святоотеческое предание: 1) грехи как результат цепи действий (стыд – сокрушение о грехах – исповедание грехов) [Гоголь, 2009, т. 9, с. 100]; 2) чада Божии в Церкви лишь по праздникам, а не каждое воскресенье [Там же, с. 47]; 3) утрата (смерть) [Там же, с. 96-98]; 4) безверие и его последствия [Там же, с. 98]. Источником радости и утешения, по Георгию Затворнику Задонскому, является вера и последование Христу [Там же, с. 133], ибо, как пишет протоиерей Сабинин, «чаще можно видеть печальным благочестивого, который ничего не ищет, кроме Бога, нежели видеть истинно веселым того, кто ищет всего, кроме Бога [Там же, с. 132].

Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *пек-* / *печ-* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и в «Размышлениях о Божественной Литургии», процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘чувство грусти, скорби; состояние душевной горечи’, ‘испытывать горечь’ (пять словоупотреблений: 4 – *печаль*; 1 – *печалиться*), ср.: «Встретятся тебе бесчисленные новые поражения, неожиданные вовсе. На твоём почти беззащитном поприще и незаметной должности все может случиться. Твои нервные припадки и недуги будут также ещё сильнее, тоска будет убийственной и *печали* будут сокрушительней» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 155];

КС-2: ‘вызывающий чувство огорчения, достойный печали, сожаления’ (четыре словоупотребления: 4 – *печальный*), ср.: «Будучи в жизни своей свидетелем многих *печальных* событий от нашей неразумной торопливости во всех делах, даже и в таком, как погребение...» [Там же, с. 9-10];

КС-3: ‘выражающий печаль’ (одно словоупотребление: 1 – *печальный*), ср.: «Вспомните Египетские тьмы, которые с такой силой передал царь Соломон, когда Господь, желая наказать одних, наслал на них неведомые, непонятные страхи. Слепая ночь обняла их вдруг среди бела дня; со всех сторон уставились на них ужасающие образы; дряхлые страшилища с *печальными* лицами стали неотразимо в глазах их...» [Там же, с. 132];

КС-4: ‘попечительство’ (одно словоупотребление: 1 – *опека*), ср.: «Мода подорвала обычаи, уклонение духовенства от прямой жизни во Христе оставило на произвол все частные отношения каждого человека в его частном быту. Законы гражданские взяли то и другое, как оставленных сирот, под свою *опеку* и оттого только стали так сложны» [Там же, с. 149–150].

Признак 4 представлен с помощью однокоренного к слову *печаль*, реализующим значение «попечительство» (в Словаре Даля: «забота, гребта́, пéча, усердные и сердечные хлопоты о чем-л., рвенье на чью-л. пользу, застой, заступничество») – *опека* и соотносится с секулярным мировоззрением. Интересно, что сущ. *опека* встречается в главе XXVIII «Занимающему важное место» в предложении со сравнительной конструкцией (где гражданские законы взяли под опеку стороны, за которые ответственна Церковь; духовенство уже не служит собственным примером людям, уклоняясь от «прямой жизни во Христе»), посредством чего писатель выражает свою тревогу, озабоченность (т.е. печаль) состоянием современной ему России.

Будущее России, ее развитие видится Гоголю в слаженных и разумных действиях людей, занимающих важное место, имеющих руководящие должности, при условии безусловного подчинения им вверенных им людей (добродетель послушания): «Для того, кто не христианин, все стало теперь трудно; для того же, кто внес Христа во все дела и во все действия своей жизни, — все легко»; «в России может этому дать начало всякий генерал-губернатор вверенной его управлению области, и как просто: не чем другим, как только собственной жизнью своей. Патриархальностью жизни своей и простым образом обращенья со всеми он может вывести вон моду с ее пустыми этикетами и укрепить те русские обычаи, которые в самом деле хороши и могут быть применены с пользой к нынешнему быту» [Там же, с. 136, 150–151].

Размышления писателя о роли передовых людей в обществе соотносятся с идеей действительного и социального ранга, без которых, по мнению И.А. Ильина, невозможна никакая общественная организация (семья, школа, церковь, армия, государство): «Ранговое воззрение родится, исторически говоря, из естественного отцовства-материнства, а духовно – из религиозного благоговения. Оно питается внимательным наблюдением

природы, чуткою совестью, чувством справедливости, живую, индивидуализирующей любовью и молитвенным созерцанием совершенства Божия <...>. Итак, люди от природы неравны, и в этом не «беда», а дар Божий. Нам надо только верно узнавать этот дар и верно с ним обходиться <...>. Замечательно, что в России идея ранга исторически держалась главным образом на религиозном основании и на патриотическом чувстве» [Ильин, 2017, с. 119–120, 126].

Признаки 1–3 связаны с секулярным представлением о печали (жизненных бедах и неурядицах, мирской суете, грехах, болезнях и страданиях), однако в тексте частично наличествуют указания на сугубо православные средства борьбы с этим чувством и с тем, что его вызывает: сокрушение по собственным грехам [Гоголь, 2009, т. 6, с. 103–104] и память смертную [Там же, с. 9–10], соборную молитву [Там же, с. 367], духовную брань [Там же, с. 155], трезвение [Там же, с. 10, 131–132], подвижничество [Там же, с. 188], стяжание любви [Там же, с. 89] и т.п.

Применительно к духовной прозе Гоголя важными являются выписки писателя на полях Священного Писания (ко Второму Посланию к Коринфянам святого апостола Павла): «*Печаль* по Бозе в спасенье» [Гоголь, 2009, т. 9, с. 154] и его размышления в «Правилах жития в мире»: «Но достоинство христианина в том, чтобы и в *печали* быть беспечальну духом. Иначе где же и отличие его от язычника» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 303].

Надежда (Д5.5.)

Значимыми представляются некоторые Выписки Гоголя из святых отцов Церкви (свт. Ефрема Сирина, свт. Григория Нисского, свт. Иоанна Златоуста, свт. Прокла, преосв. Гedeона, еп. Рязанского Гавриила, свт. Кирилла, Тертуллиана), где, в частности, отмечается суетность надежды без: 1) веры и любви [Гоголь, 2009, т. 9, с. 45]; 2) Господних Заповедей [Там же, с. 93]; 3) покаяния [Там же, с. 85]; 4) почитания

священника, т.к. его рукоположил Бог [Там же, с. 36]. Обращаясь к братии с размышлениями о воскресении из мертвых, Тертуллиан пишет: «О вы, которые тяготитесь мраком будущего, вы, которые вопреки Божественным уставам желали бы теперь же веру заменить знанием, надежду осуществлением ожидаемого, понимаете ли, сколь губительно было бы для вас самих, если бы Господь исполнил желания ваши? Настоящая жизнь, которую вы как поприще испытания вашей веры, надежды и любви проходить должны, не сделается ли только случаем к малодушию, недовольству, ропоту?» [Там же, с. 124].

Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с корневой морфемой *надежд-* / *надеж-*:

КС-1: ‘упование на Бога, вера Ему / в Него’ (три словоупотребления: 2 – *надежда*; 1 – *надеяться*); неперемное условие благосостояния России, залог спасения не только в будущем веке, но и в настоящем, ср.: «Но ничуть не уменьшается моя *надежда*. Тот, Кто горем, недугами и препятствиями ускорил развитие сил и мыслей моих, без которых я бы и не замыслил своего труда, Кто выработал большую половину его в голове моей, Тот даст силу совершить и остальную — положить на бумагу» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 87–88];

КС-2: ‘рассчитывать, полагаться на что-л.’ (тринадцать словоупотреблений: 6 – *самонадеянность*; 2 – *надежда*; 2 – *надеяться*; 3 – *понадеяться*); объект такой надежды – собственные силы, ум, умения, ср.: «Вы устали — вот и все! Устали оттого, что принялись слишком сгоряча, слишком *понадеялись* на собственные силы, женская прыть вас увлекла...» [Там же, с. 97–98];

КС-3: ‘прочный, крепкий’ (одно словоупотребление: 1 – *надежный*), ср.: «...и выковать *надежную* узду, которая бы держала твои уста» [Там же, с. 22].

Признак 1 отображает церковно-религиозное представление о *надежде* как о чаянии вечной жизни в будущем веке, которое в руках милосердного Бога; об уповании, не уменьшающемся, несмотря на горе и недуги. Размышляя о пророчестве Апокалипсиса, о воскресении, русский философ и богослов С. Булгаков писал, что христианская надежда «хранит нас от нездорового, непосильного пессимизма, от отравления эсхатологическим испугом» [Булгаков, 2017, с. 652].

Признаки 2–3 соотносятся с секулярным мировоззрением, поскольку связаны исключительно с надеждой на преходящие вещи (в частности, надеждой на умение быть полезным людям, на их благодарность, на собственные силы и ум и т.п.), тогда как вечен, жив и бессмертен, всемогущ и премудр один лишь Господь.

Признак 3 передает особо трепетное отношение Гоголя к слову, к которому внимательны и осторожны должны быть обладающие его даром; здесь писатель обращается к Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, практически цитируя ее («Серебро твое и золото твое свяжи, и словесем твоим сотвори вес и меру, и устам твоим сотвори дверь и завору»), где «завору», или засов, называет «надежной уздой» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 560].

В «Правилах жития в мире» Н.В. Гоголь пишет о той надежде, понимание которой соотносится с вектором «Я и Бог»: «Никто да не приходит от того в уныние, если Бог не исполняет тот же час вслед за молитвою нашего желания и если даяние не вдруг снисходит на прошение; но напротив, тогда-то бодрей и веселей духом да молимся и действуем! Тогда-то именно да возрастает сильней наша *надежда*. Ибо Бог, руководясь великим смыслом, дает иному в конце то, что другому в начале. Но блажен и в несколько раз блаженней тот, которому назначено вкусить за долгие и большие труды то, что другому за меньшие: душа его больше будет приготовлена, больше достойна и может более обнять и вместить в себе блаженства, чем душа другого. «Претерпевый до конца спасется», — сказал

Спаситель — и сим уже открыл нам всю тайну жизни, на которую не хотим мы даже взглянуть очами, не только проразуметь» [Там же, с. 303].

3.1.7. Поле «Уныние / трезвение»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *(у)ны-* / *трезв-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 17 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным компонентом *(у)ны-*, 7 – с *трезв-*, в «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено одно словоупотребление с *трезв-*. Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *уныние* и *трезвость*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придескрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *уныние* / *унынье* (10); *трезвость* (5);

2) атрибутивные признаки лиц: *заунывный* (2), *унылый* (1), *унывший* (1); *трезвый* (2);

3) процессуальные признаки лиц: *унывать* (2), *уныть* (1); *трезвиться* (1).

Найденные 25 словоупотребления представлены в 18 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем 1,4 словоупотребления на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной проблематики, связанной с понятиями «трезвение / уныние». Те достаточно обширные фрагменты, которые являются наиболее репрезентативными (максимально насыщенными лексемами с однотипной морфосемантикой), не

поддаются целесообразному делению на более простые, структурно соотносящиеся, например, со словосочетанием или простым предложением.

Наиболее репрезентативные фрагменты содержат рассуждения об унынии / трезвении, их проявлениях и их свойствах, – как о явлениях, состоящих в непосредственной связи друг с другом; в обширных фрагментах наблюдаются различные феномены лексико-семантической внутритекстовой связи, а именно: синтагматически рядопологаются формы одного слова (*унынию, уныния*), наблюдаются буквальные лексические повторы (*заунывных, заунывных*), текстуальное «нанизывание» слов с разными словообразовательными элементами (*унывать, унывал*).

Уныние (Г6.5.)

Понятие уныния в православии сопряжено с верой. Гоголь, в частности, уныние называл «жалкой дочерью безверья в Бога» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 132]. В «Письме Георгия Затворника Задонского», помещенном в гоголевских «Выписках из творений Святых Отцов и Учителей Церкви», автор, размышляя об истоках гееннских мук и слабостей и малодушия нашего, причину этого видит в отсутствии покорности Промыслу Божию, решительной преданности, священному последованию Христу [Гоголь, 2009, т. 9, с. 133–134].

Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *(у)ны-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘удрученное состояние духа, сокрушение’ (12 словоупотреблений: 10 – *уныние*; 2 – *унывать*), ср.: «Попрекни же прежде всего сильным лирическим упреком умных, но *унывших* людей. Проймешь их, если покажешь им дело в настоящем виде, то есть, что человек, предавшийся *унынию*, есть дрянь во всех отношениях, каковы бы ни были

причины *уныния*, потому что *унынье* проклято Богом» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 69];

КС-2: 'впадать в уныние' (2 словоупотребления: 1 – *уныть*; 1 – *унывший*), ср.: «...многие из духовных, как я знаю, *уныли* от множества бесчинств, возникнувших в последнее время...» [Там же, с. 94];

КС-3: 'выражающий отчаяние' (одно словоупотребление: 1 – *унылый*), ср.: «Потому что и я, как ни был сам по себе слаб и ничтожен, всегда ободрял друзей моих, и никто из тех, кто сходил к поближе со мной в последнее время, никто из них, в минуты своей тоски и печали, не видал на мне *унылого* вида, хотя и тяжки бывали мои собственные минуты, и тосковал я не меньше других...» [Там же, с. 10];

КС-4: 'наводящий уныние однообразием, монотонностью' (2 словоупотребления: 2 – *заунывный*), ср.: «Я до сих пор не могу выносить тех *заунывных*, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам» [Там же, с. 78].

Признаки 1-3, которые можно обобщить как «падать духом, приходить в отчаяние, смущение, предаваться безнадежной печали от чего-л.», соотносятся с сакрально-религиозным мировоззрением.

Признак 1 содержит указания на причины уныния, такие как: (1) чужие и собственные грехи; (2) беды, бедствия; (3) беспорядки в России; (4) утрата (смерть) человека. Однако, по мнению писателя, никакая причина не может быть основанием для «бесплодного сокрушения», поскольку свидетельствует об отсутствии веры [Там же, с. 69]. Чтобы противостоять греху опустошения от внутреннего состояния должно всматриваться в свои грехи, принимать их и с внутренней молитвой и бодрением приступать к делу; бороться с грехами; преодолевать страх. Памятование о грехах позволяет вспомнить «невольню о Боге»; смерть является напоминанием о греховности человека.

Признак 4 связан с секулярным представлением об унынии, однако с помощью подобных лексем писателю удается передать размышления о

судьбе России, особом ее назначении. «Заунывные звуки песни» рождают в душе русского человека тоску от мысли, что долг каждого на своем месте всецело не исполнен; побуждают задуматься о «справедливости Божеской, а не человеческой»: «те же пустынные пространства, нанесшие тоску мне на душу, меня восторгнули великим простором своего пространства, широким поприщем для дел» [Там же, с. 80].

Трезвение (Дб.5.)

В «ВМ» и в «РБЛ» Н.В. Гоголь рассуждает о трезвении как об «умном делании». Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с корневой морфемой *трезв-*:

КС-1: ‘трезвость духовная, умное делание’ (3 словоупотребления: 2 – *трезвость*; 1 – *трезвиться*), ср.: «Вновь повторю то же самое: В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций: Именно — что-то близкое к библейскому, — то высшее состояние лиризма, которое чуждо увлечений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной *трезвости*» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 38–39];

КС-2: ‘духовный, промыслительный, пророческий, прозревающий’ и отвл. сущ. к прил. *трезвый* в том же значении (3 словоупотребления: 2 – *трезвость*; 1 – *трезвый*), ср.: «Как же ты хочешь, чтобы лиризм наших поэтов, которые слышали полное определение царя в книгах Ветхого Завета и которые в то же время так близко видели волю Бога на всех событиях в нашем отечестве, — как же ты хочешь, чтобы лиризм наших поэтов не был исполнен библейских отголосков? Повторяю, простой любви не стало бы на то, чтобы облечь такую суровую *трезвостью* их звуки...» [Там же, с. 47–48];

КС-3: ‘сохранение рассудка, пребывание в памяти’ (одно словоупотребление: 1 – *трезвость*), ср.: «Я был тяжело болен; смерть уже была близко. Собравши остаток сил своих и воспользовавшись

первой минутой полной *трезвости* моего ума, я написал духовное завещание...» [Там же, с. 7];

КС-4: ‘рассудительный, здравомыслящий’ (одно словоупотребление: 1 – *трезвый*), ср.: «Расторопный и бойкий купец вдруг вам объяснит, что такое в их городе купечество; порядочный и *трезвый* мещанин даст понятие о мещанстве» [Там же, с. 92].

Признаки 1, 2 отображают церковно-религиозное представление о трезвении / трезвости как о постоянном бодрствовании, наблюдении за собой. Здесь просматривается связь с древним учением исихастов («безмолвников») об «умном делании», которое практиковалось и среди оптинских старцев [Там же, с. 573].

Особую роль в формировании навыка трезвения, по мысли писателя, играют священнослужители и поэты. Именно они неощутимо прозревают необходимость устремления к высоте «того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину» [Там же, с. 156]; их служение и их труды становятся примером и показателем того, как должно жить человеку, желающему спасения. Следуя заветам святоотеческой литературы, согласно которым чтущий священника почитает и Бога, Гоголь призывает уважать любого пастыря [Там же, с. 563–564]. Лиризм церковных песней и канонов, к которому особенно восприимчиво ухо поэта, «пронимает насквозь душу русского человека», возносит дух [Там же, с. 38–39, 195, 615].

Признаки 3, 4 соотносятся с секулярным мировоззрением. Признак 3 («полная трезвость ума» в предсмертном состоянии, в состоянии тяжелой болезни) связан с общей для христианских писателей мыслью о значении болезней и страданий для духовного возрождения (ибо сила духовная в немощах совершается). Объясняясь по поводу причин составления завещания и включения его в текст «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Иному в этой книге, как, например, завещанию, — писал П.А. Вяземский, — не следовало бы войти в состав ее. Что

разрешается мертвому, то может быть превратно перетолковано в живом» [Там же, с. 553]), Гоголь желает не только предотвратить слухи о мнимом своем сумасшествии, но и снять обвинения на свой счет в чрезмерной гордыне.

В письме к своим сестрам и матери писатель напоминает, что «память смертная — это первая вещь, которую человек должен ежеминутно носить в мыслях своих. В Священном Писании сказано, что тот, кто помнит ежеминутно конец свой, никогда не согрешит...» [Там же]. В собраниях святых отцов и учителей Церкви памятование о смерти является средством борьбы с унынием; трезвение часто синонимично страху Божьему. Святитель Тихон Задонский пишет, что страх Господень «есть как страж верный, который всегда бдит и хранит душевный дом от всякого зла; как стена крепкая и высокая, угашающая мещемые стрелы врагии. Страх Божий не попускает прельститься красотами мира сего, не дозволяет свободно уму рассеиваться, языку много говорить, глазам всего смотреть, ушам всего слушать» [Павлык, 2011, с. 83].

Признак 4 указывает на способность рассуждать здраво о ком-либо или о чем-либо. Хотя в приведенном примере для прил. *трезвый* вероятны значения как (1) не пьяный, так и (2) здоровый, однако, во-первых, контекстуально не обнаруживается связи с первым значением; во-вторых, исходя из содержания фрагмента, можно предположить, что употребление слова, реализующего первое значение, делает затруднительным понимание всего предложения (например, пьяный человек тоже может дать определенное представление о себе как о представителе того или иного сословия).

3.1.8. Поле «Тщеславие / смирение»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *слав-* (*тиц-* и *слав-*) / *смир-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 20 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным компонентом *слав-* (в том числе 1 словоупотребление с дескрипторным компонентом *тщеслав-*), 12 – с *смир-*, в «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено 38 словоупотреблений с *слав-* и 12 – с *смир-*. Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *смирение* и *слава*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придескрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *слава* (36), *славословие* (6); *смирение* / *смиренье* (12);

2) «лицо»: *смиранный* (2);

3) атрибутивные признаки лиц: *славный* (3), *православный* (2), *славословящий* (1), *славима* (1), *тщеславный* (1); *смиранный* (3);

4) процессуальные признаки лиц: *славить* / *славити* (4), *прославиться* (4); *смирять* (1), *смиряться* (1);

5) признаки действий, состояний: *смирено* (4), *смирнее* (1).

Найденные 82 словоупотребления представлены в 65 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем 1,3 словоупотребления на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной проблематики, связанной с понятиями «тщеславие / смирение». Те

достаточно обширные фрагменты, которые являются наиболее репрезентативными (максимально насыщенными лексемами с однотипной морфосемантикой), не поддаются целесообразному делению на более простые, структурно соотносящиеся, например, со словосочетанием или простым предложением.

Наиболее репрезентативные фрагменты содержат рассуждения о тщеславии / смирении, их проявлениях и их свойствах, – как о явлениях, состоящих в непосредственной связи друг с другом; в обширных фрагментах наблюдаются различные феномены лексико-семантической внутритекстовой связи, а именно: синтагматически рядопологаются формы одного слова (*смиренье, в смиреньи*), наблюдаются буквальные лексические повторы (*Слава, Слава*), текстуальное «нанизывание» однокоренных слов с разными словообразовательными элементами (*славим, слава; смиренье, смиренных*), текстуальное сопряжение омонимичных словоформ («удостоившуюся, за высокое *смирение* свое, понести в себе Бога» и «чтобы каждый в эту минуту слышал, что высшая добродетель — *смирение*»).

Тщеславие (Г7.5.)

Контекстуальная семантика сущ. *слава* и однокоренным с ним в духовной прозе Гоголя показывает его преимущественную соотнесенность с группой (3) «Я и Бог». Наличие единичного случая употребления прил. *тщеславный* обусловлено наличием слов *слава, прославиться* и подобных, которые в отдельных контекстах имеют значение «тщеславие», «тщеславиться». Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *слав-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘Божья слава’, ‘хвалить Бога’, ‘хвалить Богородицу’
(38 словоупотреблений: 19 – *слава*, 6 – *славословие*, 4 – *Слава*, 3 – *Славный*,

2 – *славить*, 1 – *славити*, 1 – *сславима*, 1 – *славословящий*, 1 – *прославиться*), ср.: «Кажется, ничего бы не желалось больше, как только служить тем избранным, которые уже удостоились созерцать во всем величии Его *славу*. Лежать бы только у ног их и целовать святые их ноги!» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 153];

КС-2: ‘тщетная, земная слава’, ‘стать известным, быть у всех на устах’, ‘хвалить, иметь кумира’ (6 словоупотреблений: 2 – *слава*, 2 – *прославиться*, 1 – *тщеславный*, 1 – *славить*), ср.: «...может быть, там [в душе – А. Н.] поселилась малодушная способность падать на всяком шагу в уныние — жалкая дочь безверья в Бога; может быть, там еще таится *тщеславное* желанье гоняться за тем, что блестит и пользуется известностью светской...» [Там же, с. 132].

КС-3: ‘к счастью (вводное слово, выражающее удовлетворение)’, (5 словоупотреблений: 5 – *слава*), ср.: «В России еще брезжит свет, есть еще пути и дороги к спасенью, и, *слава* Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже» [Там же, с. 131];

КС-4: ‘истинная суть человека’ (3 словоупотребления: 3 – *слава*), ср.: «За сраженье с небольшим горем и мелкими бедами не много получишь *славы*. Не велика *слава* для русского сразиться с миролюбивым немцем, когда знаешь вперед, что он побежит; нет, с черкесом, которого всё дрожит, считая непобедимым, с черкесом схватиться и победить его — вот *слава*, которою можно похвалиться!» [Там же, с. 155];

КС-5: ‘доброе имя, общее признание’ (2 словоупотребления: 1 – *слава*, 1 – *прославиться*), ср.: «Сами тяжущиеся мимо собственных выгод своих перенесут дело в Совестьный суд, как только пронесется слух, что судья судит истинно по совести и уже *прославился* мудростью своего Божеского суда. Кому из нас не хочется примириться?» [Там же, с. 143];

КС-6: ‘православие как правильные мысли о Боге, или прямой путь к Господу’ (2 словоупотребления: 2 – *православный*), ср.: «И принимая в руки

священник четвертую просфору в поминовение всех живых, изъе́млет из нее частицы во имя императора, во имя синода и патриархов, во имя всех живущих повсюду *православных* христиан...» [Там же, с. 355];

КС-7: ‘ради’ (1 словоупотребления: 1 – *слава*), ср.: «на благородное служенье во *славу* чести и добра» [Там же, с. 175];

КС-8: ‘молва’ (1 словоупотребление: 1 – *слава*), ср.: «...что даже и сам народ, о котором идет *слава*, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня, и не успела еще заря осветить земли» [Там же, с. 197].

Признаки 1, 2, 4-6 соотносятся с церковно-религиозным представлением о славе, Признаки 7, 8 – с секулярным, 3 – с сакрализованным.

Признак 1 отражает представление о той славе, которая является целью христианского подвижничества – чтобы Бог славился в человеке. Смиранный человек должен быть благочестив и молчалив, как Богородица, носившая в Себе Воплощенного Бога и отвечавшая: «Се раба Господня: буди мне по глаголу Твоему» (Лк. 1:38) [Святогорец, 2017, т. 5, с. 170]. Тщеславие обращает такую цель в средство для достижения ложной (человеческой) славы.

Признак 4, транслирующий вытекающую из первого идею о предназначении человека, указывает на необходимость жертвовать своей природой ради любви к Богу, стремиться соответствовать образу и подобию Его. Признак 5 показывает сакрализованное представление о признании человеческих заслуг в светской деятельности при памятовании о цели христианского человека. Признак 6 соотносится с учением о православии, по своему внутреннему упованию мыслящем себя христианством в его изначальной полноте и целостности (*órho-δοξία* как адекватное, правильное, «правое исповедание», буквально «правильное славление») [Глубоковский, 1995, с. 385].

Признак 2 отражает положения, соотносящиеся с христианским мировоззрением: попечение о собственной греховности, обретение духа сокрушенного, стяжание таких добродетелей как смирение, трезвение, стыд и др. Стремление к обретению известности среди людей недостойно истинного христианина, отдаляет человека от Бога. Данный контекст имеет прямую отсылку к гоголевским выпискам из творений святых отцов и учителей церкви, в частности, свт. Григория Нисского: «Стыд, с которым объявляем преступления свои, есть начало нашего исправления, есть первое заглаждение *тщеславия*, по которому мы сотворили их <...>. Когда мы внимательно пересматриваем беспорядки жизни нашей, тогда и яснее и познаем их, тогда и чувствуем горестнее их преступность, тяжесть, мерзость» [Гоголь, 200, т. 9, с. 100–101].

Лексема *слава* в случаях 3, 7 входят в состав выражений (вводное выражение *слава Богу*; предлог *во славу*), значения которых основаны на прямых номинативных значениях существительного *слава*. Признак 3 является сакрализованным (написание слова Бог с прописной буквы; контексты, указывающие на связь с христианским представлением о рассматриваемых явлениях).

Признак 8 свидетельствует о славе как о мнении общества о человеке.

Смирение (Д7.5.)

Применительно к духовной прозе Гоголя существенно отметить, что векторы «Я сам», «Я и другие» и «Я и Бог» тесно связаны с именем Христа. По учению еп. Игнатия Брянчанинова, себя одного должно признавать грешником, подобно апостолу Павлу: «Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз» (1 Тим. 1:15). «Ближний есть образ Божий», «поступки наши относительно ближнего Христос принимает так, как бы они совершены были относительно Его» [Брянчанинов, 2018, с. 269, 271].

Своеобразие контекстуальной семантики сущ. *смирение* и однокоренных с ним в духовной прозе Гоголя – в сакрально-религиозных или сакрализованных смыслах. Основываясь на христианском прочтении *смирения*, которое соотносится с выделенной нами третьей группой «Я и Бог», Гоголь последовательно развивает мысль о необходимости внесения Христа «во все дела и во все действия своей жизни». Христианское смирение является, по Гоголю, непременным условием преодоления жизненных трудностей и достижения той степени душевного состояния, когда можно «сделать пользу России». Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с корневой морфемой *смир-*:

КС-1: ‘выражающий смирение, проникнутый смирением; кроткий, тихий’ (9 словоупотреблений: 4 – *смиренно*; 2 – *смирение*; 2 – *смиранный*; 1 – *смирнее*); соотносящийся с греч. *σιμμέτριος*, ср.: «Прошу молитвы как у тех, которые *смиренно* не веруют в силу молитв своих, так и у тех, которые не веруют вовсе в молитву и даже не считают ее нужною...» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 9];

КС-2: ‘сознание своего недостойнства, неправоты, сомнение в себе; допущение, принятие правоты другого человека; доверие Богу’ (8 словоупотреблений: 8 – *смирение*); соотносящийся с греч. *ταπεινσις*, ср.: «Односторонние люди и притом фанатики — язва для общества, беда той земле и государству, где в руках таких людей очутится какая-либо власть. У них нет никакого *смиренья* христианского и сомненья в себе...» [Там же, с. 63–64];

КС-3: ‘униженность, бедность, убожество’ (3 словоупотребления: 2 – *смиренье*; 1 – *смиранный*); соотносящийся с греч. *ταπεινός* и *ταπεινωσις*, ср.: «Водружая копьё в правую сторону печати, произносит слова Исаии: как овечка ведётся на заколение; водрузив копьё потом в левую сторону, произносит: и как непорочный ягненок, безгласный перед стригущими его,

не отверзает уст своих; водружая потом копьё в верхнюю сторону печати: Был осужден за Свое смиренье (в смиреньи Его суд Его взятся)» [Там же, с. 354];

КС-4: ‘человек, наделенный смирением, униженный, кроткий’ (2 словоупотребления: 2 – *смиранный*); соотносящийся с греч. *μέτριος*, ср.: «Священник втайне молится об оглашенных и о тех, которых смиренье души поставило себя в ряды оглашенных. Молитва его в сих словах: Господи Боже наш, живущий на высоких, взирающий на *смиранных*, ниспославший спасенье человеческому роду — Своего Сына, Бога и Господа нашего, Иисуса Христа!» [Там же, с. 369];

КС-5: ‘обуздывать, подавлять, умерять’ (одно словоупотребление: 1 – *смирять*); соотносящийся с греч. *ταπεινός*, ср.: «И ныне с высоты духовной Мне руку простираешь ты И силой кроткой и любовной *Смиряешь* буйные мечты. Твоим огнем душа палима Отвергла прах земных сует, И внемлет арфе серафима В священном ужасе поэт» [Там же, с. 64–65];

КС-6: ‘принимать болезнь, недуг с благодарностью, видя в этом Промысел Божий’ (одно словоупотребление: 1 – *смиряться*); соотносящийся с греч. *ταπεινόμααι*, ср.: «Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоске, что недуг может остановить вдруг тот труд мой, на котором основана вся моя значительность, и та польза, которую так желает принести душа моя, останется в одном бессильном желании, а не в исполнении, и не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты, и буду осужден, как последний из преступников... Слыша все это, *смирюсь* я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить Небесного Промыслителя за мою болезнь» [Там же, с. 19].

Признаки 1, 4 соотносятся со значением греч. *(συμ)μετρί-α/-ος* ‘соразмерность, правильная мера, скромный, кроткий’, признаки 2, 3, 5, 6 – с *ταπειν(ω/ο-σι)ς* ‘униженный, убогий, умаление, укротить’. Признаков, соотносящихся с глаг. *εἰρήνεύω* ‘жить в мире, умиротворять’ не обнаружено;

значение примирения выражается с помощью однокоренных ему лексем с иными компонентами.

Признак 1 характеризует людей (священников, служителей Церкви, их вида), действия (веровать, молиться, становиться) с точки зрения их отношения к стяжанию смирения, по Гоголю, «высшей добродетели», «первого знамени христианина». Признак 2 связан с необходимостью умного наблюдения за всем происходящим вокруг; терпеливого выслушивания чужого мнения, советов; обстоятельного вникания в суть дела, не допускающего поспешности в суждениях о людях. Признак 4 характеризует людей как паству, верных и оглашенных (смиранный – букв. «имеющий благодать»). Признак 3 отсылает к новозаветной параллели о стесненном положении Спасителя, приспособительно к которому был совершен неправедный суд над Ним [Толкование на Ис. 53:8]. Признаки 3, 5 соотносятся непосредственно с тем образом человека, который преподавал Христос; с образом Христа, Которого каждый христианин должен внести в свою земную, суетную жизнь. Признак 6 связан с представлением верующего человека о промыслительной силе посылаемых ему страданий, невзгод, немощи с целью вразумления, умягчения и, в конечном счете, спасения души, ибо прославляется человеческая природа по страданию [Там же]. «Страдания, угрызения совести, страх, лишения и стеснения, вследствие кары земного закона и личных обид, – писал К. Леонтьев, – открывают перед умом их иные перспективы <...>. Без страданий не будет ни веры, ни на вере в Бога основанной любви к людям» [Леонтьев, 2018, с. 16–17].

Названные признаки отображают церковно-религиозное представление о смирении как добродетели самопосрамления, сокрушения о грехах и прославления Бога в своих делах и соотносятся преимущественно с вектром «Я и Бог». Смирение противоположно тщеславию, где все достижения приписываются человеком самому себе, и отсюда пристрастие к человеческой, напрасной, пустой славе. Преосв. Владимир, из творений

которого делал выписки Н.В. Гоголь, писал: «Истинная наша *слава* состоит в том, чтобы не искать никакой *славы*; чтобы не почитать и презирать себя, чтобы не возвышаться, а *смиряться*; чтобы никогда и ни в чем не смотреть на самого себя, как на центр, к которому должно относиться все и к которому должна стекаться вся вселенная; она состоит в том, чтобы потерять себя совсем из виду своего, а зреть неотвратимыми очами на единого токмо Бога» [Гоголь, 2009, т. 9, с. 57].

3.1.9. Поле «Гордость / любовь»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *горд-* / *люб-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 36 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным компонентом *горд-*, 188 – с *люб-* (кроме не учитываемых нами слов типа *любой*, *любезный*, *любоваться*, *любопытный*, *любопытство* и однокоренных им, где налицо опрощение или омонимия), в «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено два словоупотребления с *горд-* и 57 – с *люб-*. Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованья соответствующих грехов / добродетелей – *любовь* / *любить* и *гордость*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придескрипторные именованья грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *гордость* (20), *гордыня* (1); *любовь* (103), *честолюбие* (9), *самолюбие* (7), *человеколюбие* (3), *себялюбие* (1), *чинолюбие* (1), *нелюбовь* (1);

2) «лицо»: *Человеколюбец / человеколюбец* (5); *любитель* (3), *Возлюбленный* (1), *Человеколюбце* (1), *любы* (1), *честолюбец* (1), *любовница* (1);

3) атрибутивные признаки лиц: *гордый / горд* (13), *гордящийся* (1); *любимый / любим* (8), *человеколюбивый* (6), *любящий* (4), *любивший* (3), *любовный* (3), *полюбивший* (1), *наилюбимейший* (1), *браннолюбивый* (1), *науколюбивый* (1), *миролюбивый* (1), *нелюбяй* (1), *дружелюбнее* (1);

4) процессуальные признаки лиц: *гордиться* (1), *возгордиться* (1); *любить* (39), *полюбить* (19), *возлюбить* (8), *влюбиться* (3);

5) признаки действий, состояний: *гордо* (1); *полюбивши* (4), *любовней* (2), *полюбовно* (1), *миролюбиво* (1), *чадолюбно* (1).

Найденные 283 словоупотребления представлены в 113 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем 2,5 словоупотребления на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной проблематики, связанной с понятиями «любовь / гордость». Те достаточно обширные фрагменты, которые являются наиболее репрезентативными (максимально насыщенными лексемами с однотипной морфосемантикой), не поддаются целесообразному делению на более простые, структурно соотносящиеся, например, со словосочетанием или простым предложением.

Наиболее репрезентативные фрагменты содержат рассуждения о гордости / любви, их проявлениях и их свойствах, – как о явлениях, состоящих в непосредственной связи друг с другом; в обширных фрагментах наблюдаются различные феномены лексико-семантической внутритекстовой связи, а именно: синтагматически рядопологаются разнокоренные лексемы с общей архисемой (*гордость, честолюбие, самолюбие*), формы одного слова (*гордости, гордость*), наблюдаются буквальные лексические повторы (*горд, горд*), текстуальное «нанизывание» однокоренных слов с разными словообразовательными элементами (*полюбить, любви, любимо*),

текстуальное сопряжение омонимичных словоформ («носил эту *любовь*» и «откуда взялась эта *любовь*?»), окказиональная омонимизация слов с разным написанием (*Любви, любви*).

Гордость (Г8.5.)

Назовем ключевые коммуникативные смыслы лексем с корневой морфемой *горд-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики:

КС-1: ‘гордость как необоснованно высокая самооценка’, ср.: «Ты *горд*– говорю тебе, и вновь повторяю тебе: ты *горд*; сторожи над собой и спасай себя от *гордости* заранее» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 135];

КС-2: ‘гордость как обоснованно высокая оценка своих достоинств’, ср.: «Не мешает заметить, что это был тот поэт <Пушкин>, который был слишком *горд* и независимостью своих мнений, и своим личным достоинством» [Там же, с. 45];

КС-3: ‘гордость как глубокое удовлетворение достоинствами других’, ср.: «Вот отчего так *гордо* затрепетало его <Пушкина> сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасов холеры...» [Там же, с. 50];

КС-4: ‘гордость – противоположность смирения и любви как главных свойств христианского Бога, вочеловечившегося ради людей’, ср.: «Вопли слышались: явился в мир, Им же мир бысть; среди нас явился в образе человека, как предчувствовали, как предслышали и в темной тьме язычества, но не в том только, в каком представляли Его неочищенные понятия – не в *гордом* блеске и величии...» [Там же, с. 350].

КС-1 – гордость как греховная страсть самолюбования и самовозвеличивания, непосредственно соотносящийся с сакрально-религиозным мировоззрением, представленный наиболее широко (32 словоупотребления: 5 – *гордый*; 5 – *горд*; 19 – *гордость*; 1 –

возгордиться; 1 – *гордящийся*; 1 – *гордыня*), отражает устойчиво сложившееся в святоотеческой традиции представление о гордости / гордыни двух родов: «духовной» («монашеской») и «плотской» («мирской»). В гоголевском тексте такая схема находит воплощение и уточняется: есть гордость «духовная» (чистотой своей и умом) и гордость «ребяческая, *гордость* своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием» [Там же, с. 198–199].

Признаки 2-4 соотносятся исключительно с секулярным представлением о гордости и наличествуют всего в шести контекстах. Признак 2 (два словоупотребления: 1 – *гордый*; 1 – *горд*) связан с идеей служения России, с особой миссией правителя, с любовью к отечеству. Признак 3 (два словоупотребления: 1 – *гордиться*; 1 – *гордо*) обобщает мысли об избранности писателя (контексты: пушкинская и байроновская гордость). Лексема *гордый* в случае 4 (два словоупотребления: 1 – *гордый*; 1 – *гордость*) не несет в своем значении нагрузки, связанной с надмением, превосходством, а характеризует страх, трепет от вызываемых кем-л. или чем-л. величия, величественности.

Любовь (Д8.5.)

Контекстуальная семантика сущ. *любовь* и однокоренных с ним в духовной прозе Гоголя резко отличается, «не вписывается» в секулярные дефиниции толковых словарей. Своеобразие – в сакрально-религиозных или сакрализованных смыслах. Основываясь на христианском прочтении *любви*, которая соотносится с выделенной нами третьей группой «Я и Бог», Гоголь развивает ее до отношения «Мы и Бог», где условное коллективное «мы» предстает как любой гражданин России, *дóлжный*, по Гоголю, руководствоваться во всех своих делах любовью – к ближним, Богу, своему делу, которое в конечном счете ради ближних и ради России. Показываем

конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики лексем с корневой морфемой *люб-*:

КС-1: ‘любовь к ближним’ (83 словоупотребления: 38 – *любовь*; 12 – *любить*; 11 – *полюбить*; 4 – *полюбивши*; 2 – *возлюбить*; 2 – *любовней*; 2 – *человеколюбивый*; 1 – *человеколюб*; 1 – *человеколюбие*; 1 – *любимый*; 1 – *любím*; 1 – *полюбивший*; 1 – *дружелюбнее*; 1 – *любивший*; 1 – *нелюбовь*; 1 – *нелюбая*; 1 – *чадолюбно*; 1 – *полюбовно*; 1 – *миролюбиво*); условие и неперенное проявление такой любви – *служение* ближним, ср.: «Не залучить вам *любви* к себе в душу. Не *полюбить* вам людей по тех пор, пока не послужите им» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 96];

КС-2: ‘любовь к Богу’ (48 словоупотреблений: 23 – *любовь*; 4 – *полюбить*; 4 – *Человеколюбец*; 3 – *любить*; 3 – *любимый*; 3 – *любящий*; 2 – *любовный*; 2 – *человеколюбие*; 1 – *Человеколюбец*; 1 – *возлюбить*; 1 – *Возлюбленный*; 1 – *любы*); условие такой любви – любовь к «братьям» (к ближним), ср.: «Без *любви* к Богу никому не спастись, а *любви* к Богу у вас нет» [Там же, с. 88–89];

КС-3: ‘любовь к (своему) делу’ (42 словоупотребления: 19 – *любить*; 9 – *любовь*; 3 – *любимый*; 3 – *любитель*; 2 – *полюбить*; 2 – *влюбиться*; 1 – *возлюбить*; 1 – *любящий*; 1 – *наилюбимейший*; 1 – *браннолюбивый*); результат такой любви – успешное исполнение дела, ср.: «Умей только заставить актера-художника взяться за это дело, как за свое собственное, родное дело <...> – и он это сделает, он это исполнит, потому что *любит* свое искусство» [Там же, с. 62–63];

КС-4: ‘любовь к земле, отечеству, России’ (39 словоупотреблений: 19 – *любить*; 9 – *любовь*; 4 – *возлюбить*; 4 – *человеколюбивый*; 2 – *полюбить*; 1 – *полюбивши*); условие и неперенное проявление такой любви – делать нужное ей «дело», ср.: «Кто из пустых приличий света портит дело, нужное своей земле, тот ее не *любит*. Я почувствовал презренную слабость моего

характера, мое подлое малодушие, бессилие *любви* моей, а потому и услышал болезненный упрек себе во всем, что ни есть в России» [Там же, с. 80];

КС-5: ‘любовь Государя к «народам»’, в которой проявляется его «образ Божий» (три словоупотребления: 3 – *любовь*), ср.: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна *любовь*, и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша» [Там же, с. 45];

КС-6: ‘любовь как основание Божественной Литургии’, неперенное условие сохранения целостности «общества» (восемь словоупотреблений: 8 – *любовь*), ср.: «И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной *любви* к брату. А потому кто хочет укрепиться в *любви*, должен, сколько можно чаще, присутствовать, со страхом, верою и *любовию*, при Священной Трапезе *Любви*» [Там же, с. 394–395].

Как явствует из приведенных фрагментов, частные контекстуальные смыслы находятся в тесной внутритекстовой взаимосвязи, в совокупности отображают целостное представление Гоголя о благополучии граждан и всей страны как основывающемся на христианском принципе *любви*, ср.: ‘любовь к Богу’ (КС-2) своим условием имеет ‘любовь к ближним’ (КС-1), ‘любовь к земле, отечеству, России’ (КС-4), на которую повествователя поднимает, по его признанию, «высшая сила», своим условием и неперенным проявлением имеет ‘любовь к (своему) делу’ (КС-3), ‘любовь Государя к «народам»’ (КС-5) – следствие того, что «Государь есть образ Божий», земное воплощение Божественной *любви*, которая, в свою очередь, по итожащему контекстуальному смыслу, явлена в «Божественной Литургии» (КС-6).

Взаимосвязь частных смыслов обусловлена единым их центральным представлением о духовной, братской близости людей в Боге (в христианской *любви*) как основе всего земного устройства, что хорошо соотносится с тем универсальным определением любви, которое было найдено впоследствии классиком русской религиозной философии В.С. Соловьевым: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни» [Соловьев, 1990, с. 511].

По-своему органично – акцентирующим гармонию диссонансом вписывается в этот ряд КС-7 (два словоупотребления: 1 – *любовный*; 1 – *любовница*): ‘любовь как чувство, основанное на половом влечении’, – такое чувство, которое само по себе, вне одухотворенности, бессмысленно, ср.: «Безрадостные встречи, беспечальные расставанья, странные, бессмысленные *любвные* узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые...» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 188]. Добавим: в «Правиле жития в мире» Гоголь разъясняет, как любовь к ближним соотносится с представлением о любви в сакральном ее смысле: «Равным образом и на всякую земную *любовь* нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать, как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной *любви* Божией. Это только одни искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная *любовь* Божия, которую ничто не вместит, как ничто не может вместить Самого Бога» [Там же, с. 304].

КС-8: ‘необоснованно высокая оценка собственных качеств, свойств’, то есть ‘гордыня’, ‘тщеславие’ (двадцать словоупотреблений: 9 – *честолюбие*, 7 – *самолюбие*, 1 – *себялюбие*, 1 – *чинолюбье*, 1 – *честолюбец*, 1 – *влюбиться*), ср.: «Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих

предков, человечество нынешнего века *влюбилось* в чистоту и красоту свою» [Там же, с. 199].

Признаки 1, 2, 4, 5 находятся в тесной связи друг с другом: без любви к России, по мысли писателя, нет любви к Богу и к братьям; без любви к ближнему нет любви к Богу [Там же, с. 8–89, 97, 100, 107]; а любовь к ближним стяжается благодаря милости Государя (известно, что пристрастное отношение к царю в светском смысле связано было с материальной поддержкой; непристрастное, основанное на идее богоизбранности предполагает «полномощность» власти, монарха [Там же, с. 121, 42]).

Признак 8, не соотносящийся с вектором «Я и Бог», основывается на группах толкований «Я сам» (как *гордость / гордыня*), «Я и другие» (как *тщеславие*) и рассматривается как нарушение связи творения с Творцом, при этом трактуется в гоголевском тексте крайне отрицательно.

3.2. Особенности языковой личности Н.В. Гоголя

Под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 2008, с. 207]. Соответственно и структура языковой личности предполагает наличие трех уровней – вербально-семантического, когнитивного, прагматического. Иными словами, «за каждым текстом стоит языковая личность» [Там же, с. 210].

При анализе семантики слов в художественных текстах целесообразно говорить «не о значении, а о смысле», т.е. его связи между словом в ассоциативно-вербальной сети и «образом тезауруса» [Гладилина, 2003, с. 11].

Обнаруженные в ходе анализа узуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем в составе поля «Грехи / добродетели» в текстах духовной прозы писателя, в частности, смыслы сакральные и сакрализованные, позволяют выявить особенности языковой личности позднего Гоголя, его мировоззрения, его взглядов на место христианской составляющей в социальной и духовной жизни России, на пути ее развития.

Реализованные в рассматриваемых текстах Гоголя формулы отношений человека с самим собой, с другими, с Богом свидетельство того, что писатель идет индуктивным путем, от частного к общему: «Блажен, - пишет Гоголь, - кто начал свои подвиги прямо к любви к Богу. Он быстрее всех других полетит по пути своему и легко победит все то, что другому кажется непреодолимым и невозможным» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 303-304]. «Начало, корень и утверждение всему есть любовь к Богу. Но у нас это начало в конце, и мы все, что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога... Прямо от Божьей любви должна происходить всякая другая любовь на земле» [Там же, с. 300].

Лексемы с корневой морфемой -люб-, наряду с лексемами с корневыми морфемами -грех-, -горд-, -держ-, -слав-, -год-, -гнев-, в «ВМ» и в «РБЛ» наиболее частотны. Можно предположить в этой связи, что явления, обозначаемые этими лексемами, являются ключевыми в духовной прозе писателя. Эта любовь к Богу, по мнению Гоголя, начинается с обращения человека к самому себе, к вопросу о том, как всякий из нас может быть полезным людям, своей стране. Для этого каждый должен исполнить долг на своем месте, ибо каждому Бог дал это «орудие» – талант, которым надо послужить людям во имя Господне. Этим самым мы исполним Христову заповедь, прочитываемую в притче о талантах (1 Пет. 4:10–11).

Гоголю как писателю собственная роль, призвание в этом смысле видится во владении словом, а через это в исправлении, назидании и духовном очищении людей: «на то и призвание поэта, чтобы из нас же взять

нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде» [Гоголь, 2009, т. 6, с. 171]. Миссия поэта непосредственно связана с актуализацией образов Бога, «верховного источника лиризма» [Там же, с. 39]; царя, высшее значение которого «быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь» [Там же, с. 46], ибо «нет власти, которая бы не была от Бога» [Там же, с. 110]; России, которая «сильнее слышит Божью руку на всем» [Там же, с. 191–192].

Роль Гоголя как любого христианина – очиститься самому от «мерзостей» греха, чего невозможно сделать без молитвы к Богу о том: 1) чтобы Он открыл Себя человеку [Там же, с. 19, 29]; 2) чтобы помог человеку открыть в себе грехи и дал силы на борьбу с ними [Там же, с. 70, 82, 85, 86], любовь [Там же, с. 88], ум [Там же, с. 99] и крепость [Там же, с. 125]. Обязанность христианина, по Гоголю, жизнью своей показывать Церковь, а не размахивать руками, рыдать и говорить [Там же, с. 36].

Велико в избавлении от греха значение болезней: Бог посылает испытания и горе, которые мы должны пережить и за которые благодарить [Там же, с. 12, 19] и видеть волю Божию, потому что «сила Моя в немощи совершается» (2 Кор. 12:9). Болезнь является не только следствием «уклонения человека ко греху», но и причиной Промысла Божия, который до конца человеческим умом не постижим [Андрианов, 2020, с. 11–14].

Но ответ перед Богом [Гоголь, 2009, т. 6, с. 110–111], по убеждению писателя, мы будем держать не только за себя, но и за других: «Стань прежде сам почище душею, а потом уже старайся, чтобы другие были чище» [Там же, с. 72]. В этом – апостольская и миссионерская роль христианина: «Страданиями и горем определено нам добывать крупички мудрости, не приобретаемой в книгах. Но кто уже приобрел одну из этих крупичек, тот уже не имеет права скрывать ее от других. Она не твое, но Божье достояние...» [Там же, с. 71]; «ибо грех его (ближнего и брата – А.Н.) лежит и на нас. Мы должны были его поучить и наставить, образовать, воспитать...

Чтобы воспитать другого, мы должны воспитать прежде себя» [Там же, с. 300].

От частного к общему, от вектора «Я сам» через вектор «Я и другие» к вектору «Я и Бог», по мысли Гоголя, должна быть «основана и жизнь: учиться самому и научать других, и самому вознестись и другого вознести к Богу» [Там же, с. 301].

Основные результаты глав 2 и 3 опубликованы в следующих работах:

1. Некрасова А.В. Смирение в произведениях Н.В. Гоголя / А.В. Некрасова // Вестник Тверского государственного университета. Тверь: Твер. гос. ун-т. – 2016. – № 1. Серия: Филология. – С. 314–319.

2. Некрасова А.В. Лексемы тщеславие и смирение в духовной прозе Н.В. Гоголя: узуальные и контекстуальные значения и смыслы // Успехи гуманитарных наук. – 2020. – № 8. – С. 220–224.

3. Некрасова А.В. Лексико-семантические поля «Блуд» и «Целомудрие» в духовной прозе Н.В. Гоголя: значения и смыслы ключевых лексем / А.В. Некрасова // Вестник Тверского государственного университета. Тверь: Твер. гос. ун-т. – 2021. – № 1 (68). Серия: Филология. – С. 134–143.

4. Некрасова А.В. Грехи и добродетели в произведениях Н.В. Гоголя / А.В. Некрасова // Русская словесность и вопросы нравственного воспитания студентов: матер. докладов и сообщений XVII междунар. науч. метод. конф. – СПб.: ФГБОУВПО СПГУТД, 2012. – С. 131–134.

5. Некрасова А.В. «Грех» и «добродетель» в учениях Отцов церкви и в художественном мире Н.В. Гоголя (лексико-семантический аспект) / А.В. Некрасова // Стратегии исследования языковых единиц: Сб. статей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 54–57.

6. Некрасова А.В. Определения грехов и добродетелей в толковых словарях В.А. Воронцова и В.И. Даля: современное видение реалий / А.В. Некрасова // В.И. Даль в мировой культуре: сб. науч. работ. – Часть

четвёртая. – Д–15 Луганск-Москва: изд-во ВНУ им. В. Даля, 2014. – С. 148–159.

7. Некрасова А.В. О грехе и добродетели в произведениях Н.В. Гоголя и в русском языковом и православном сознании / А.В. Некрасова // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.В. Аниськиной. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С. 157–160.

8. Некрасова А.В. О грехах и добродетелях в учениях Отцов Церкви и в духовной прозе Н.В. Гоголя / А.В. Некрасова // Человек в информационном пространстве. Сб. науч. тр. Ярославль, 2016. – С. 265–269.

9. Некрасова А.В., Аксенова А.Т. Семантико-стилистическое своеобразие лексем с дескрипторными компонентами грех-/ греш- и добродетел'- в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя / А.В. Некрасова, А.Т. Аксенова // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности: матер. докл. и сообщ. XXIV междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019. – С. 54–58.

10. Некрасова А.В. Лексемы *грех* и *добродетель* в духовной прозе Н.В. Гоголя: узуальные и контекстуальные значения и смыслы / А.В. Некрасова // Тенденции развития современной отечественной филологии: матер. научно-практ. конф. к 65-летию проф. В.В. Волкова / Сост. И.В. Гладилина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – 203 с. – С. 155–163.

11. Некрасова А.В. Лексемы *уныние* и *трезвение* в духовной прозе Н.В. Гоголя: узуальные и контекстуальные значения и смыслы / А.В. Некрасова // Science XXI century-2020: Proceedigs of articles the V International scientific conference. Czech Republic, Carlovy Vary – Russia, Moscow, 2020, June, 28-29 [Electronic resource]. – 227 с. – С. 114–124.

Выводы

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы.

Найденные 633 словоупотребления представлены в 411 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем 1,5 словоупотребления на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной проблематики, связанной с исследуемыми понятиями.

Данные о структуре и составе поля, содержащие преимущественное количество прямых дескрипторных и приdeskрипторных именовании (341 лексическая единица), процессуальных (137 лексических единиц), и атрибутивных признаков (99 лексических единиц), показывают значимость в гоголевской концепции исследуемых явлений, представленных в форме констатации (в связи с необходимостью называть / говорить о грехах и добродетелях), действия (поступков как деятельного проявления грехов и добродетелей), описания (характеристики человека как носителя грехов и добродетелей, характеристика такого поведения).

Высокий процент религиозной составляющей в выявленных контекстуальных значениях и смыслах лексем, покрывающих ядерную часть ЛСП «Грехи / добродетели» (392 лексем, функционирующей в церковно-религиозной сфере; 114 лексем, реализующих сакрализованные значения и смыслы; 127 лексических единиц, актуализирующих секулярную сферу), позволяет говорить о том, что для писателя социальная и духовная жизнь России, ее прошлое, настоящее и будущее мыслимы лишь при опоре на основополагающие принципы христианства. Всякое отклонение от христианского вероучения и христианской жизни – неверный путь, искажение, источник неустройства и гибели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уточнить особенности языковой личности писателя помогает реконструкция такого лексико-семантического поля как «Грехи / добродетели». Применение ряда методов и приемов, основными из которых являются методы компонентного и контекстуального анализа, позволяет считать лексико-семантическое поле как фрагмент действительности, выделенный в человеческом опыте с помощью покрывающих определенную область значений совокупности слов и выражений, одним из значимых лингвистических инструментов анализа духовной прозы Н.В. Гоголя. Реконструкция исследуемого поля на материале духовной прозы писателя проводится в первой главе с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, во второй главе – с секулярной и церковно-религиозной точек зрения, в третьей главе – в языковом и речевом воплощении.

В работе исследованы и уточнены содержание и объем понятия «духовная проза» с учетом имеющихся в научном обиходе ее определений и в применении к прозе Н.В. Гоголя. К духовной прозе писателя причисляют, наряду с некоторыми другими произведениями, «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной Литургии». Исходя из определения духовной прозы как родового понятия, соотносимого с текстами разных жанров, определены и обоснованы жанровые особенности рассматриваемых в исследовании произведений. Показано как жанровое своеобразие духовной прозы писателя, обусловленное авторской необходимостью транслировать свое отношение к предметам духовной и социальной жизни России, позволяет «расслышать» авторское видение действительности, интерпретировать его произведения наиболее объективно.

Состав и структура лексико-семантического поля «Грехи / добродетели» как двухчастной модели, состоящей из 16 соотносимых друг с

другом микрополей, основывающейся на разделяемом святыми отцами церкви учении о подразделении греховных навыков и добродетелей, определяется в зависимости от сферы употребления лексем: в секулярной сфере – на основании Словаря Даля, современных толковых словарей русского языка и на материале результатов свободного ассоциативного эксперимента; в сакральной сфере – на основании словарей церковно-славянского языка и святоотеческой литературы. Дефиниции из перечня дескрипторных лексем, определяемого набором базовых векторов взаимодействий субъекта с самим собой, с другими людьми, с Богом, в современных толковых словарях не соотносятся с вектором «Я и Бог» и обнаруживают аксиологическую амбивалентность в толковании. В наиболее близком ко времени Гоголя Словаре В.И. Даля фиксируются, помимо секулярных, церковные определения. Реакции респондентов-участников свободного ассоциативного эксперимента на слова-стимулы (перечень грехов и добродетелей) отражают представления об исследуемых явлениях преимущественно секулярного характера. Отмечаются аксиологическая двойственность и высокий процент сакральных и сакрализованных смыслов, составляющих примерно одну треть от общего количества ответов.

На векторе «Я и Бог» выстраиваются объем и состав ЛСП «Грехи / добродетели» в церковно-религиозной сфере. Предположение о том, что компоненты поля, определяемые перечнем дескрипторных лексем, соотносятся с сакральной областью, поддерживается, во-первых, тем, что данные лексемы являются наименованиями греховных навыков и добродетелей. Во-вторых, в логике данных наименований просматривается отступление посредством пристрастия, греховного помысла от благодатного призвания (замысла Божьего о человеке). В-третьих, каждый из грехов является корнем (причиной) последующего греха и, одновременно, следствием предыдущего. В проекции на употребление исследуемых лексем в секулярном контексте можно отметить, что их определения в современных

словарях, за редким исключением (*грех, добродетель*), базируются на векторах взаимоотношений человека с самим собой и с другими. Подвергшись процессу секуляризации в современном языке, лексемы (*грех, гордость, любовь, смирение, печаль, блуд*) утратили связь с первоначальными их значениями, следовательно, вне источника (сквозь призму «Я и Бог»), допускается предельно широкое толкование лексических средств, которое свидетельствует об искажении представлений об ориентирах, подмене ценностей.

Дыру «размером с Бога» каждый заполняет как может тогда, когда у человека нет Бога, а значит нет никаких ориентиров: искажены представления об исконных ценностях, навязаны искусственно, адаптированы чуждые интересы и мотивы. Повышение значимости духовных ориентиров в социальной и духовной жизни русского человека возможно, в том числе, посредством русской словесности, русской классической литературы и необходимостью заново прочесть ее в ключе видения и усвоения христианских ценностей.

Систематизация и интерпретация узуальных и контекстуальных сакрально-религиозных (христианских) и секулярных значений и смыслов лексем, составляющих ядро лексико-семантического поля «Грехи / добродетели», реконструируемого на материале духовной прозы Н.В. Гоголя, показывает высокий процент религиозной составляющей в выявленных контекстуальных значениях и смыслах лексем, покрывающих ядерную часть ЛСП «Грехи / добродетели», позволяет говорить о том, что для писателя социальная и духовная жизнь России не мыслимы вне основополагающих христианских принципов.

Реконструкции поля «Грехи / добродетели» позволила выявить особенности языковой личности Гоголя как православного христианина. Языковая личность Н.В. Гоголя как православного христианина характеризуется следующими особенностями: 1) в соответствии с идеей о

спасении, по Гоголю, «началом, корнем и утверждением всему есть любовь к Богу»; 2) любовь к Богу, по мысли писателя, стяжается очищением себя, в том числе болезнями и страданиями, их безусловным принятием; любовью к братьям; деятельной любовью к России, т.е. служением ей; принятием Божьей воли. Всякая другая любовь, по мнению писателя, происходит от Божьей любви. Чтобы полюбить Бога, нужно полюбить сначала других. Обязанность христианина, – учить других, но при условии, что он воспитает прежде самого себя. Непременным условием жизни каждого христианина должно быть исполнение своего долга на своем месте, нерастрата своего таланта всуе. С этим, в частности, связано представление об особом религиозном призвании России, неотделимости себя от страны, отношение ко всякой власти (царю, священнику) как к исходящей от Бога. Духовно-нравственное здоровье России и россиян, по представлениям Н.В. Гоголя, обуславливается следованием принципам христианской антропологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авва Дорофей / Преподобный Авва Дорофей. Душеполезные поучения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 432 с.
2. Аксенова Г.А. Федор Солнцев: к вопросу об иллюстрировании произведений Н.В. Гоголя // Обсерватория культуры: журн.-обозрение. № 5 (сент. – окт.). 2010. С. 106–111.
3. Андрианов А. Связь болезни с грехом и порожденной им смертью в Священном Писании // Ипатьевский вестник. № 3 (11). 2020. С. 11–15.
4. Анненкова Е.И. Исповедь и проповедь Гоголя // Выбранные места из переписки с друзьями. Спб: Азбука-классика, 2008. С. 5–36.
5. Анненкова Е.И. Католицизм в системе воззрений Н.В. Гоголя // Гоголь: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1995. С. 22–49.
6. Анненкова Е.И. Православие в историко-культурной концепции А.С. Хомякова и в творческом сознании Н.В. Гоголя // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 89–105.
7. Аношкина В.Н. Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков дом, 2011. 383 с.
8. Абашидзе Л. / Архимандрит Лазарь (Абашидзе). В пещи Вавилонской. О грехе блуда // Горе миру от соблазнов. М.: Духовное преображение, 2020. 96 с.
9. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. М.: Флинта: Наука, 2009. 496 с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
11. Безруков А.А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02. А.А. Безруков; Краснодар, 2007. 40 с.

12. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
13. Богданова А. «Старайтесь лучше видеть во мне христианина...» // Духовно-нравственное воспитание. № 6. 2009. С. 51–77.
14. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации текста // Жанры речи. 1997. № 1. С. 12–23.
15. Брянчанинов И. / Епископ Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. О чудесах и знамениях. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
16. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
17. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 672 с.
18. Вардошвили Э.Г. Размышления о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя как сочинение религиозного характера, имеющее мировое значение // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. 2015. С. 106–109.
19. Вейз мл. Дж. Э. Времена постмодерна. Христианский взгляд на современную мысль и культуру. М.: Фонд Лютеранское наследие, 2002. 240 с.
20. Вересаев В.В. Гоголь в жизни / Викентий Викентьевич Вересаев. М.: АСТ, 2017. 768 с.
21. Виноградов И.А. Гоголь и литургия. К истолкованию одного письма // Литер. учеба. 1995. Кн. 2/3. С. 202–206.
22. Виногралов И.А. Гоголь-художник и мыслитель. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: Наследие, 2000. 448 с.
23. Волков В.В. Интермедиальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 135–142.

24. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагмастилистика текста. Тверь: Изд. Кондратьев А.Н., 2013. 147 с.
25. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: учеб. пособие. Тверь: ТвГУ; изд. Кондратьев А.Н., 2013а. 221 с.
26. Волков В.В., Волкова Н.В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
27. Волков В.В., Волкова Н.В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
28. Волков В.В., Гладилина И.В., Скаковская Л.Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. № 1. 2017. С. 49–54.
29. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
30. Воропаев В.А. «Выбранные места из переписки с друзьями» как литературная проповедь (2008) / Последняя книга Гоголя: Сб. ст. и материалов / Сост. И.Р. Монахова, И.П. Золотусский. М.: Русский путь, 2010. 352 с. С. 285–301.
31. Воропаев В.А. Гоголь и монашество // Лепта. 1993. № 2. С. 123–143.
32. Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг // Православная беседа. 1996. № 6. С. 42–46.
33. Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг // Православная беседа. 1999. № 6. С. 42–46.
34. Воропаев В.А. Лестница Николая Гоголя // Лит. учеба. 2000. № 2. С. 159–182.

35. Воропаев В.А. «Нет другой двери... // Москва. 2000а. № 2. С. 214–220.
36. Воропаев В.А. Однажды Гоголь // Фома. Православный журн. для сомневающих. № 4 (120). Апр. 2013. С. 78–82.
37. Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия. Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя / Лит. Россия. 24.10.2003. № 43 (212). С. 14.
38. Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка (тез. докл.). Ч. 1. М.: Изд-во Моск. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза, 1971. С. 95–98.
39. Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. 344 с.
40. Гладилина И.В. Языковая личность автора и персонажа художественного текста (на материале повести А.П. Чехова «Скучная история»): Учеб. пособие по спецкурсу «Язык художественного текста». Тверь, 2003. 104 с.
41. Гладкова Е.В. Духовная проза 1830-1870-х годов // Христианство и рус. литература. Сб. 5. СПб.: Наука, 2006. 764 с.
42. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 232 с.
43. Гончаров С.А. Гоголевский текст и «духовное око» / Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Фортуна ЭЛ, 2008. 720 с. С. 663–679.
44. Гончаров С.А. Творчество Н.В. Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб: РГПУ им. Герцена, 1997. 340 с.
45. Гончаров С.А. Творчество Н.В. Гоголя и традиции религиозно-учительской культуры: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / С.А. Гончаров; СПб, 1997а. 311 с.

46. Гончаров С.А. Творчество Н.В. Гоголя и традиции учительной культуры. СПб.: Образование, 1992. 155 с.
47. Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1988. 304 с.
48. Давыдов А.П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа / Давыдов А.П. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 264 с.
49. Дамаскин И. / Преподобный Иоанн Дамаскин. Источник знания.. М.: РИПОЛ классик, 2018. 592 с.
50. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, «Глаголь», 1995. 552 с.
51. Даниленко В.П. Методы лингвистического анализа: курс лекций / В.П. Даниленко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 280 с.
52. Демидов Д.Г. Язык современной русской духовной литературы // Христианство и русская литература. Сб.3. СПб.: Наука, 1999. С. 26-33.
53. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Рус. яз., 1980. 254 с.
54. Дмитриевский И. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2010. 428 с.
55. Добротолубие избранное для мирян / Сост. архим. Ювеналия (Килина). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. 352 с.
56. Догматическое богословие. Курс лекций / Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин). Архим. Исаяя (Белов). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. 288 с.
57. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6-ти ч. М.: Христианская лит., 2003–2004.
58. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. 288 с.

59. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 559 с.
60. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
61. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 36–45.
62. Звездинский С. / Священномученик Серафим (Звездинский). Хлеб Небесный. Толкование Божественной Литургии. М.: Терирем, 2016. 80 с.
63. Золотусский И.П. Александр Солженицын и «Выбранные места из переписки с друзьями» (2005) / Последняя книга Гоголя: Сб. ст. и материалов / Сост. И.Р. Монахова, И.П. Золотусский. М.: Русский путь, 2010. 352 с. С. 338–343.
64. Золотусский И.П. Гоголь: 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 485 с.
65. Золотусский И.П. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (2004) / Последняя книга Гоголя: Сборник статей и материалов / Сост. И.Р. Монахова, И.П. Золотусский. М.: Русский путь, 2010а. 352 с. С. 317–327.
66. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания: понятие и концепт // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–29.
67. Иванов М.С. Грех // Православная энциклопедия. Т. 12. М.: Правосл. энциклопедия, 2006. С. 330–345.
68. Игумнов П. / Архимандрит Платон (Игумнов) // Православная энциклопедия. Т. 15. М.: Правосл. энциклопедия, 2007. С. 472–486.
69. Ильин И.А. О противлении злу силою. М.: Э, 2017. 160 с.
70. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. / сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 6: О России и русской душе; Гении России. М.: Рус. кн., 1997. 560 с.

71. Кавасила Н. / Святой Николай Кавасила. Изъяснение Божественной Лиургии, обрядов и священных одежд. М.: Сибирская Благовонница, 2017. 272 с
72. Казанцева И.А. Православная аксиология в русской прозе XX-XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / И.А. Казанцева; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2011. 35 с.
73. Карасев Л.В. Гоголь в тексте. М.: Знак, 2012. 224 с.
74. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 181 с. С. 75–80.
75. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
76. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / Сост. Л.Н. Чурилова. М.: Флинта: Наука, 2008. 416 с.
77. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / С.В. Кезина; Челябинский гос. пед. ун-т. Челябинск, 2010. 51 с.
78. Козаржевский А.Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М.: Книжный дом Либроком, 2018. 146 с.
79. Колесов В.В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып. 3 (16). С. 30–40.
80. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 640 с.
81. Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2002. 384 с.
82. Крюкова Н.Ф. Антропологическое содержание лингвистических идей Г.И. Богина // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2016. № 36. С. 164–169.

83. Крюкова Н.Ф. Метафоризация как познавательный процесс понимания текста // Серия Лингвистика и педагогика. 2016а. № 4 (21). С. 121–128.
84. Крюкова Н.Ф., Борщевская Е.В. Герменевтика: от метода к методологии // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2014. № 2. С. 54–61.
85. Кузнецов Ю.А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.А. Кузнецов; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2005. 23 с.
86. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле «еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Н. Куренкова; Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Кемерово, 2008. 18 с.
87. Куркина Л.Я. Герменевтика и «теория интерпретации» художественного произведения // Герменевтика: история и современность: Критические очерки. М.: Мысль, 1985. С. 245–269.
88. Лау Н.В. Мотив «духовного странничества» в прозе русской эмиграции (И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Лау; Воронеж. гос. ун-т, 2011. 20с.
89. Леонов И.С. Современная духовная проза: типология и поэтика // Русский язык за рубежом. 2010. № 4 (221). С. 89–95.
90. Леонтьев К.Н. О всемирной любви. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 352 с.
91. Лествичник И. / Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Благовест, 2013. 640 с.
92. Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке // Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с. С. 309–379.

93. Литвинова Л.В. Гордость // Православная энциклопедия. Т. 12. М.: Правосл. энциклопедия, 2006. С. 108–112.
94. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. Лит. и яз. 1993. № 1. С. 4–10.
95. Лосский Н.О. История русской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 608 с.
96. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.
97. Любомудров А.М. Духовный реализм в творчестве писателей русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
98. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809-1845. М.: Аспект-Пресс, 2004. 813 с.
99. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1988. 413 с.
100. Михеева И.Н. Смирение // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с. С. 443–445.
101. Моисеев И.Д. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в оценке Святителя Игнатия (Брянчанинова) // Лепта. 1994. № 21. С. 227–230.
102. Монахова И.Р. Небесное и земное. Статьи о художественном и духовном творчестве Н.В. Гоголя. М.: Семейная книга, 2009. 283 с.
103. Монахова И. Оживить веру // Духовно-нравственное воспитание. № 5. 2009а. С. 50–53.
104. Москвин В.П. Методы и приемы лингвистического анализа: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 224 с.

105. Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя. Глава VII. Выбранные места из переписки с друзьями / Русская идея: Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 450–464.
106. Набирухина А.В. Лексико-семантическое поле «pleasure» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Набирухина; Л., 1990. 16 с.
107. Нерубенко А.С. Духовная проза в русской литературе // Поколение будущего: взгляд молодых ученых. Сб. науч. ст.: в 3 т. Т. 2. 2016. С. 88–90.
108. Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.Ю. Николаева; Литературный ин-т им. А.М. Горького. М., 2004. 18 с.
109. Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 416 с.
110. Павлык Н. Грех и добродетель по учению святителя Тихона Задонского. М.: Русский Хронограф, 2011. 368 с.
111. Перечень грехов с объяснением их духовных последствий. М.: Ковчег, 2012. 48 с.
112. Плахина Е.В. Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Плахина; Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2004. 22 с.
113. Полная исповедь: по десяти заповедям Божиим и девяти заповедям Блаженства / Сост. Н.С. Посадский. М.: Сибирская Благовонница, 2016. 73 с.
114. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. 30 с.

115. Попова З.Д., Стернин И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2. Кемерово: Графика, 2003. С. 6–17.
116. Потапова О.Е. Лексико-семантическое поле «море» как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Е. Потапова; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб, 2012. 32 с.
117. По творениям святителя Василия Великого. Добродетели – истинное богатство человека / Сост. И.М. Санчес: Благовест, 2017. 192 с.
118. Правдолюбов С. Объяснение Божественной литургии. М.: Отчий дом, 2017. 112 с.
119. Православный молитвослов. М.: Благовест, 2015. 144 с.
120. Пращерук Н.В. Духовная проза Станислава Минакова // Церковь. Богословие. История: материалы III Междунар. науч.-богослов. конф. Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2015. С. 554–560.
121. Прокофьев А.В. Гордость // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 90–92.
122. Птиченко М.В. Религиозные искания Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / М.В. Птиченко; СПб, 1994. 129 с.
123. Роговер Е.С. Творчество Н.В. Гоголя: Моногр. СПб.: Олимп-СПб, 2013. 592 с.
124. Ростовский Д. / Святитель Димитрий Ростовский. О страстях и добродетелях. М.: Неугасимая лампада, 2014. 64 с.
125. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
126. Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 // В.В. Сайгин; Волгогр. гос. ун-т. Киров, 2013. 26 с.

127. Сайгин В.В. Концепт «грех» в свете антиномии религиозного и светского содержания ключевых концептов русской культуры // Учен. зап. Электронный науч. журнал Курского гос. ун-та. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2014. № 2 (30). С. 88–93.
128. Саровский С. / Преподобный Серафим Саровский. Духовные наставления и пророчества. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
129. Святогорец П., / Преподобный Паисий Святогорец. Слова. Т. 5: Страсти и добродетели; перев. с греч. М.: Орфограф, 2017. 344 с.
130. Сербский Н. / Святитель Николай Сербский. Десять Божиих заповедей. М.: Ковчег, 2011. 64 с.
131. Синайский Н. / Преподобный Нил Синайский (Анкирский). О восьми лукавых духах и другие аскетические творения / Сост. П.К. Доброцветова. М.: Сибирская Благовонница, 2017. 160 с.
132. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.
133. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 181 с. С. 58–65.
134. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
135. Сурожский А. / Митрополит Антоний Сурожский. Беседы о вере и Церкви. М.: Омофор: 2017. 382 с.
136. Сысоев Д. / Священник Даниил Сысоев. Пять огласительных бесед. М.: Миссионерский центр им. иерея Даниила Сысоева, 2010. 279 с.
137. Терц А. / А. Синявский. В тени Гоголя. М.: КоЛибри, 2009. 672 с.
138. Ткачев А.Ю. Бесконечный прогресс... М.: Николин день, 2016. 288 с.
139. Ткаченко О.Ю. Лексико-семантическое поле моральной оценки и этическая структура художественного мира Ф. М. Достоевского:

- автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Ю. Ткаченко; Лит. ин-т им. А.М. Горького. М., 2011. 18 с.
140. Толковый молитвослов. М.: Благовест, 2015. 144 с.
141. Томачинский С. / Иеромонах Симеон (Томачинский). Путеводитель к Светлому Воскресению: Н.В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями». М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 164 с.
142. Тюрин В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова: общий взгляд // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2013. № 3 (13). С. 71–77.
143. Уминский А. Божественная литургия: Объяснение смысла, значения, содержания. М.: Никея, 2017. 160 с.
144. Флоренский П.А. Богословские труды: 1902–1909 / Сост. Н.Н. Павлюченков, игум. А. Трубачев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 624 с.
145. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 848 с.
146. Чапнин С.В. Церковное возрождение. Итоги. М.: Эксмо, 2018. 192 с.
147. Шевкунов Т. / Архимандрит Тихон (Шевкунов). С Божьей помощью возможно всё! О вере и Отечестве. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. 416 с.
148. Шеффер Ж.М. Что такое литературный жанр / Пер. с фр. М.: Эдиториал УРСС, 2010. 192 С.
149. Шихляров Л. / Священник Лев Шихляров. Блуд // Православная энциклопедия. Т. 5. М.: Правосл. энциклопедия, 2002. С. 367–370.
150. Ягу В. / Варнава (Ягу). Церковь грешников. Пер. с новогреч. П.А.Пашкова. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2018. 288 с.
151. Baldock J. Christian Symbolism. Element, 1990.

152. Lilienfeld F. von. Gogol als Verfasser der «Betrachtungen ueber die Goettliche Liturgie» // Wegzeichen (Festgabe zum 60. Geburtstag von Prof. Biedermann). Wuerzburg, 1971. S. 307–404.
153. Thompson M. Philosophy of Religion. Teach Yourself Books, 1995.

Словари и словарные издания

154. Алексеев П.А. Церковный словарь. 4-е изд. В 5 частях. СПб.: В типографии Ивана Глазунова, 1817–1819.
155. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. 576 с.
156. Большой путеводитель по Библии: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 479 с.
157. Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
158. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. 1456 с.
159. Воскобойников В.М. Иллюстрированная православная энциклопедия: Толкование обрядов и символов. Описание главнейших православных святынь / В.М. Воскобойников. М.: Эксмо, 2010. 288 с.
160. Глубоковский Н.Н. Библейский словарь. Сергиев Посад – Джорданвилль, 2007. 862 с.
161. Глубоковский Н.Н. Православие // Христианство. Т. 3. Энциклопедический словарь. М. 1995. 783 с. С. 382–389.
162. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, Лорис-Мелик. у. дом каз., 1896. 4, 452, XL, LXII с.
163. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб. – М.: Тип. О.М. Вольфа, 1880–1882.

164. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / под ред. С.И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
165. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
166. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А–О. 1209 с.
167. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 112 с.
168. Иврит русский словарь с обратным алфавитным указателем и ключом глагольных основ. Сост. М. Клайнбарт, А. Соломоник. Вильнюс: Витурис, 1990. 207 (+320) с.
169. Корнеслов русскаго языка, сравненнаго со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками: в 2 ч. / Сост. Ф..С Шимкевич. Спб: Тип. Императорской Академии Наук, 1842.
170. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
171. Летягова Т.В. Понятия духовной сферы: краткий словарь / Т.В. Летягова, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. М.: Флинта: Наука, 2006. 160 с.
172. Назаренко А.А. / Священник Александр Назаренко. Греческо-русский словарь христианской церковной лексики. М.: Изд-во Московской Патриархии Православной Церкви, 2016. 192 с.
173. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2018. 1376 с.
174. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими: в 4 отд. / Сост. М. Изюмов. СПб.: Издание книгопродавца Н.А. Шигина, 1880. LXXXII, 598 с.

175. Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. М.: Возрождение, 1992.
176. Полный церковно-славянский словарь / Сост. прот. Г. Дьяченко. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. Изд. отд. моск. патриархата. М.: 1993. 1120 с.
177. Православие. Словарь-справочник. М.: ДАРЪ, 2007. 960 с.
178. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. 784 с.
179. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.
180. Склеяревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний / Г.Н. Склеяревская. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
181. Словарь церковно-славянского языка для толкования чтения Св. Евангелия, Псалтири и Богослужебных Книг. М.: Общество любителей православной литературы. Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2010. 196 с.
182. Суворин А.С. Словарь древнего славянского языка. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899.
183. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
184. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1986–1987.
185. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
186. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 2001.

187. Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований / Пер. с фр. Н. Зубкова, Е. Морозовой, Е. Мурашкенцевой. М.: Академ. Проект, 2011. 352 с.
188. Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.
189. Этимологический словарь русского языка / Сост. А. Преображенский: в 3 т. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1910–1949.
190. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 2–26 / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975–1999.
191. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010.

Электронные ресурсы

192. Блуд [Электронный ресурс] / Блуд. – Режим доступа: <https://azbuka.ru/blud> – 12.06.2020 г. – Заглавие с экрана.
193. Воропаев В.А. Инок в миру. К годовщине смерти Н. В. Гоголя (+ 21 февраля (ст. ст.) 1852 года) [Электронный ресурс] / Интерфакс-Религия. – Режим доступа: <https://ricolor.org/history/cu/lit/6/inok/> – 12.06.2020 г. – Заглавие с экрана.
194. Дамаскин П., прп. Слово 18 – О целомудрии [Электронный ресурс] / Добротолубие. Том пятый. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_5/36_18 – 18.02.2021 г. – Заглавие с экрана.
195. Добродетели [Электронный ресурс] / Добродетели – Режим доступа: <https://azbyka.ru/shemy/dobrodeteli.shtml>. – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
196. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Глава VI. Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) / Рус. гуманист. интернет-ун-т.

- Электрон. дан., 2003 – Режим доступа: http://palomnic.Org/bibl_lit/bibl/dunaev/9/. – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
197. Коренева Ю. В. Семантика смирения в агиографическом тексте: историко-лексикографический аспект [Электронный ресурс] / Азбука веры. – Режим доступа: URL <https://azbyka.ru/semantika-smireniya-v-agiograficheskom-tekste-istoriko-leksikografi-cheskij-aspekt/> – 02.12.2020. – Заглавие с экрана.
198. Крылов Г.А. Гнев [Электронный ресурс] / Этимологический словарь Крылова – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/krylov/> – 12.06.2020 г. – Заглавие с экрана.
199. Московские современные добродетели [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.xarakter.net/virtues/moscow/desc.php> – 21.05.2021 г. – Заглавие с экрана.
200. Основы духовной жизни в православии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azbyka.ru/osnovy-duhovnoj-zhizni-v-pravoslavii>. – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
201. Подразделение страстей по генезису (происхождению и развитию) [Электронный ресурс] / Греховные страсти: развитие и классификация. – Режим доступа: http://azbuka.ru/shemy/vosem_srastei.shtml – 12.06.2020 г. – Заглавие с экрана
202. Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления. «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2012. № 4 (12). Декабрь [Электронный ресурс] / В.И. Постовалова. – Режим доступа: <http://md.islu.ru/> – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
203. Преподобный Ефрем Сирийский. Творения. О добродетелях и страстях [Электронный ресурс] – Режим доступа:

- https://azbuka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tvorenia/114 – 22.08.2021 г. – Заглавие с экрана.
204. Проповедь [Электронный ресурс] / Древо. Открытая православная энциклопедия. – Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/24207.html> - 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
205. Семь смертных грехов и религиозные (теологические) добродетели, противостоящие им [Электронный ресурс] / Протоиерей Олег Стеняев. – Режим доступа: <http://radonezh.ru/text/sem-smertnykh-grehov-i-religioznye-teologicheskie-dobrodeteli-protivostoyaschie-im-172738.html> – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
206. Сребролюбие [Электронный ресурс] / Сребролюбие. – Режим доступа: <https://azbuka.ru/srebroyubie> – 12.06.2020 г. – Заглавие с экрана.
207. Толкование на Ис. 53:8 [Электронный ресурс] / Толкования Священного Писания. – Режим доступа: [URL bible.optina.ru/old:is:53:08/](http://bible.optina.ru/old:is:53:08/) – 02.12.2020 – Заглавие с экрана.
208. Толкования Священного Писания [Электронный ресурс] – Режим доступа: bible.optina.ru/new:in:01:29. – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
209. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html> – 21.05.2021 г. – Заглавие с экрана.
210. Упование, уповать. Библейская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible/4170/Упование – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.
211. Что такое духовная жизнь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azbyka.ru/1/ponyatie>. – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.

212. Щеглова Л.В. Проблемы самосознания и культурной идентичности в русской философии 30-40-х годов XIX в.: П.Я. Чаадаев и Н.В. Гоголь: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Л.В. Щеглова; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2001. 431 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: disserCat – электронная библиотека диссертация. URL: <http://www.dissercat.com/content/211ицеем211-samopoznaniya-i-kulturnoi-identichnosti-v-russkoi-filosofii-30-40-kh-godov-xix-v-p-> – 10.01.2018 г. – Заглавие с экрана.
213. Этика добродетелей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://uchebnik.biz/book/314-yetika/93-yetika-dobrodetelej.html>. – 14.04.2021 г. – Заглавие с экрана.

Источники

214. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 744 с.
215. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 9: Выписки из творений Святых Отцов. Каноны и песни церковные. Словари. Записные книжки / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 968 с.

Список условных сокращений

- АС – Атеистический словарь;
- БППБ – Большой путеводитель по Библии;
- БСЭ – Большая Советская Энциклопедия;
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. Кузнецова
- БЭС – Большой энциклопедический словарь;
- ВЭР – Всемирная энциклопедия: Религия;
- ИРС – Иврит-русский словарь;
- ОСРЯ – Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими / Сост. М. Изюмов;
- ПОС – Поучение Отцов церкви;
- ППБЭС – Полный православный богословский энциклопедический словарь;
- ПЦСС – Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко;
- РАС – Русский ассоциативный словарь
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка;
- СФЮТ – Словарь финансовых и юридических терминов;
- СЦСЯ – Словарь церковно-славянского языка для толкования чтения Св. Евангелия, Псалтири и Богослужебных Книг;
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова;
- ФС – Философский словарь;
- ХЭС – Христианство. Энциклопедический словарь;
- ЭР – Энциклопедия религий;
- ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / Сост. А. Преображенский;
- ЭССРЯ – Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. Шапошников;
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков;
- ЭЭС – Этика: Энциклопедический словарь

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Лексемы ЛСП «Грехи / добродетели», встречающиеся в гоголевских выписках из святых отцов Церкви

Таблица 1

Встречаемость лексем, принадлежащих ЛСП «Грехи / добродетели», в выписках Гоголя из святых отцов Церкви

Лексема	У кого встречается (в скобках указано количество авторов)
грех	свт. Афанасий Великий, свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст, патр. Иеремия, Тертуллиан, свт. Иоанн Постник, свт. Прокл, свт. Иоанн Дамаскин, митр. Филарет, Преосв. Михаил, свт. Иаков еп. Низибийский, Преосв. Владимир, свт. Кирилл, свт. Афанасий Александрийский, Преосв. Тихон, прот. Сабинин, свт. Иннокентий (Борисов) (17)
добродетель	свт. Ефрем Сирий, свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст, патр. Иеремия, свт. Иоанн Постник, свт. Прокл, свт. Иоанн Дамаскин, Преосв. Владимир, Преосв. Геден, прот. Сабинин, свт. Иннокентий (Борисов) (11)
чревоугодие	-
воздержание	свт. Василий Великий, свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст, патр. Иеремия, свт. Иоанн Постник, Преосв. Геден (6)
блуд	свт. Иоанн Златоуст, свт. Афанасий Великий (2)
целомудрие	Тертуллиан (1)
сребролюбие	свт. Василий Великий, свт. Григорий Нисский (2)
нестяжание	-
гнев	свт. Василий Великий, свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст, свт. Иоанн Постник, свт. Афанасий Александрийский (5)
кротость	свт. Иоанн Златоуст, Преосв. Геден, свт. Афанасий Александрийский (3)
печаль	свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст, свт. Афанасий Александрийский, прот. Сабинин, Георгий Затворник (5)
надежда	свт. Ефрем Сирий, свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст, Тертуллиан, свт. Прокл, Преосв. Геден, еп. Рязанский Гавриил, свт. Кирилл (8)
уныние	Георгий Затворник (1)
трезвение	свт. Иоанн Златоуст (1) <i>Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник</i>
тщеславие	свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст, свт. Иоанн Постник (3)
смирение	свт. Григорий Нисский, патр. Иеремия, Георгий Затворник, свт. Иоанн Дамаскин, митр. Филарет, Преосв. Владимир, свт. Афанасий Александрийский, Преосв. Тихон, прот. Сабинин (9)
гордость	свт. Иоанн Златоуст, патр. Иеремия, митр. Филарет, Преосв. Владимир, свт. Кирилл, прот. Сабинин (6)
любовь	свт. Афанасий Александрийский, свт. Ефрем Сирий, свт. Григорий Нисский, патр. Иеремия, Тертуллиан, свт. Прокл, Георгий Затворник, свт. Иоанн Дамаскин, митр. Филарет, Преосв. Михаил, Преосв. Владимир, Преосв. Геден, свт. Кирилл, Преосв. Тихон, прот. Сабинин (15)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Сводные таблицы по результатам проведения свободного ассоциативного эксперимента

ГРЕХ / ГРЕШИТЬ (183)

Секулярная сфера

Преступление 5, грязь, воровство 4, проступок 3 (*16 ассоциатов*)

Единичные ассоциаты: эгоизм, злодеяние, пакость, сплетничать, не слушать, злость, извращения, разврат, люди, нарушение норм, совершать поступки против норм человеческого общежития, ругань, ложь, обман, ужас, агрессия, правонарушение, бабушки, черствость; нарушение правил, устоев; нехорошее, кое-как, ханжество, фальшь, фреска, поступать плохо, нести негатив, издевательство над животными и над людьми, лгать, лужа, деньги, бессознательность; делать что-то плохое; неправильно поступать; нарушение норм, правил; совершать бесстыдные поступки; жадность, кража, ненависть; лгать, воровать, убивать, обижать кого-либо; обстоятельства, необходимость; ассоциации с действиями, ведущими к искажению представлений о правильности, относительно собственного паттерна поведения и характеризующиеся нарушением границ личности; делать плохо; *удовольствие*, голый, месть (*50 ассоциатов*)

Сакральная сфера

Ошибка, убийство 7, зло 6, наказание, раскаяние, исповедь 4, страдание, стыд 3, промах, плохо, непослушание, блуд, прелюбодеяние, болезнь, церковь, прощение 2 (*54 ассоциата*)

Единичные ассоциаты: грехопадение, батюшка, молитва, порок, пороки, вина, нарушать, нарушать закон Божий, предательство, предавать, скверно, боль, опустошение, бездразновенность, унижение, отступничество от заповедей, делать поступки с дурными последствиями; делать аморальное, не по законам религии, не по совести; нарушать законы природы и создателя, мерзость, противно Богу, самоволие, аборт, тьма; совершение нарушения, запрещенного Богом; нарушение закона Божьего, которое не всегда наказуемо законом, перед государством; совершение нарушения в отношении себя или в отношении других людей, расплата, возмездие, воздаяние; нарушение закона, нравственности и любви; падать о самое дно, отрываться от Бога как источника жизни; несоблюдение божьих заповедей; нарушение заповедей; православие; ад, огонь, несправедность, бессовестность, Адам и Ева, падение, скорбь, убивать; делать неблагоприятные поступки, которые удаляют от Бога, делают плохо другим людям, губят твою душу; против Бога, это неправильно, против законов; осуждать; внутреннее уничтожение, искупление, покаяние; 10 заповедей; Бог; осуждение, гордыня; смерть, самоугождение; делать что-то запретное; совершать отрицательные низкоморальные поступки; угрызение совести; стяжательство, сквернословие; отступление, нарушение, запрет, незнание (*63 ассоциата*)

ГРЕХ (по данным РАС Ю.Н. Караулова)

Секулярная сфера

Плохо, смеяться 3, ругаться 2 (*8 ассоциатов*)

Единичные ассоциаты: говорить, думать об этом, жадность, жаловаться, жизни, за что, измена, и смех, камыши, кино, курение, мой, насилие, на тебе, наш, не сделать, никаких ассоциаций, оставаться, растерянность, сам виноват, свинство, сладкий, сладок, смех, снизошел, совершил, совершить; то, что нельзя; украсть, частый, человека (*31 ассоциат*)

Сакральная сфера

На душу 8, большой 5, людской, смертный 4, страшный 3, искупить, первородный, тяжкий 2
(30 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: Адамов, алтарь, батюшка, беда, божий, боязнь, великий, взять на себя, вселенский, грехопадение, грешник, Иисус, искушение, милость, молиться, на душе, накажет, наказание, неземной, непоправимый, отмолить, отпущен, падение, падения, предательство, преступление, святой, страх, тяжелый, храм (30 ассоциатов)

ДОБРОДЕТЕЛЬ (162)

Секулярная сфера

Счастье, честность, добрый человек 2 (6 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: лицемерие, золотой век, герой (человек, совершивший геройский поступок); дядя Степа, мир; Мать Тереза; совершать правильные поступки; меценатство; безвозмездная помощь любому человеку от души. *Хотя сейчас воспринимается как комичная ситуация*, как шутка над кем-то; *скука*, правда, покой, богатство, волонтерство; качество, положительная черта, простота, высокие моральные и нравственные качества, принятие, порок, литература (художественная); опекун; спонсор, женщина в белом, платок, дорога, совершать хорошие поступки, примерность, хорошие люди, женщина, нравственность, приют для животных; помощник; порыв души; процветание; жизнь; кто-то хороший и добрый; человек, деятель, позитив; справедливость; ровное и хорошее отношение к окружающим; способность поступать наилучшим образом; хороший, помогать, оберегать, забота, участие, верность, тепло (46 ассоциатов)

Сакральная сфера

Помощь 12, милосердие, добро 6, благо, доброта, любовь 5, радость, чистота 3, смирение, внимание, благодать, свет, благотворительность 2 (55 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: отличительная черта православного христианина; желание творить добро, служение, достоинство, деятельная доброта, сочувствие, добрые дела, человек с проявлением высшей доброты, добрый поступок; что-то светлое, приносящее радость; хорошее качество; отзывчивость; ангел, рассуждение; чистота помыслов; помощь ближнему; дорога к миру и ближнему; милостыня, делать добрые дела; дар, навык, религия, благое дело, благой поступок, монахиня, духовное возрастание; долготерпение, нестяжание; помощь ближнему; соблюдение заповедей; делающий добро; свойство человека делать добро, быть рассудительным и готовым помочь другим; противоположно греху, совершается с добрыми намерениями, приносит добро людям; делающий добрые поступки; доброта высшей степени; следование библейским заповедям; самопожертвование; доброта к другим; доброта к окружающим; проявление доброты в отношении других людей; прощение, забота, Господь милосерд, вершить хорошие дела, оказывать помощь, бескорыстность, поступать по-доброму; вера, надежда; внимание (к ближнему); действие; благость (55 ассоциатов)

ЧРЕВОУГОДИЕ (172)

Секулярная сфера

Обжорство 20, еда 6, объедение 5, переедание, объедаться, ненасытность 3, жадность, пресыщение, переждать, много есть, жрать, пьянство, неумеренность, излишество, тяжесть, лишний вес, ожирение, пристрастие к еде, мясо, Гаргантюа и Пантагрюэль 2 (68 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: прием пищи, питание, быть зависимым от еды, слишком часто думать о еде, страсть к еде, употребление большого количества еды, много есть и пить, много кушать, набивать полный живот, объядение, объедание, обжираться, обжираловка, чрезмерность, безмерность, безграничность, избыток, увлечение пищей, отсутствие чувства меры, без меры употреблять пищу, обилие, питание без пользы, потребление пищи свыше потребности организма,

злоупотребление, поедание большого количества еды; есть больше, чем требуется для физической активности; пища, запретная пища, стол с большим количеством блюд, курица, жареный поросенок, пельменки, сладости, выпивка, алкоголизм; лишний вес, избыточный вес, расплывшаяся фигура, полнота, проблемы со здоровьем из-за переедания, болезнь, толстый живот; всего много, а потом тебе плохо; слабость, праздность, потребительство, депрессия, стресс и переживания; хочется себя чем-то порадовать, а кроме еды ничего нет; *удовольствие, приятный грех*, праздник, пир, застолье, кутить, люблю вкусно поесть; черви; античность, пиры патрициев в Древнем Риме, дореволюционная Россия; глупость, отсутствие воли и контроля, простота, смрад, мусор; сладкоедение, попы, жиртрест, фреска, огонь; живот, кишки, брюхо, чрево (*74 ассоциата*)

Сакральная сфера

Грех 5, невоздержанность 3, порок 2 (*10 ассоциатов*)

Единичные ассоциаты: поклонение еде, угождение чреву (животу), гортанобесие, искушение, пост, чрезмерная привязанность к удовольствию через еду, пристрастие, рабство, скудоумие, затмение разума, неразумие, словоблудие; чрезмерное насыщение чрева в той степени, при которой это будет наносить вред душе; чрезмерное и бесполезное пресыщение; ад; угождение своим плотским желаниям; невоздержание, несдержанность, распушенность, алчность (*20 ассоциатов*)

ВОЗДЕРЖАНИЕ / ВОЗДЕРЖИВАТЬСЯ (156)

Секулярная сфера

Ограничение 6, отказ, отказ от чего-либо, сила воли 4, скромность, запрет, самоконтроль, воля 3, самоограничение, умеренность 2 (*34 ассоциата*)

Единичные ассоциаты: преодоление; отказываться, от чего-нибудь отказываться; отказаться от чего-либо, ограничивать себя в чем-либо, способность человека отказаться от отрицательных привычек; подавление каких-либо желаний; контроль, контроль над собой, внутренний контроль за своим поведением; знать меру и необходимость в чем-либо; сдержанность, сдержанность в желаниях, сдерживать себя, держать себя в строгости; воспитанность, уважение; сильная воля, добрая воля, сила, иметь сильную волю, ощущение силы, голод; спальня супругов; пагубное пристрастие, еда, от еды (пост, болезнь), болезнь, алкоголь, вино, женщины, девушки, секс, умение управлять физиологическими желаниями, отсутствие половой жизни; умышленный уход от ненужных проблем, связей и последствий; экономия сил, средств и других видов энергии; повышение социальной ответственности и авторитета!; сознательное самоограничение в чем-либо для достижения поставленной цели, сдерживаться во благо самому себе; *редкость; синий чулок*; простота, борьба, тернистый путь, свобода; нет излишеств, держать себя в узде; самостоятельный отказ от чего-либо; ждать, не встречать, не употреблять; стакан, хлеб, мешок; умение жить по нравственным правилам, *не всегда хорошо*; выдержка, постоянство, характер, необходимость, моряк, трудность, строгость, *комплексы*, рамки, уступчивость, диета, здоровье, неспособность (*70 ассоциатов*)

Сакральная сфера

Пост 16, терпение 7, аскетизм 4, смирение 3, монах 2 (*32 воздержание*)

Единичные ассоциаты: достоинство православного христианина и любого человека, духовное воздержание; телесное воздержание; сила духа; духовная и физическая польза; достоинство, дисциплина; самодисциплина; строгость и самоконтроль, физическое ослабление; преодоление искушения; послушание; Великий Пост; подвиг; умение остановить себя в поступках, в словах, в еде; всему должна быть мера, держать пост, пост (соблюдение), целомудрие; молчание (*20 ассоциатов*)

БЛУД / БЛУДИТЬ (163)

Секулярная сфера

Измена 12, разврат 9, распущенность 6, грязь 5, проституция 4, страсть 3, похоть, порочность, разгул 2 (45 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: супружеская измена, измена (супружеская), измены, секс вне брака, интимная близость вне брака, секс не с женой / мужем, сходить «на лево»; беспорядочная половая связь, беспорядочные половые связи, беспорядочные половые отношения, незаконная половая связь, незаконное удовлетворение своих сексуальных потребностей, удовлетворение похоти, самоудовлетворение; бесконтрольно себя вести в пространстве, времени и отношениях; ошибочное сексуальное возбуждение, *развлечение*, неверный муж, неверность, позор, гулять «на сторону»; похоть, блядство, развязность, заигрывать с женщинами; красивая женщина; обманывать, обман, лживость; возможное заражения тела болезнью; физическая близость лиц, не состоящих в браке; менять партнера, смена партнеров, связь со множеством партнеров, несерьезные отношения, безумие, лицемерие, *норма этого мира*, сеть, проститутка; потворство своим низменным половым инстинктам, похоти, нечистота, Садом и Гамора; вольнодумие, картинки, женщина, видео; рукоблудить, несдержанность, невоздержанность; *наслаждение, наслаждения, удовольствия, любвеобилие*, ветреный образ жизни, частые увлечения; вести разгульную, в некоторых случаях аморальную жизнь; вести аморальный образ жизни, вести разгульный образ жизни, распутничать, распутство (не только половое), распутство, вести распутный образ жизни, распутная жизнь; заблуждение; плоть; гуляющая, пришедшая; непорядочность, предательство; кот, стол, омут, болото; непостоянство, характер; мысли, невоспитанность; ночь, кровать; соблазнение, искушение, вождение, сексуальные отношения; далекая сторона, выбор, растрепанные волосы (88 ассоциатов)

Сакральная сфера

Грех 6, прелюбодеяние 4, порок 2 (12 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: блудная страсть, осквернение, страдания, не соблюдать целомудрия, нецеломудрие, греховность, грешить, тяжкий грех, страшный грех, блуждать, умирать душой, падение; соблазн и все то же, что и грех; совесть; удовлетворение физиологических потребностей вне правил поведения христианина; ошибка (заблуждение), заблуждение, вседозволенность (18 ассоциатов)

ЦЕЛОМУДРИЕ (165)

Секулярная сфера

Скромность 5, верность, нравственность, мудрость 4, невеста, красота 3, целостность, брак, уважение, свобода 2 (31 ассоциат)

Единичные ассоциаты: счастье, покой, честь, робость, *прошлое*, умный, целеустремленный, невинный, правильность, порядочность, здравомыслие, честность, единство, добрые отношения, искренность, девственность, надмирность, сохранение своей целостности, жена, женщина, девушка, ограждение от похоти; *то, о чем многие не имеют понятия. Можно на сегодня считать для большинства устаревшим понятием. Культура и социум не способствуют;* цвет лилии, белые цветы, свет; умение девушки четко и необидно для мужчины сказать нет в ответ на интимные намеки; безбрачие, благородство; благое и уместное воздержание от удовлетворения сексуальных потребностей, разумный подход к чему-либо, взаимная верность, умение управлять мыслями, отказ от небрачных отношений, беречь себя для будущей супруги, умность, зрелость, телесная чистота в отношениях, соответствие общепринятому, губы, терпимость, яблоко, ромашки, правила, правильность в действиях, воспитание, воспитанность, *утраченное в обществе, странность, лицемерие*, благоразумие, сознательность, обдуманность, выбор, безупречность, семья, почитание, доброта (58 ассоциатов)

Сакральная сфера

Чистота 16, девственность 8, невинность 7, непорочность 6, чистота души 3, воздержание 2
(42 ассоциата)

Единичные ассоциаты: отсутствие блуда, любовь, воцерковление, чистота духовная и телесная, чистота тела и духа, святость, сохранение исходного состояния тела и сознания, самая крепкая стена для души, честное девичество (хранить себя до брака), чистота нравственная и физическая, религия, вера; нравственная цельность человека в мыслях, чувствах, поступках, сохранение духовной цельности личности, чистые помыслы; чистота души и тела; добродетель, безгреховность, хранить девственность, послушание, чистота действий и мыслей; воздержание от «похоти», внутренняя чистота, чистота отношений, терпение, благословение Божие во всем (26 ассоциатов)

СРЕБРОЛЮБИЕ (150)

Секулярная сфера

Деньги 10, серебро, богач 2 (14 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: библейские легенды, богатство, богатство (материализм), злоба, кошелек с серебряными монетами, серебряные украшения, монеты, гора монет, сундук, продажность, взяточничество, взятка, общество, надменный человек, меркантильный человек, коллекционер денег, боярин, банкир, богач из мультфильма «Золотая антилопа», Кащей, серебряное копытце, машины, дворцы, переизбыток корыстных мотивов, пристрастие к материальным излишкам, «над золотом чахнет», легкие деньги, беспринципность, идти по головам, низость, серый, неудовлетворенность, ненасытность, обогащение, нажива, наживиться, неумеренная страсть к приобретению материальных благ, расчетливость, заземленность, работа без продыха, нарциссизм, эгоизм, безграничная любовь к себе, чрезмерность (во всем), *любить всем сердцем* (45 ассоциатов)

Сакральная сфера

Жадность 26, алчность 11, корысть, скупость 8, любовь к деньгам, страсть к деньгам 4, зависть 3, корыстолюбие, предательство 2 (68 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: маловерие, стяжание, упование на стяжание, стяжательство, жадность к деньгам; жадность к деньгам, золоту; сильная привязанность к деньгам, душевная пустота; жажда наживы, жажда выгоды, сильная привязанность к деньгам; желание накопить как можно больше денег; стремление к богатству; любовь к серебру, богатству и т.д., любовь к богатству, любовь к деньгам, к вещам; *любить материю, деньги и тем самым чувствовать, что властен над другими;* властолюбие, тщеславие, гордыня (20 ассоциатов)

НЕСТЯЖАНИЕ (141)

Секулярная сфера

Щедрость 4, бедность 3, скромность, честность 2 (11 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: свобода, бытие, право, экономность, воспитание, характер; основная цель деятельности – не деньги; деньги – не цель, а средство; получение любого дохода только законным порядком; не копил деньги; не копил на «черный день»; разумное отношение к вещам, их количеству; *простофиля*, дисциплина, махатма Ганди, минимализм, безвозмездность, *редкость*, зависть, непослушание, *безволие*, умение дарить, делиться, меценатство; натяжение, натяжение резинки, напряжение; работа за идею, работа с низкой зарплатой; *ненормальность*, дворцы, земли, замки, Буратино, ребенок; *с этим понятием не знаком. Где-то слышал; не знаю, что это, а смотреть Википедию нет смысла;* воздержание от материальных излишков; умеренность, умеренность желаний; ограничение, отказ, отказ от всех благ; личный выбор, выбор, пуританство; *точно не знаю, что-то связанное с бедностью;* пустая комната, кровать; *утраченное*

обществом; непокорность, легкомыслие, беззаботность, достаток, жить по принципу «разумной достаточности»; здравомыслие, уравновешенность; энтузиаст; кто занимается делом для своего удовольствия (58 ассоциатов)

Сакральная сфера

Бескорыстие 9, простота, монах 4, отсутствие алчности 3, жадность, воздержание, добродетель, бессеребренник, аскеза, аскетизм, монашество 2 (34 ассоциата)

Единичные ассоциаты: доверие Богу; глубокая вера в Бога; вера живая; аскетичность; образ жизни монахов; монахи; монашеский обет (произвольная нищета); обеты, заповедь; уход от мира; святость; святые; высокий уровень духовных и моральных качеств; довольствоваться тем, что имеешь; довольство малым, довольство необходимым; неприлепление к окружающему; не привязываться к земным вещам (*имуществу, деньгам); не обремененный богатствами и нет стремления к богатству; бескорыстность, отсутствие корыстных мотивов, нет страсти к богатству; отсутствие страсти к богатству, деньгам; отсутствие страсти к богатству; отсутствие черт, присущих сребролюбию; добровольное отречение от земных благ; жертва безболезненная; стяжание, милостыня, милостыня нуждающимся; желание помочь нуждающимся, доброта, сердобольность; благо; раскол церкви (нестяжатели); Нил Сорский, Иосиф Волоцкий (37 ассоциатов)

ГНЕВ / ГНЕВАТЬСЯ (174)

Секулярная сфера

Злость 19, ярость 10, крик, злиться, раздражение 7, агрессия 5, ругаться, злоба, огонь 4, негодование, несдержанность, раздражительность, ругань, обида 3, драка, ненависть, распущенность, ссора, кричать, убийство, эмоция, страх, взрыв 2 (100 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: горечь, боль, оскорбления, импульсивность, люди, неприязнь, презрение, кратковременная злость, проявлять злобу, вспышка, мат, сквернословие, бык, хулиган, истерика, буря, корабль, *сила души*, злой человек, неуправляемость, недовольство поведением ближнего, нетерпение, раздражаться, неприятие ситуации, усталость; испытывать плохо контролируемое чувство агрессии к явлению, процессу, человеку; беснование, дурость, психопат; бессмысленность; проявление вспыльчивости, внутреннее или явное; спор, неправда, неуправляемость ситуацией, нет контроля, возмущение, возмущаться, грязь, красный; яркая эмоция, побуждающая человека к действию. Зачастую гнев приводит человека к мысли о мести; сдвинутые брови; злая гримаса; выражение осуждения в чувствах; ругать; сильная негативная реакция, но может быть и позитивная, когда это связано с защитой кого-либо, Родины; крикливость; гореть, лев, гроза; взрывной характер, неуправляемые эмоции; сердиться; эмоционалировать, усмирение, самоконтроль, нервы; ослабленный эмоциональный интеллект, выраженный в отсутствии контроля над эмоциями; озлобленность, вспыльчивость; реакция на ближнего, выраженная в возбужденном состоянии; невоспитанность; эмоциональное негативное возбуждение, ругаться на кого-либо; сила, скандал; терять свой человеческий облик, красное лицо, орущий мужик (68 ассоциатов)

Сакральная сфера

Грех 2 (2 ассоциата)

Единичные ассоциаты: гордость, высокоумие; неспособность понять ситуацию, себя в ней и других (3 ассоциата)

ГНЕВ (по данным РАС Ю.Н. Караулова)

Секулярная сфера

Ярость 27, злость 25, сильный 21, милость 20, радость 16, на милость, справедливый 12, страшный 10, отца 9, яростный 6, богов, зло, злой, красный, прошел, страх 5, бешеный, боль,

большой, злоба, народа, ужас, ужасный 4, буря, жуткий, крик, любовь, огромный, печаль, преподавателя, раздражение, сердитый, человека 3, бессилие, благородный, буйный, возмущение, вспышка, гроза, гроздя, доброта, друга, зверя, злое лицо, и ярость, людской, матери, мой, на лице, не милость, ненависть, разъяренный, родителей, сердиться, страшен, товарища, учителя, царь, царя, человек, ярый 2

(302 ассоциата)

Единичные ассоциаты: Анжелики, Ахиллеса, багровый, беда, безграничный, без меры, безобразный, без предела, без причин, безудержный, беспощадный, блеск глаз, блохи, брови, брови сжаты, буйство, в, великий, внезапный, вождя, возбуждение, возбуждения, возглас, воистину, волк, всенародный, всплеск, вспыльчивость, вызывает, гнет, грозить, гром, декана, директора, добро, досада, драка, дьявола, ее, жалость, желтый, жены, жестокий, заслуженный, зверь, Зевс, зол, и боль, Ивана Грозного, излить, и злость, и милосердие, и печаль, и радость, искры, испепеляющий, кинжал, к ним, кому, королевы, кричат сильно, кусок, лис, лицо, мамы, месть, молниеносный, молния, молодого ученого, мужа, напрасен, народный, наружу, на себя, начальника, невыносимый, негодование, недолгий, недолговременный, неземной, неимоверный, неистовый, не лучше, ненормальность, ненужный, необузданный, неподдельный, непонимание, неправота, неприятный, не рождается, несдержан, несдержанность, нестерпимый, не угасает, неугасимый, неумный, неукротимый, обида, обман, обувь, огонь, оковы, оправданный, откровенный, перестройка, печален, плохо, плохое настроение; покровителя, по поводу, порода, поспешный, постоянный, причина, продавец, пройдет, пыль, пылкий, раздражения, разъяренный человек, растет, рев, свекрови, свет, свирепый, свобода, сев, сердитость, слезы, случайно, соседка, ссора, старшины, стол, страстный, страсть, страшно, страстное лицо, стресс, стыд, Тараса Бульбы, тигр уссурийский, тоска, трава, тяжелый, убить, угасающий, умеренный, усмирить, утих, утихший, хмуриться, хмурое лицо, частый, чей, шутка, эмоция, юного специалиста, я, яблоко

(161 ассоциат)

Сакральная сфера

Праведный 21, божий 14, Господень 2 (37 ассоциатов)

КРОТОСТЬ / КРОТКИЙ (158)

Секулярная сфера

Скромность 14, покорность 6, мягкость 4, тихий, тишина 3, робость, спокойный, спокойствие, скромный, воспитание, раздражение 2 (42 ассоциата)

Единичные ассоциаты: радость, ласка, мудрость, смирный, мирный, безобидный, не злой, кроткая душа, добрая душа, добрый, доброта, *странный*; проявлять спокойствие и разумность; неконфликтность, неконфликтный, простой, уступать, уважить; можно решить любую проблему; *очкарик, забитый школьник, слабость*; установка на доверие ближнему; приятный в общении; прислушиваться к чужому мнению; уважение, незлобивость, незлобивый, негневливость, принятие, *скучность*, застенчивость, стеснение; сдержанность; сдержанность в словах и действиях; неприятие поведения, желание не затронуть эмоции другого; чуткость; похоже на стеснительность; короткий; взгляд, красота, весна, юность, Достоевский; *человек с приподнятыми плечами и втянутой головой*; маленький тощий лысый мужчина; внимающий себе, *неуверенный*; подавление внутреннего возбуждения; человек, не возвышающий себя над другими, с чистыми помыслами и светлым взглядом; тихий, спокойный нрав, нрав; незлобивость; *неумение и нежелание бороться со злом*; девушка, бабушка, характер, *тихоня*, бессловесность; замкнутость; безобидность; доверчивость, ранимость; смиренность, степенность, гейша, овечка, мягкий; поведение человека, когда он старается быть послушным и не выделяться среди других; хорошие манеры; не посягание на чужую свободу выбора, мир(75 ассоциатов)

Сакральная сфера

Смирение 12, терпение, молчаливость 3 смиренный, послушность, послушание, послушный 2 (26 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: агнец, ягненок, монах; ценить свое «Я» меньше чужого; не осуждающий; воздержание от гнева и вспыльчивости; молчаливый дух, молчание, немногословие; послушание (послушный), терпеливый, любовь, вера, милосердие, Серафим Саровский (15 ассоциатов)

КРОТОСТЬ (по данным РАС Ю.Н. Караулова)

Секулярная сфера

Взгляд, человек 8, мальчик 7, тихий 6, скромный 4, длинный, заяц, нрав 3, нежный, ребенок, характер, юноша 2 (50 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: девушка, день, животное, застенчивый зверь, звук, как я, крот, крутой, ласковый, маленький, мелкий, миг, мягкий, овца, отрезок, перерыв, покорный, порыв, пояс, путь, речь, робкий, ропот, себе на уме, смирный, спокойный, срок, стержень, стиль, удар, ум, умение, урок, ученик, фильм, хомяк, хороший, член, шнур, щенок, экзамен, язык (43 ассоциата)

Сакральная сфера

Ягненок 4, как ягненок 3 (7 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: христианин (1 ассоциат)

ПЕЧАЛЬ / ПЕЧАЛИТЬСЯ / ПЕЧАЛЬНЫЙ (159)

Секулярная сфера

Грусть 26, тоска 13, слезы 12, уныние 11, одиночество 6, дождь 4, скорбь, горе, огорчение, депрессия 3, слабость, утрата, болезнь 2 (90 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: неизбежность, отчаяние, проблемы, зарплата, жалобы на жизнь, душевная боль, плакать, тишина, обида, музыка, расстраиваться, переживать, тосковать, о чем-нибудь тосковать; скорбитель, разочарование, сожаление, упадок, погружение в свой мозг, часть пути, самообман; чувство, которое порой сложно контролировать, особенно когда это необходимо; сожаление о ком-то или о чем-то; думать и сожалеть о ком-либо, о чем-либо; нежелание отпустить; чувство переживания, переживание; может появляться из-за любой ситуации. Наверное не хватает витаминов в организме; через это все проходят; серость, отрешенность, печаль, темнота, малоресурсность; диван, лень; подавленное настроение; грустить разочарованно; не хочется ничего делать; и скучно, и грустно, и некому руку подать; чай, печка, река; апатия; жалость к себе; Пьеро, песня Цоя, сын; деструктивная работа мозга, выраженная в ослаблении эмоционального фона индивида; чувствительность, ощущение слабости, неуверенность; тусклость, холод, трагедия, думать о ком-либо или о чем-либо с сожалением; душевное состояние, подавленность, беспомощность, смерть, смерть близкого человека, грустная женщина (62 ассоциата)

Сакральная сфера

Единичные ассоциаты: от печали недалеко и до уныния, а оно тяжкий грех; отсутствие правильной цели жизни; неверие, не упование, лукавые помыслы, гордыня, Богородица; сострадание; сопереживание (9 ассоциатов)

ПЕЧАЛЬ (по данным РАС Ю.Н. Караулова)

Секулярная сфера

Грусть 19 (9+7+3), грустный 13, человек 12, моя, тоска (9+2) 11, грустить 10 не надо, взгляд 8, плакать, исход, слезы (4+1+2) 7, образ, горе (3+1+1) 5, вид, день, конец, горевать, долго, глубокая, любовь, моя светла 3, клоун, радостный, слон, случай, ждать, не о чем, не стоит, огорчаться, о прошлом, горькая, грустна, грустно, огромная, пришла, прошла, радость, светла, светлая, сильная, смех, человеческая, скука (1+1) 2 (180 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: безмерно, веселиться, весна, вечер, всегда, вся жизнь впереди, горько, за, зря, зря печалиться, институт, краска, кручиниться, много, незачем, не надо (пес.), не нужно, несчастье, одному, о другом, о жизни, о любимом, о ней, о нем, о прошедшем, о пустом, о чем-то,

песня, плохо, по другу, поезд, по поводу, разлука, рано, сильно, синий, спать, страдать, унывать; ангел, беспросветная, боль в сердце, большая, в глазах, внезапная, в сердце, глаза, гнать, девушка, долгая, душевная, жалость, жестокая, забота, заела, и невзгоды, кинотеатр, корова, лежит, меня посетила, моя полна тобою, на лице, невыносимая, невыразимая, неземная, нескончаемая, о друге, о потере, о прошлом, осень, откуда взялась?, плохое чувство, подавить, полная, прогнать, пронзила, прошла быстро, статистика, такая, твоя, тоскливая, Тристан, тяжела, улыбка, утраты, уходит; айсберг, веселый, возраст, голос, детектив, дождь, до слез, идиот, итог, кот, крик, лик, лох, мертвец по улице бежит, нытик, памятник, парень, пешеход, подавленный, портрет, проблемы, путник, разговор, роман, скучный, событие, сон, союз, стих, странник, сюжет, сюрприз, трагик, унылый, фильм (121 ассоциат)

Сакральная сфера

Единичные ассоциаты: молитва, надеяться, (2 ассоциата)

НАДЕЖДА / НАДЕЯТЬСЯ (152)

Секулярная сфера

Радость, оптимизм, ожидание 5, имя 4, свет 3, жизнь, мечта, ждать, уверенность, вера в лучшее, луч, луч света, весна 2 (38 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: якорь, утешение, будущее; ещё всё впереди!; близкое будущее, ожидать что-то хорошее; ожидание и исполнение ожидаемого; целеустремленность, воодушевление; запах весны; девушка; чувство; вопреки, воодушевление, позитивные эмоции; ожидание лучшего, печаль, старание; *бессмысленная вера в несбыточное*; чувство, что не всё потеряно, есть выход из сложившейся ситуации; способ спастись от душевного переживания обреченности или неразрешимости ситуации; ожидание чего-то позитивного; будущее, успех, благополучие, мотивация идти вперед; волевое усилие; свет; энергия; будущее; то, что позволяет человеку жить; верить в лучшее; человек на необитаемом острове; сила двигаться вперед; оптимистичный взгляд в будущее; полагание на хороший исход обстоятельств; последний шанс, довериться, предполагать; надежность, ответственность; лес; доверие; умение мечтать; движение вперед; страсть, цель, песня; «Мой компас земной...»; ожидание ч.-л. хорошего; будущее, планы; мечты, маяк, не сдаваться, *не всегда есть*, помощь, выход; воодушевление, шанс; оптимизм, трудолюбие; ожидать позитива; направление к выходу, ободрение; вера во что-либо; рассвет, «розовые паруса»; белый голубь; счастье; вера человека в лучшее, светлое, доброе; вера в положительное; желание людей чего-нибудь достигнуть в будущем; ждать; *глупость* (77 ассоциатов)

Сакральная сфера

Вера 17, упование 5, верить, любовь 3, любовь, молитва 2 (32 ассоциата)

Единичные ассоциаты: терпение, проявление души и веры; православная вера, вера (верить), спасение, не падать духом, упование на милость Божию (7 ассоциатов)

НАДЕЖДА (по данным РАС Ю.Н. Караулова)

Секулярная сфера

На лучшее 131, ждать 74 (72+2), на себя 33 (32+1), на удачу 26, на успех 23 (21+2), на что-то, на чудо 18, и верить 15, на друга 11, и ждать, лучшее, на встречу 10, не на что 9, зря (7+1) 8, жить (6+1) 7, мечта, чудо, на будущее (5+1), есть, имя, думать, на него, на счастье (5+1) 6, на случай, будущее (3+1) 4, последняя, встреча, мечтать, надежда, на кого-то, на помощь, напрасно, удача, жизнь (2+1) 3, желать, звезда, знать, на, на авось, надо, на что-либо, не на кого, нужно, отчаяться, письмо, разувериться, светлое, сдать, увидеть, успех, хорошо, и опора, маленькая, мой компас земной, свет, счастье 2 (500 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: большая, везение, вечная, в жизни, вода, всегда, голубая, голубой, греет, девушка, добрая, жизни, звезда, зря, и любовь, исчезла, ласка, дружба, мой компас, моя, напрасная, на процветание, на товарища, наша, несбыточная, нет, нехорошая, нужна, облако, обман, обманчивая, общества, огонек; огонек, светящийся вдали; одежда, одна, опора, песня,

подруга, пропадш., Сергеевна, спутница, удача, умирает, упал, Чепрага, чуть греет; безнадежный, безнаказанно, бесконечно, благо, боль в сердце, бороться с собственным желанием было, быть уверенным, вечно, видеть, война, все впереди, всегда, необходимо, всю жизнь, Герман, глаза, глядеть, двести, делать, дело, друг, дурак, жару, ждатель!, ждатель чего-то, ждет, женщина, завтра, зачем, и жить, и любить, красный, кто-то, лучше, много, на амнистию, на верность, на взаимность, на выздоровление, на дочь, на жизнь, на кого-либо, на лучший исход, на любовь, на маму, на меня, на нас, на погоду, на подругу, на приз, на радость, на самого себя, на силы, на судьбу, на товарища, натолкнуться, на удачу не вредно, на учителя, на фикцию, на хорошее, на человека, на человечность, на что, не верить, не вредно, недолго, не ждатель, не напрасно, не плошать, нет, ожидание, ожидать, он, оптимизм, парус, перестать, плохо, погода, пожатие рук, положиться, получить, понять, последний, поступить, поступление, приручить, пролететь, пропасть, радуга, рассчитывать, ремень, самостоятельно, свет, светло, светлое будущее, смерть, смешно, сомневаться, стараться, счастливый, счастье, тепло, тоска, тратить, трудно, туман, уважать, удачи, улучшение, улыбка, умирает последней, уныние, успеть, человек (161 ассоциат)

Сакральная сфера

Верить 22, вера 6 (4+2), любовь 5 (3+2), любить 3 (3б ассоциатов)

Единичные ассоциаты: Бог, веришь, верю, терпение (4 ассоциата)

УНЫНИЕ / УНЫВАТЬ (166)

Секулярная сфера

Депрессия 12, печаль 9, тоска 8, апатия 6, грусть 4, отчаяние 3, слабость, бессилие, нытик, плохое настроение, плакать, слезы, тьма, смерть 2 (58 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: лень, работа, губы, равнодушие, плохое настроение, настроение, подавленность, разочарование в своих силах, недовольство своим положением; тупик, грань, выцветшая картина; смотреть в лужу, фото серого города; забитость левыми помыслами, подвиг не по силам; противное, гадкое чувство, в которое легко впасть; потеря веры в лучшее, в себя; грустить, бездельничать, потерять надежду, ныть, скулить по любому поводу, нытье, пессимизм; когда человек чувствует, что сам себе не нужен; самобичевание, отчаяться, опустить руки; «опустить» руки; опускать руки; боль, вялость, паралич, отсутствие радости, неприятие себя; почти то же состояние души, но более усугубленно; скука, подавленность, болото, скорбь, нежелание что-либо делать; состояние, когда тебя ничего не радует; Ослик Иа, грязь; расстроенные чувства; вешать нос; неверие в свои силы, возможность изменить в лучшую сторону свою жизнь; ничего не радует; недовольство, сожаление, умывальник, корыто, дождь; плохая погода, слякотная осень, не видеть радость в жизни; постоянный грустный вид; любимые слова – не хочу; печалиться; безысходность, скука; грусть (грустить); потеря интереса к жизни; обреченность, осень, зима; нужно не поддаваться; равносильно печали и тоске; тосковать; слабость; печаль во второй степени, даже скорее в третьей; обида; неохота, безысходность, размазня (слабость); состояние депрессии; подавленность, потеря веры в себя; отрицательные эмоции; неудовлетворенность, разочарование, холод, проигрыш; пьянство, уставший пьяница (88 ассоциатов)

Сакральная сфера

Грех 6, смертный грех 2 (8 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: печаль крайней формы, с утратой всякой надежды на Бога, потеря надежды на Бога, безбожие, самый страшный порок, гордыня, не смирение; Господь не дает больше, чем можешь нести; гордость, смертный грех, упадок духовных сил; бедность духа; неблагодарность (12 ассоциатов)

ТРЕЗВЕНИЕ / ТРЕЗВИТЬСЯ (134)

Секулярная сфера

Просветление, здоровье, отказ от алкоголя, прийти в себя, осознание 2
(10 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: норма, порядок, крайность, жизнь, обстоятельство, трудность, объективность, рациональность, хладнокровность, самообладание, зрелость (процесс), бдительность, бдить, осознание реального положения вещей; понимание своих ошибок, понимание, розовые очки, разочарование; осознание своего истинного состояния, природного чувства жизни; думать осознанно, в полном сознании быть; быть осознанным, осознать; осознание, осмысление, прозрение; прийти в себя, очнуться, правда; реальность, восприятие действительности, смотреть на мир ясным взглядом, без лишних эмоций; начать правильно оценивать сложившуюся ситуацию; начать реально оценивать ситуацию, ясность; новый взгляд на окружающий мир; преодоление, приходиться «в себя», трезвость, пьяница на следующий день после гулянки, пьяница, пьянство, после пьянки, от жизни (смотреть трезвыми глазами), не пить, не употреблять спиртные напитки, не употреблять спиртное, не употребление!; м.б. трезвость (трезветь): (непонятно, это относительно алкоголя или качество характера); выход из запоя, головная боль, взъерошенные волосы, рассол, вести ЗОЖ, здоровый образ жизни, физкультура, утро; Саня Григорьев – главный герой книги «Два капитана»; стремление, красота, душа; созерцание, прозрачность, хрустальность, гармония, самосовершенствование, прогресс, свет, радость, книги; *я не знаком с этим понятием (72 ассоциата)*

Сакральная сфера

Воздержание, здравомыслие, чистота 4, бодрствование, раскаяние, воздержанность, сила 2
(20 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: хранить ум и совесть чистыми; дух, бодрость, пост, здравость, рассуждать и мыслить здраво, состояние полного здравомыслия, держать разум ясным, ясный ум, трезвость ума, бодрствовать, внимание, удержание в себе, молитва, мысли, духовность, быть внимательным, осторожность, следить за душой, помыслами; регулярно исповедоваться, следить за языком; память смертная; работа с мыслями; осознание неправильности поступков с последующими действиями по их справлению; внимание к помыслам; понимание здравого смысла; правильный путь, послушание, обеты; уход от греха; просвящение, спасение (32 ассоциата)

ТЩЕСЛАВИЕ / ТЩЕСЛАВНЫЙ (159)

Секулярная сфера

Эгоизм 4, успех, власть, амбиции, хвастовство, заносчивость, человек 2 (16 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: беспокойство, внутренняя пустота, ожидание почестей, я, самоуверенность, самонадеянность, самомнение, зазнайство, амбициозность, любитель похвалы, манера, похвальба; сластолюбие, честолюбие, лесть, позерство, лукавство; неоправданное хвастовство, оно может быть только внутренним, а может быть и внутренним, и внешним; горделивость чем-то, чем оказался вдруг наделенным; чванство; индюк надутый; слава, любовь к славе; проявление / желание внимания со стороны других, желание восхваления, самовосхваление; желание быть признанным в окружении, ощущение значимости, лощеность, неприятие себя, селфи, инстаграм, смазливый, навязчивое безумие, безумство, психическое нарушение, депутат, начальник, поп, неудовлетворенный, считать себя выше других, летать в облаках по поводу себя, жажда похвалы; любить внимание, славу; любованье собой; пустое, напраслина, петушиться; свое превосходство в чем-либо; привлекать к себе чрезмерное внимание; популярный, ищущий признания; толстый человек, с самодовольной улыбкой; приторное выражение лица; жеманность; всезнайка; самовосхваление себя в словах и мыслях; жажда признания; видение в себе только хороших черт; возгордился, думает «какой я хороший», восхваляет сам себя»; трон, посох, эпитафия; хвастовство положением и связями; желание иметь высокое положение в обществе; хвастун, подхалим, неискренность; выгода, выскочка; мещанство, смешно, жажда денег; чрезмерное

желание производить хорошее впечатление; кино, актеры, политика; излишняя самоуверенность, излишняя самоуверенность без негативного подтекста; возвышение, пренебрежение; публика, показ, похвалы; стремление быть лучше всех; восхваление, олимп, потребность в лести, похвале; высокое мнение о себе; превосходство, желание; самолюбие (амбициозный); агрессия; зазнайство, напыщенность; несчастный человек, который и окружающим видится часто смешным; чувство; ощущение сначала эйфории, потом уныния (102 ассоциата)

Сакральная сфера

Гордыня, самолюбие 8, гордость 7, высокомерие 5, самолюбование 3 (31 ассоциат)

Единичные ассоциаты: грех, порок, страсть, гордый; понятие, обратное кротости; быть зависимым от похвалы, наград, внимания; тяга к славе; стремление приобрести славу (пустую), служение пустоте, слепота (10 ассоциатов)

СМИРЕНИЕ / СМИРЯТЬСЯ (159)

Секулярная сфера

Скромность 5, мир, покой 4, уступчивость, осознание, подчинение, спокойствие 2 (21 ассоциат)

Единичные ассоциаты: фатализм, печаль, безысходность, успокоение, успокоиться, безвыходные ситуации, повинование, подчинение другим; поклонение, жестокость, укрощенный, спокойствие, быть спокойным, сдержанность, тишина чувств и эмоций, норма жизни, глубина, религия, ряса, монастырь, принять действительность; принять стечение обстоятельств и продолжить свой путь; принять, крайняя степень принятия; ощущение, что все пусть как будет; мудрость, знание, красота, *пассивность, плыть по течению*; принятие ситуации такой, какая есть, после долгих переживаний и стенаний; принятие неизбежного; неполное «душевное» принятие; победа; приятие происходящих событий; акцентировать, как есть, так есть; *неумение отстоять свою позицию; безволие, безвольный*, согласие своих ошибок; доверие миру, тишина, дар; *ложь*, отшельничество, Лев Толстой; уступать, ладить, понимать, рубашка, кровать; принятие любых жизненных обстоятельств; непротивление злу насилием; спокойный нрав; *попустительство*; готовность; женщина; обстоятельства, спокойствие; добро, доброта, судьба; *обреченность*; мир в душе; правда о себе, соглашаться со всем; *понурист*, отступить; супружество; тяжело, дружба (71 ассоциат)

Сакральная сфера

Покорность 11, принятие 8, кротость 6, терпение, послушание 3 (31 ассоциат)

Единичные ассоциаты: отпустить, безропотность, молчаливость, монах, принять «как есть», будь что будет; отсутствие гордости, отсутствие гордыни, довериться Богу, на все Воля Божья, благость, незлобивость; принимать окружающие тебя обстоятельства как должное, осмысливать их и, не сдаваясь под их гнетом, двигаться дальше; принимать без осуждения всё, что посылается; не отвечать злом на зло; молитвы, прощение; принятие любой воли Бога в отношении себя; умение принимать Божью волю; понимание своей греховности перед Богом; осознание своего ничтожества перед Богом; признание себя достойным всяческих наказаний за грехи и надежда на спасение по Божией милости; богоподобие; церковь; православие; христианство; оправдывать другого, считать в себе лишь источник всякого греха; надежда, добродетель, покаяние, Бог, скромность духа, примириться, примирение; *то, о чем я ничего не знаю* (36 ассоциатов)

ГОРДОСТЬ / ГОРДИТЬСЯ (157)

Секулярная сфера

Успех 8, дети 5, достижение, радость, победа, достоинство 3, успехи, самоуважение, страна, одиночество 2 (33 ассоциата)

Единичные ассоциаты: 1) чувство собственного достоинства, самоуважения, чувство достоинства, самоуважения; чувство высокого самоуважения, самоуважение, иногда снобизм; личность, ценность, воспитание, польза, заслуга, ценность человека (нации), положительная самооценка

чувства собственного достоинства; достояние; ощущение реализованности; 2) *положительная эмоция*, достижения, хороший поступок, заслуга, заслуженность, радоваться результатам положительным, преодоления трудностей; чувство удовлетворения за реализованное кем-то, либо собой; радоваться за что-то или кого-то; радоваться за кого-то или что-то, радость, радость за успехи, но гордыня – завышенное о себе мнение; дает уверенность и надежду на будущее; награда, получать удовлетворение; высокое мнение о делах и поступках, которые вызывают восхищение окружающих; подвиги, важность, восторг; 3) родина, патриотизм; Победа; 4) герой, собой, людьми, детьми, армия, народ, семья, женщина; 5) слава, жажда похвалы, самодовольство, самоуверенность, хвастовство, нездоровый блеск в глазах, иногда сродни тщеславию, но иногда если воспринимать адекватно, бывает полезной. Но очень легко впасть во грех под действием гордости; непроглядная тьма и ужас, безумие, тьма, недоброта, бесконечные страдания, зависть, самомнение, самолюбие, эгоизм; считать себя кем-то нечто таким, который не достоин того, чтобы на него нападали какие-либо искушения; предубеждение; и предубеждение; для меня двойное понятие: быть слишком гордым – плохо, но в то же время есть такие понятия, как гордиться своей страной, гордиться культурным (для меня) русским наследием, гордиться отдельными представителями (конкретными людьми) моей страны; «я сам знаю, как делать», «не учи ученого», пренебрежение к мнению другого человека; ощущение, что если даже не прав, не пойду человеку навстречу; возвеличивание кого-либо или что-либо в силу ментальной или иной привязки, другими словами ощущение сопричастности к происходящему; неприятие критики; высоко поднятая голова; мнение; 6) орел, горб, осанка, лишнее, отапливать улицу, трата энергии; человек в распахнутой одежде с выпяченной грудью; «Буревестник» (М. Горький), себяшка, сила, пустыня (84 ассоциата)

Сакральная сфера

Высокомерие 5, гордыня 3, отсутствие смирения, возвышение, превозношение, надменность, себялюбие 2 (18 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: грех, греховность, корневой грех, самый ненавистный Богу грех, порок, порочность, гордыня, тщеславие, надмение, превозносить, превозносить себя, ставить себя выше других, превозношение себя над другими, себялюбие, самовозвышение, самовозвеличивание; мать раздражительности и многих других пороков; зло, болезнь; гордыня – считать себя достойным самого лучшего, пренебрегать другими, не считать их ценностью, не слышать другого (22 ассоциата)

ГОРДОСТЬ (по данным РАС Ю.Н. Караулова)

Секулярная сфера

Собой 34, за себя, честь 4, сыном 3, им, родиной, собою, успехами, фамилией, чем; женская, за страну, моя, радость, сила, слава, страны, человека, школы 2 (75 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: божиться, братом, важничать, внуком, возомнить, выделяться, вырождаться, выскочка, выше голову, галстук, бабушка, выше, достоинство, другом, зазнайка, заслуга, званием, звезда, знаниями, любоваться, мама, мамой, медаль, мириться, мудрость, надо, нечем, нос, орден, оценка, партией, победой, ребенком, результатом, Родина, родителями, родиться, самолюб, славой, способность, страна, страной, сын, тем, уважение, успехом, друга, фразер, хорошо, чем-либо, чем-то, честью; бодрость, большая, в душе, возвышенность, выскочка, высота, готическая башня, двора, девичья, достоинство, ее, есть, женщина, задетая, задеть, за институт, законная, за Отечество, запах, за подругу, за Родину, заслуженная, за СССР, за страну родную, за сына, института, и одиночество, как честь, лето, мешает, молоко, молчание, Мэри, мягкость, не дает, не знаю, не мешает, ненужная, непомерная, обуяла, отец, отцовская, павлин, предубеждение, района, Родина, Родина-мать, родители, слезы, сломать, страх, сухость, счастье, твоя, театра, трон, ты наша!, уязвленная, ханжество, хоккей, человек, человеческая, чувствовать, чья, это не порок, это хорошо (118 ассоциатов)

Сакральная сфера

Единичные ассоциаты: дьявол, беда, зазнаваться, кичиться, гадость, глупость, гнуть, гордыня, напрасная, тщеславие, чванливость (11 ассоциатов)

ЛЮБОВЬ / ЛЮБИТЬ (201)

Секулярная сфера

Дети 10, семья, счастье 8, забота 6, жизнь, радость, уважение 5, доброта, понимание, привязанность, симпатия, страсть, тепло 3, доверие, заботиться, сердце, жалость, верность, преданность, смех, свет, ласка, нежность, болезнь 2 (87 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: 1) муж, жена, женщина, близкий человек, родители; влюбленная пара, молодые люди около памятника; 2) близость, отношение; отношение к человеку, прекрасное чувство к человеку, работе, месту и т.д.; быть преданным кому-либо или чему-либо; сердечная привязанность, чувство привязанности; чувство глубокой привязанности; привязанность к другому человеку; чувства, приятие, глубокая симпатия, дарение, дар, смысл, сочувствие, поддержка, помощь, понимать, сопереживать, труд, проявлять доброту и заботу, желание дарить заботу; оберегать, прекрасное; действие, интерес, способность, поцелуй, объятия; когда находишь такого человека, с которым даже молчать в радость; чувство, приходящее гораздо позже влюбленности; взаимобогащение: принятие и отдавание; желание доброго; ненавидеть, любоваться; умение жить не для себя, а для других; всё для другого; желание сделать всё для того, чтобы вторая половинка была счастлива; жертва; жертва своевременная; 3) сладости; склонность (музыка, искусство); цветы; 4) владение миром; эйфория, красота, мир, мир в душе; спокойствие, «сияние», чудо, непобедимая и бессмертная сила; химия, боль, ревность, позитивные эмоции; чувствование; эмоции, чувства, радость...; радость в душе; чувство душевное с многогранными переживаниями, в конечном итоге приводящее в своем развитии к принятию, смирению и пониманию; страдание, иллюзия, ощущение полноты бытия; гармония, имя, красный цвет, жвачка (жевательная резинка); река, кисель; 5) Родина, страна, патриотизм (82 ассоциата)

Сакральная сфера

Бог, терпение 5, жертвенность 3, самопожертвование, самоотдача 2 (17 ассоциатов)

Единичные ассоциаты: бог; творение; совокупность совершенства, т.е. совокупность превосходнейших, всесовершенных качеств; исполнение всех заповедей и слов Бога; послушание Богу; способность к жертвенности по отношению к другому ценой ущемления самого себя с обязательным сохранением радости в своем сердце только лишь от того, что другому станет еще лучше; бескорыстная самоотдача; дать свободу другому, покрывать другого, жертвовать собой ради другого; забывание себя ради другого (других); благословение, благость, видеть в другом человеке образ Божий; всепрощение (15 ассоциатов)

ЛЮБОВЬ (по данным РАС Ю.Н. Караулова)

Секулярная сфера

Человека 36, ненавидеть 28 / ненависть 3, жизнь 26, сильно 15, девушку 14
жить, мужа 12, женщину, крепко, природу 11, его, тебя 10, себя, с первого взгляда 9, до гроба, маму, родину 8, детей, жену, кого-то 7, девушка, мать, меня, счастье, человек 6, чувство, горячо, жалеть, животных 5, вечно, ждать, мужчину, очень, цветы, радость 4, всех, дело, женщина, конфеты, любить, нежно, по-настоящему, страдать, уважать, читать, зла, счастье, друга, страсть 3, болеть, всегда, гулять, долго, дружить, ее, жаловать, желать счастья, жениться, искренне, капусту, кого, любимого, люди, мама, муж, музыку, некого, нравиться одного, она, спать, язык, безответная, горе, и голуби, разлука, страстная, Яровая, любовь, прекрасно, секс, иметь 2 (444 ассоциата)

Единичные ассоциаты: !, брань, бывает, вечная тема, внеочередная, глупость, горит, дерево, земная, знак зодиака, и бедность, и верность, и деньги, искренняя, к жизни, красоти, крепка, к тебе, ложь, много зверей, молодость, морковь, моя, настоящая, нежная, неземная, огромная, отлично, первая, преданность, прошедшая, прошла, раб, смерть; стоит того, чтобы ждать; страдание, с 1-го взгляда, чувства, это неприлично; беззаветно, безнадежно, без оглядки, без остатка, без памяти, без ума, безумно, беспокойство, бить, бодрость, болтать, бы, был, верно, верность, весну, видеть, водку, врать, все, всю жизнь, выпивать, выпить, высокомерно, глаза, глубоко, горы, дам, дано не каждому, да радоваться, дарить, двух, девочка, деньги, дом, дорогого,

дочь, друг друга, дружба, дурака, ее же, жарить, женщин, заботиться, забыть, за красивые глазки, зверей, здорово, землю, зона, и быть любимой, и горевать, играть, или не любить, или не любить?, иметь, имярек, и ненавидеть, кино, книгу, кого?, комфорт, корову, кота, кохать, кошку, лелеять, Леночку, лес, ловить, мало, мальчика; маму, папу, братика; математику, мать родную, можно, мужчина, мучиться, мышление, навечно, на всю жизнь, невесту, не глядя, недостойны любви, нежность; не за, а несмотря на; нельзя, не обязуюсь, не понял, один раз, он, отец, парень, парня, песню, помнить, поспать, преданно, прекрасным чувством, привязаться, приятно, простоквашу, профессию, радоваться, разлюбить, ребенка, ревновать, резать, родителей, родных, розовый, ромашка, рыба, рыбу, свет, семью, сердце, серый, сладкое, сладости, смысл, собаку, совесть, соседа, счастья, сына, телефон, толкать, уши, физику, фонарь, хвалить, хлеб, хорошо одеться, хотеть, целовать, честно, что-то, чувиху, чувствовать, шоколад, это прекрасно, ношу, я люблю тебя (*183 ассоциата*)

Сакральная сфера

людей 8, верить 3 / и верить 2 / вера 2, вечность 2 (*17 ассоциатов*)

Единичные ассоциаты: верная, вечная, душа, к людям, светлая, святое, чистая; ближнего, терпеть (*9 ассоциатов*)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Прямые наименования дескрипторных лексем, входящих в состав ЛСП «Грехи / добродетели», в духовной прозе Н.В. Гоголя

Таблица 4.

Прямые номинации составляющих ЛСП «Грехи / добродетели» в «ВМ» и «РБЛ». Количественные данные

«ВМ»		«РБЛ»	
грех 17		грех 35	
ядро	периферия	ядро	периферия
гордость 36 чревоугодие 35 тщеславие 20 гнев 18 уныние 17 печаль 10 блуд 5 сребролюбие 2	лень 18 осуждение и хула 15 пьянство 10 ложь 9 ненависть 6 презрение 5 соблазн 4 вражда 2 праздность 2 клевета 2 зависть 3 ропот 1	гнев 3 гордость 2 печаль 1 блуд 1 уныние 0 тщеславие 38 сребролюбие 1 чревоугодие 0	ненависть 2 лень 1 ложь 1 вражда 1 суеверие и колдовство 1
добродетель 3		добродетель 2	
любовь 188 воздержание 69 надежда 16 смирение 12 трезвение 7 кротость 2 целомудрие 1 нестяжание 0	вера 21 крепость 16 миротворство 6 терпение 7 прощение 3 самоотвержение 3 сострадание 1	любовь 57 воздержание 14 смирение 12 кротость 6 надежда 1 трезвение 1 нестяжание 1 целомудрие 0	вера 38 прощение 11 миротворство 5 терпение 4 сокрушение 1

Таблица 5.

Значения и смыслы лексем, входящих в ЛСП «Грехи / добродетели», в духовной прозе Н.В. Гоголя

Дескрипторные лексемы (и морфосемантически связанные с ними)	Значения и смыслы в текстах Гоголя	Количество лексем, реализующих значения и смыслы в различных сферах		
		церк.-рел.	сек.	рел.-сек.
ГРЕХ (52)	1) нарушение закона Божьего, жизнь не по заповедям вследствие непонимания своей греховности, нравственной слепоты	29		
	2) недооценка собственной необходимости, неприменение способностей во благо России		2	

Дескрипторные лексемы (и морфосемантически связанные с ними)	Значения и смыслы в текстах Гоголя	Количество лексем, реализующих значения и смыслы в различных сферах			
		церк.-рел.	сек.	рел.-сек.	
	3) не пытаться понять проблемы современности в свете вечной истины и небрежное отношение к собственному таланту, растрата его		1		
	4) неумышленное причинение зла другому человеку вследствие неисполнения должностных обязанностей			1	
	5) незнание России посреди России		1		
	6) склонность к греху	13			
	7) сокрушение по смерти человека	1			
	8) нарушение заповедей Божиих, совершенное уже умершими христианами	2			
	9) смертные	1			
	10) предосудительные поступки		1		
	ДОБРОДЕТЕЛЬ (5)	1) одно из высших проявлений нравственной чистоты	2		
		2) семейные добродетели	1		
3) Бог		1			
4) смирение		1			
ЧРЕВОУГОДИЕ(35)	1) польза, преимущество, приносящий выгоду		16		
	2) возмущение, крайнее недовольство			11	
	3) удовлетворить кого-н., сделав что-н. приятное, нужное			3	
	4) подлый, низкий человек			2	
	5) плохой, не соответствующий, не подходящий по качеству		1		
	6) оказаться годным, нужным			1	
	7) подождать		1		
ВОЗДЕРЖАНИЕ(83)	1) хранить, сохранять		18		
	2) иметь в руках; иметь у себя		11		
	3) контролировать, останавливать; мешать	9			
	4) обеспечение		8		
	5) состав, наполнение, вмещаемое		9		
	6) соблюдение, следование; подражание			7	
	7) траты		4		
	8) помощь, содействие, заступление	3			
	9) взять, получить	2			
	10) например		2		
	11) занимать		1		
	12) полновластный		2		
	13) могущественный, величественный, властный, сильный, заступительный	1			
	14) государство		1		
	15) обращаться с кем-л., относиться к кому-л.		1		

Дескрипторные лексемы (и морфосемантически связанные с ними)	Значения и смыслы в текстах Гоголя	Количество лексем, реализующих значения и смыслы в различных сферах		
		церк.-рел.	сек.	рел.-сек.
	определенным образом			
	16) находиться под сильным влиянием чего-л., быть зависимым		1	
	17) противостоять		1	
	18) состояние		1	
	19) Бог Отец	1		
БЛУД (6)	1) заблуждение, ошибка, ложное мнение		3	
	2) потерявший дорогу, сбившийся с пути	2		
	3) отступивший от Господа	1		
ЦЕЛОМУДРИЕ (1)	1) чистый, непорочный, неповрежденный, без изъятий	1		
СРЕБРОЛЮБИЕ(3)	1) имущество, земные блага	3		
НЕСТЯЖАНИЕ (1)	1) приобретение земных благ	1		
ГНЕВ (21)	1) недовольство, возмущение, запальчивость, горячка; выражающий гнев	15		
	2) гнев небесный	5		
	3) безгневие	1		
КРОТОСТЬ (8)	1) смирение, незлобие; смиренный, смирный	8		
ПЕЧАЛЬ (11)	1) чувство грусти, скорби; состояние душевной горечи испытывать горечь		5	
	2) вызывающий чувство огорчения, достойный печали, сожаления		4	
	3) выражающий печаль		1	
	4) попечительство		1	
НАДЕЖДА (17)	1) упование на Бога, вера Ему / в Него	3		
	2) рассчитывать, полагаться на что-л.		13	
	3) прочный, крепкий		1	
УНЫНИЕ (17)	1) удрученное состояние духа, сокрушение	12		
	2) впадать в уныние	2		
	3) выражающий отчаяние	1		
	4) наводящий уныние однообразием, монотонностью		2	
ТРЕЗВЕНИЕ (8)	1) трезвость духовная, умное делание	3		
	2) духовный, промыслительный, пророческий, прозревающий	3		
	3) сохранение рассудка, пребывание в памяти		1	
	4) рассудительный, здравомыслящий		1	
ТЩЕСЛАВИЕ (58)	1) Божья слава, хвалить Бога, хвалить Богородицу	38		
	2) тщетная, земная слава	6		
	3) к счастью			5
	4) истинная суть человека	3		
	5) доброе имя, общее признание		2	

Дескрипторные лексемы (и морфосемантически связанные с ними)	Значения и смыслы в текстах Гоголя	Количество лексем, реализующих значения и смыслы в различных сферах		
		церк.-рел.	сек.	рел.-сек.
	6) православие как правильные мысли о Боге, или прямой путь к Господу	2		
	7) ради		1	
	8) молва		1	
СМИРЕНИЕ (24)	1) выражающий смирение, проникнутый смирением; кроткий, тихий	9		
	2) сознание своего недостойнства, неправоты, сомнение в себе; допущение, принятие правоты другого человека; доверие Богу	8		
	3) униженность, бедность, убожество	3		
	4) человек, наделенный смирением, униженный, кроткий	2		
	5) обуздывать, подавлять, умерять	1		
	6) принимать болезнь, недуг с благодарностью, видя в этом Промысел Божий	1		
ГОРДОСТЬ (38)	1) необоснованно высокая самооценка	32		
	2) обоснованно высокая оценка своих достоинств		2	
	3) глубокое удовлетворение достоинствами других		2	
	4) противоположность смирения и любви как главных свойств христианского Бога, вочеловечившегося ради людей		2	
ЛЮБОВЬ (245)	1) любовь к ближним	83		
	2) любовь к Богу	48		
	3) любовь к (своему) делу			42
	4) любовь к земле, отечеству, России			39
	5) любовь Государя к «народам»			3
	6) любовь как основание Божественной Литургии	8		
	7) чувство, основанное на половом влечении		2	
	8) необоснованно высокая оценка собственных качеств, свойств	20		
ВСЕГО:		392	127	114